

Д-ръ фил. Ф. Трауготтъ.

д.б.

1957

65

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.

Переводъ съ нѣмецкаго С. К.

Подъ редакціей В. В. Битнера.

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

ловаря философскихъ терминовъ, составленнаго В. П.

(Съ портретами философовъ).

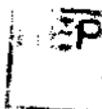
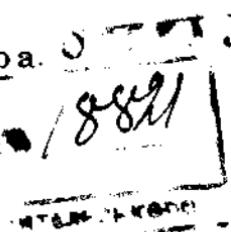
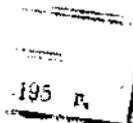
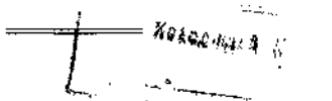
Издѣ

льство „ВѢСТИНИКА ЗНАНІЯ“

(В. В. Битнера). Невскій 40.

1909.

1957/43

08
09

Введеніе.

Если бы Богъ держаль въ своей правой руکъ всю истину, а въ лѣвой одно только постоянное, неугасимое стремление къ ней, связанное при этомъ съ постоянными и вѣчными заблуждениями, и сказалъ бы мнѣ: выбирай! — я припалъ бы съ благоговѣніемъ къ его лѣвой рукѣ и сказалъ: Отецъ, дай! чистая истина годится, вѣдь, только для тебя одного.

Лессингъ.

Предлагаемая исторія философіи, имѣющая цѣлью дать читателю возможно ясное представление о главныхъ системахъ философіи и ихъ представителяхъ, покажетъ намъ, съ одной стороны, какъ различны и часто запутаны были тѣ пути, которыми человѣческій духъ шелъ къ познанію истины, а съ другой — что никакая неудача не могла задушить это „постоянно живое стремленіе“.

Имена четырехъ философовъ обозначаютъ начальные и поворотные пункты отдельныхъ періодовъ исторіи философіи — имена Оалеса, Аристотеля, Декарта и Канта. Философія ведеть свое начало отъ грека *Оалеса*, сдѣлавшаго попытку дать истолкованіе міра. Въ системѣ *Аристотеля* философія достигаетъ высшей точки своего развитія, а затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ столѣтій, она постепенно теряетъ всякое значеніе, вплоть до появленія ея обновителя, *Декарта*. Цѣлый рядъ блестящихъ именъ украшаетъ путь исторіи этой науки отъ Декарта до *Канта*. Кантъ преобразовываетъ философію во второй разъ и направляетъ философское мышленіе по совершенпо новому руслу. Философія отъ эпохи Канта, вплоть до настоящаго времени, находится подъ вліяніемъ этого великаго мыслителя: одни философы охотно подчиняются этому вліянію, другіе пытаются уйти отъ него, вполнѣ сознавая противоположность своей точки зренія.

Въ основу настоящаго труда легли слѣдующія сочиненія, которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть рекомендованы для дальнѣйшаго изученія философіи и въ качествѣ справочниковъ:

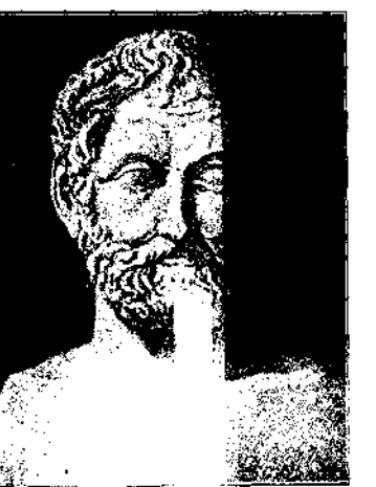

I. Отъ Оалеса до Аристотеля.

1. Философы до Сократа.

Первые греческие философы старались объяснить, какимъ образомъ возникъ окружающій ихъ міръ. Нѣчто — такъ говорили эти мыслители — можно было дать толчокъ къ возникновенію всѣхъ этихъ сложныхъ и многообразныхъ явлений природы, міръ долженъ быть произойти отъ какой-то первичной вещи, которая существовала раньше всего другого; но только наблюденіе природы и изслѣдованіе ея законовъ можетъ разъяснить намъ сущность основного начала всѣхъ вещей. Такимъ образомъ первые философы были вынуждены стоять на позиции материализма. Правда,

были крайне неудовлетворительны; во вѣдь и средства, съ помощью которыхъ они производили свои опыты и изслѣдованія, были тоже несовершены; вслѣдствіе этого, мнѣнія отдельныхъ философовъ происхожденіи вещей были различны, въ зависимости отъ того напія, какое результаты естественно-научного наблюденія давали софскому мышленію.

Фалесъ Милетскій.

Міровоззрѣніе Гераклита (480 г. до Р. Х.) постольку выше ученій трехъ вышеназванныхъ философовъ, поскольку онъ пишетъ огню—по его мнѣнію первичному веществу—также и объясняетъ дѣйствіе этого огня. Все возникло изъ огня и опять вращается въ огонь; но все вещи возникаютъ и гибнутъ не слунаоборотъ, все совершается съ необходимой закономѣрностью, приводящей противоположности стремится другъ отъ друга, выступаютъ одни

Гераклітъ.

благородиѣ. Пьяница дѣлаетъ влажной свою душу и тѣмъ самымъ

Такъ, Фалесъ (585 г. до Р. Х.) первый греческий философъ, о которомъ сообщаетъ исторія, считалъ основнымъ началомъ всѣхъ веществъ мнѣнію Анахимандра (545 г. Х.) міръ образовался изъ бесконечнаго безграничнаго первичнаго вещества, заключающее само въ себѣ въ обходимое для образованія мира и государя свойственному ему вѣчному движению, является причиной появленія веществъ. Анахименъ (500 г. Х.) училъ, что воздухъ являетсявой существованія вселенной, такъ онъ неограниченъ, всеобъемлющъ, постоянно подвиженъ. Воздухъ—это вное условіе всякой жизненной дѣятельности, такъ какъ дыханіе возникаетъ только благодаря ему.

тивъ другой, то притягиваются другъ къ другу, то снова отталкиваются, соединяются и снова стремятся вытеснить другую. Въ этой постоянной борьбѣ и враждѣ заключается жизнь. Поэтому, одно изрѣдѣ Гераклита гласитъ такъ: „Споръ—отецъ всѣхъ веществъ“. Но въ этомъ вѣдь образованіи и разрушеніи нѣть ничего постоянного, все находится въ про- движеніи: „все течетъ“. „Нельзя даже погрузиться въ одну и ту же реку“,—считаетъ другое изрѣдѣ этого философа. Въ реку притекаютъ все новыя новыя водные массы, и все новыя новыя массы воды вытекаютъ изъ реки. Душа человѣка—это огненный паръ, и суще и теплѣе она, тѣмъ она лучше.

ністю природи *становленіе*, т. е. постійнне ізміненіе вещей, то *Элеаты* (філософська школа, отримавши своє названня від міста Елеа, де вони проповідували своє уччення) утверджали, що становлення вовчно існує; відь всяке образовання—таку говорили вони—предполагає *небытие*, а ізъ ничего не можеъ образоваться. Небытия вообще неъ есть, такъ какъ нельзя даже мысленно представить себѣ, что есть небытие. Мыслить можно лишь что либо существующее, *бытие*, и потому *мыслиеніе* и *бытие* тождественны. Но дѣйствительно существующее не могло образоваться изъ несуществующаго, ибо неъ, відь, ни небытия, ни становленія. Ничто, поэтому, не можетъ превратиться въ небытие и, слѣдовательно, неъ гибели, неъ разрушениія. Такимъ образомъ, чистое бытие вѣчно. То, что намъ представляется становленіемъ и исчезновеніемъ—это обманъ нашихъ чувствъ. Та истина, что есть одно лишь вѣчное бытие, можетъ быть постигнута только путемъ *разума*. Но вѣчное бытие безконечно и едино, такъ какъ, если бы оно было не едино, то одно должно было бы ограничивать другое и, слѣдовательно, они были бы конечны. Поэтому, если миръ представляется намъ какъ множество, какъ многообразіе, то это тоже иллюзія. Движеніе тоже не свойственно чистому бытию; відь, разъ оно вѣчно и безконечно, то оно заполняетъ все пространство; какъ же оно можетъ въ немъ двигаться? Движенія въ дѣйствительности неъ, и когда какая—нибудь вещь кажется намъ находящейся въ движениі, то это неъ что иное, какъ обманъ чувствъ. *Зенонъ*, жившій, приблизительно, въ 500 г. до Р. Х. и являющійся завершителемъ теоріи Элеатовъ, пытается слѣдующимъ образомъ доказать отсутствіе движенія: стрѣла, пущенная изъ лука, въ дѣйствительности не летить, такъ какъ въ каждый моментъ она находится въ извѣстномъ мѣстѣ, т. е. покоятся. Но какъ же она можетъ двигаться, если мы должны признать, что въ каждый отдельный моментъ она находится въ покое?

Наиболѣе выдающимися представителями Элеатской школы являются Ксенофантъ, Парменій, Зенонъ и Меліссъ; они, слѣдя другъ за другомъ, разрабатывали вышеупомянутое учченіе о чистомъ бытии; ими была высказана глубокая идея, которую мы снова встрѣтили позднѣе при изложеніи новѣйшей філософії; но они не объяснили, какимъ образомъ мы доходимъ до признанія міра явлений, существованіе котораго они отрицаютъ, они не объяснили, что именно возбуждаетъ наши чувства такъ, что миръ представляется намъ, какъ миръ многообразія, движенія, образованія и гибели.

Они еще, хотя и условно, пытались дать картину строенія этого „каждущагося міра“.

Элеаты покинули прочную почву опыта, отказавшись отъ ідеї основного мірового вещества и допустивъ, что истинное бытие можно постигнуть лишь при помощи разума.

Пієагорейці (т. е. приверженцы Пієагора, жившаго въ 540—500 г. до Р. Х. и являющійся основателемъ этой філософской секты) тоже не пытались объяснить миръ и его явленія на основаніи его свойствъ, но, обративъ вниманіе на отношеніе отдельныхъ вещей другъ къ другу и на ихъ величину, они углубились въ таинственную и бесплодную теорію чиселъ. Аристотель излагаетъ теорію пієагорейцевъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Пієагорейцы были первыми філософами, серьезно занявшими математико-логическими и способы доказательства, онъ разработалъ. Благодаря

знакомству съ этой наукой у нихъ возникло возврѣніе, что начала математики—это начала всего существующаго. Но въ числахъ они видѣли гораздо больше сходства съ живымъ и возникающимъ, чѣмъ въ огнѣ, землѣ и водѣ. Въ числахъ писагорейцы усматривали не только свойства вещей и ихъ отношенія другъ къ другу; они, кромѣ того, утверждали, что основные элементы чиселъ являются основными частями всего существующаго; по ихъ мнѣнию міръ—это гармонія (согласованіе и соединеніе отдѣльныхъ частей въ стройное цѣлое) и число. Такъ, единица это—точка, два—линия, трижды взятая линія—поверхность, четыре раза повторенная поверхность, или четыре—тѣлесное протяженіе. Изъ первыхъ четырехъ чиселъ образуется физическое бытіе, пять—это число, означающее опредѣленное свойство и форму вещей, шесть—это душа, семь—это число святости, разума, здоровья и т. д., десять—это число совершенства, такъ какъ оно представляеть собою сумму первыхъ четырехъ чиселъ, охватывающихъ бытіе вещей.— По мнѣнию писагорейцевъ душа въ видѣ наказанія прикована къ тѣлу которое, такимъ образомъ, является ея темницей. Если душа совершенствуетъ какой-либо проступокъ, то она должна продѣлать процессъ очищенія. Слѣдовательно, писагорейцы вѣрили въ переселеніе душъ.

Чисто духовная основа міросозерцанія алеатской школы и писагорейцевъ не могла удовлетворить тѣхъ мыслителей, умъ которыхъ былъ направленъ и на изслѣдованіе законовъ природы; поэтому, отчасти одновременно съ представителями вышенназванныхъ школъ, отчасти короткое время спустя, въ Греціи появились философы, которые стремились найти основу вещей не въ чистомъ разумѣ, а въ самой природѣ, въ мірѣ явлений.

Эмпедоклъ (496 г. до Р. Х.) сводить вещества, принамавшіяся первыми натурфилософами за основныя, къ четыремъ элементамъ: водѣ, землѣ, воздуху и огню. Эти элементы соединяются другъ съ другомъ подъ вліяніемъ двухъ силъ, называемыхъ имъ любовью и враждою и дѣйствующихъ то притягивающими, то отталкивающими образомъ. По мнѣнию Эмпедокла, всѣ вещи, а также всѣ живыя существа, являются результатомъ смѣшанія этихъ элементовъ подъ вліяніемъ обѣихъ основныхъ силъ. Все, что люди называютъ возникновеніемъ и гибеллю, представляетъ собою не что иное, какъ соединеніе и раздѣленіе четырехъ элементовъ.

Анааксагоръ (500 г. до Р. Х.) утверждалъ, что въ мірѣ имѣется не четыре элемента, а неограниченное многообразіе основныхъ веществъ, которые всѣ различны одна отъ другой и являются „сѣменами вещей“. Всѣ эти частицы первоначально были смѣшаны другъ съ другомъ, но „мировой духъ“ привелъ ихъ въ порядокъ, и, такимъ образомъ, изъ нихъ образовался міръ. Слѣдовательно, „мировой духъ“ Анааксагора обладаетъ не творческой, а лишь регулирующей силой, такъ какъ перво partiцы, сѣмена вещей, существовали изначально.

Демокритъ (460 г. до Р. Х.), подобно Анааксагору, признаетъ многообразіе частицъ, но онъ, въ противоположность вышенназванному философу, утверждаетъ, что онѣ отличаются одна отъ другой не по внутреннимъ качествамъ, а лишь по формѣ; число ихъ безконечно, и онѣ такъ малы, что никакой глазъ не въ состояніи воспринять ихъ. Онѣ недѣлимы, и потому онъ называетъ ихъ atomами. Кромѣ нихъ, существуетъ еще лишь пустота, пустое пространство, т. е. разстояніе, раздѣляющее отдѣльные атомы другъ отъ друга. Всѣ измѣненія вещей

происходятъ вслѣдствіе раздѣленія и соединенія этихъ атомовъ, но послѣдніе не подчиняются какой-либо высшей регулирующей силѣ, а дѣйствуютъ другъ на друга, сообразно слѣпой (т. е. не преслѣдующей никакой конечной цѣли), но строго закономѣрной естественной необходимости. Эти атомы, различные по величинѣ, формѣ и тяжести, находятся въ постоянномъ вихревомъ движениі въ пустотѣ пространствѣ,

и, такимъ образомъ, возникаетъ безчисленное количество міровъ, которые затѣмъ снова распадаются на атомы и уступаютъ мѣсто вновь образующимся мірамъ. Въ зависимости отъ числа, величины, формы и расположения атомовъ, образуемыя ими вещи принимаютъ ту форму и качества, которыхъ, какъ намъ кажется, мы воспринимаемъ у нихъ; дѣло въ томъ, что наши чувственныя восприятія вещей мы получаемъ слѣдующимъ образомъ: отъ окружающихъ насъ тѣлъ отдѣляются истечения („крошечные образы“) и черезъ воздухъ доходятъ до нашихъ органовъ чувствъ. Но такимъ путемъ мы получаемъ лишь несовершенныя представленія, не вполнѣ соответствующія дѣйствительнымъ качествамъ вещей. Душа, какъ и все остальное, вещественна, но она состоить изъ самыхъ совершенныхъ, тончайшихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, которые отличаются крайней подвижностью и вызываютъ въ тѣлѣ жизнь. Все происходящее, а также и мышеніе, про-

Демокритъ.

исходитъ механическимъ путемъ, вслѣдствіе давленія и толчка. Міровоззрѣніе Демокрита получило название „матеріализма“, такъ какъ онъ отрицаєt наличность духовнаго начала и сводитъ все существующее къ элементамъ вещества (къ матерії).

Такимъ образомъ, філософы считали основой сущности вещей то воду, воздухъ, огонь, то бесконечное основное вещество, то смесь воды, земли, огня и воздуха, то первичныя частицы, различныя по качествамъ, то атомы, различные по формѣ, то постоянное становленіе, то непреходящее бытіе, то таинственную сущность числа,—короче говоря, они давали самыя различные и самыя противоположныя объясненія сущности вещей.

Но несмотря на всѣ усилия найти первооснову міра и познать тайны отнoшений, существующихъ между вещами, вышеупомянутые філософы не пришли ни къ какому удовлетворительному результату. Всякій філософъ или всякая філософская школа составили себѣ осоbое мнѣніе относительно происхожденія міра, и во всѣхъ ихъ міро-

созерцаніяхъ единственно вѣрнымъ казалось только одно, а именно: истина не поддается какому-либо обоснованию. Поэтому, не удивительно, что философія, занимавшаяся изслѣдованиемъ природы, не находила уже больше сторонниковъ, и что послѣдующіе философы обратили свое мышленіе на другой объектъ: предметомъ философскаго изслѣдованія стала теперь самъ человѣкъ, а не природа.

Софисты, т. е. „мнимые мудрецы“, „поддѣльные философы“ жили, приблизительно, между 450 и 390 гг. до Р. Х. Къ школѣ софистовъ принадлежали Горгій, Протагоръ, Продикъ, Гиппій, Орасимахъ, Критій и др.; они сдѣлали изъ господствовавшей тогда философіи, въ особенности, изъ философіи Гераклита и Элеатской школы, роковые выводы, а именно: вещи таковы, какъ онъ представляются отдельному человѣку; о всѣхъ вещахъ можно одновременно утверждать противоположное; нѣтъ (т. е. не существуетъ) ничего, а если что либо и есть, то оно непостижимо; если бы оно и было постижимо, то его все же нельзя было бы выразить словами (здесь имѣется въ виду чистое бытіе Элеатовъ, постигаемое лишь при посредствѣ мышленія). Первое положеніе было формулировано Протагоромъ такъ: *человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей*. Это положеніе, распространенное на всѣ области человѣческаго мышленія и дѣйствованія, должно было вліять развращающимъ образомъ на тѣхъ, кто считали его истиной. Вѣдь, если хорошо то, что кажется хорошимъ каждому отдельному человѣку, если правильно только то, что каждый отдельный человѣкъ считаетъ правильнымъ, если то, что ему кажется выгоднымъ, считается выгоднымъ вообще,—то этимъ самымъ проповѣдуется грубый эгоизмъ, право сильна или, по выражению одного изъ новѣйшихъ философовъ (Нитцше), производится переоценка цѣнностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое міросозерцаніе снимало съ человѣка отвѣтственность за его поступки; каждый человѣкъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и затѣмъ сказать: „это мнѣ кажется хорошимъ, правильнымъ и выgodнымъ, значитъ это такъ; вамъ оно, быть можетъ, представляется въ иномъ свѣтѣ, но мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла. Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, каждый человѣкъ судить о вещи по-своему, я смотрю на вещи такъ-то и такъ-то, ни одна вещь сама по себѣ ни хороша, ни дурна, лишь каждый отдельный человѣкъ сообщаетъ вещамъ и поступкамъ ту или иную цѣнность“.

Въ концѣ концовъ, софистика, выработавшая особые методы для доказательства своихъ положеній, выродилась въ стремленіе доказывать самая нелѣпія вещи и этимъ сбивать съ толку не привыкшихъ мыслить людей. Напримеръ: „Кто знаетъ что-нибудь, знаетъ все, такъ какъ знающій человѣкъ никогда не можетъ быть невѣждой“ или „если мавръ—черенъ, то онъ не можетъ быть бѣлымъ, слѣдовательно и его зубы не могутъ быть бѣлыми“.

2. Сократъ и его школы.

Сократъ (469—390 до Р. Х.) выступалъ противъ софистовъ и ихъ ученикія. Отдельный человѣкъ—говорилъ Сократъ—не можетъ по собственному усмотрѣнію решать, что хорошо и что нравствено; решающимъ факторами являются: общее согласіе людей относительно того, что такая нравственность и добродѣтель, затѣмъ религія, законы и свойственная каждому человѣку совѣсть, которая подымаетъ свой пред-

стерегающей голосъ тогда, когда мы хотимъ сдѣлать что-либо, идущее въ разрѣзъ съ обще-признанной нравственностью. Высшей и единственной достойной цѣлью всякой философіи является *самопознаніе*. Добродѣтель—это знаніе, такъ какъ только тотъ, кто позналъ, что такое добро и справедливость, можетъ поступать хорошо и правильно.—Методъ учения Сократа рѣзко отличается отъ метода его противниковъ софистовъ. Софисты обыкновенно выставляли какое-нибудь общее положеніе, а затѣмъ при помощи ловкихъ приемовъ доказывали его къ великому удивленію своихъ слушателей. Сократъ, же наоборотъ, самъ притворялся незнающимъ, и искусственными вопросами наводилъ своего ученика на познаніе истины.

Сократъ, религіозный и нравственный воззрѣнія котораго противорѣчили міровоззрѣнію господствовавшаго класса, былъ приговоренъ къ смерти по обвиненію въ преступлениі противъ установленныхъ государствомъ божествъ и въ бытѣ выпить чашу съ ядомъ.

развращеніи молодежи и долженъ

Два ученика Сократа *Аристиппъ* и *Антисценъ*, были основателями двухъ философскихъ школъ. По мнѣнію Аристиппа и его школы, наслажденіе—это высшая жизненная цѣль, но мудрый человѣкъ долженъ наслаждаться умѣренно и уметь управлять своимъ стремленіемъ къ наслажденію. Аристиппъ считаетъ необходимымъ умственное образованіе для того, чтобы разумно наслаждаться радостями жизни, и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи онъ является послѣдовательнымъ ученикомъ своего учителя, Сократа.

Антисценъ является основателемъ философской школы другого направленія, которая стремится къ тому, чтобы дѣлать счастіе послѣдствиемъ добродѣтели. Самообладаніе, отсутствіе потребностей, освобожденіе отъ всевозможныхъ стѣсненій и обязанностей (служба государству, бракъ, семья) и образъ жизни, соответствующий естеству, для него наиболѣе

Сократъ.

Діогенъ.

віе, препятствующее чувству самоудовлетворенности въ жизни и отсутствію потребностей, это— зло; усилія и недовольство— это благо, такъ какъ они способствуютъ тому, что философы этой школы понимали подъ добродѣтелью. Къ числу сторонниковъ этой школы принадлежитъ и *Діогенъ*, являющійся наиболѣе популярной и извѣстной личностью классической древности.

3. Платонъ.

Платонъ родился въ Аѳинахъ въ 429 году до Р. Х. и происходилъ изъ древней, знатной семьи. Будучи девятнадцатилѣтнимъ юношемъ, онъ сталъ ученикомъ Сократа и учился у великаго философа въ теченіе восьми лѣтъ. Послѣ смерти своего учителя онъ покинулъ

Аѳины и отправился путешествовать, посѣтивъ въ числѣ прочихъ странъ и Египетъ. Послѣ десятилѣтняго путешествія онъ, обогатившись впечатлѣніями и знаніями, вернулся въ Аѳины и всецѣльно посвятилъ себя учительской дѣятельности. Онъ умеръ 82 лѣтъ отъ роду, сохранивъ до послѣдней минуты полную ясность ума. До насъ дошли всѣ его сочиненія, написанныя, во большей части, въ формѣ діалоговъ (въ формѣ разговора).

Знаменитое ученіе Платона объ идеяхъ (которое я постараюсь изложить возможно популярнѣе), сводится къ слѣдующему:

Если представить себѣ, что мы живемъ въ глубокой пещерѣ, то отъ предметовъ, деревьевъ, животныхъ, людей и т. д., находящихся по краямъ этой пещеры, мы будемъ видѣть лишь однѣ тѣни, которыя отбрасываются солнцемъ отъ этихъ предметовъ на стѣны нашей

Платонъ.

пещеры. Подобно этому, и вещи, которыхъ мы воспринимаемъ при помощи нашихъ чувствъ, представляютъ собою лишь тѣни, несовершенное отраженіе первоначальныхъ образовъ, *идей*, сообразно которымъ творецъ міра создалъ ихъ: наши чувства познаютъ лишь отдельную лошадь, отдельную розу, отдельный столъ и т. д., и когда эти вещи исчезаютъ изъ міра нашихъ чувствъ, когда другія лошади, другія розы, другіе столы вступаютъ въ кругъ нашихъ чувственныхъ наблюденій, то въ этихъ постоянно смѣняющихся отдельныхъ вещахъ все же содержится нечто постоянное, нечто такое, что заставляетъ насъ всякую новую лошадь, всякую новую розу, всякий новый столъ и т. д. обозначать именемъ „лошадь“, „роза“, „столъ“ и т. д. И это нечто постоянное, свойственное всемъ отдельнымъ существамъ одного и того же вида, есть „понятіе“ или „идея“. Понятія или идеи нельзѧ воспринять при помощи чувствъ, они не могутъ быть мыслимы, и онѣ представляютъ собою чистое, духовное бытіе, которое вѣчно су-

ществуєть само по себѣ, независимо оть знанія и восприятія каждого отдельного человѣка; мы воспринимаемъ его лишь въ несовершенныхъ отраженіяхъ, въ вещахъ, которые представляются нашимъ чувствамъ. Эти идеи, которая содержатся всѣ въ высшемъ, божественномъ разумѣ, перешли въ душу человѣка, такъ какъ душа существовала еще до ея соединенія съ тѣломъ, душа—небеснаго происхожденія. Прирожденныя душѣ чистыя идеи затуманены и запутаны, вслѣдствіе соединенія разумной души съ тѣломъ, такъ что познаніе первоначальныхъ образовъ, идеи, при восприятіи отраженій міра явлений—представляетъ собою не что иное, какъ припоминаніе ранѣе созерцавшихся явлений. Высшей идеей является *идея добра*, Богъ, творецъ міра, который создалъ чувственно воспринимаемый міръ сообразно вѣчнымъ идеямъ (первоначальнымъ образамъ); но вещество (матерія), изъ которого Богъ создалъ міръ—не божественнаго происхожденія; Богъ создалъ лишь форму и вдунулъ душу во вселенную, чтобы сдѣлать ее разумною.

Исходной точкой этики Платона является слѣдующее воззрѣніе: высшая задача человѣка заключается въ томъ, чтобы подняться надъ міромъ несовершенного, очистить душу отъ всего тѣлеснаго, отъ всячаго чувственного ощущенія и желанія и привести ее къ познанію вѣчнаго бытія,—говоря короче, сдѣлаться подобнымъ богу.—*Справедливость* является добродѣтелью, заключающей въ себѣ всѣ остальныя; она—цѣль, къ достижению которой въ практической жизни должны стремиться всѣ люди. Но для того, чтобы справедливость достигла всевого полнаго развитія, необходимо существованіе государства. Цѣлью государства является осуществленіе идеи добра. Но лишь одни философы могутъ познать и охватить полностью эту идею. Вотъ почему одни лишь философы могутъ быть руководителями и управителями государства.

II. Отъ Аристотеля до Декарта.

1. Аристотель.

Аристотель, ученикъ Платона, „пачерталъ философіи путь на цѣляя тысячу лѣтія впередъ, и вмѣстѣ съ нимъ начался въ Греціи пе-ріодъ настоящей науки; всѣ области знанія своего времени онъ обога-тилъ самостоятельными изслѣдованіями и внесъ въ нихъ новыя идеи... Его труды настолько превосходятъ обычное понятіе о границахъ ра-ботоспособности человѣка, что прямо таки трудно понять, какъ это человѣкъ въ теченіе столь непродолжительной жизни могъ создать такъ много научныхъ цѣнностей“ (Целлеръ, „Філософія грековъ“ т. II ч. 2). Аристотель былъ отцомъ логики, грамматики, поэтики и реторики (ученіе объ ораторскомъ искусстве и объ искусствѣ стихосложенія); онъ написалъ труды по физикѣ, астрономіи и всѣмъ отраслямъ естество-знанія и оставилъ потомству знаменитое сочиненіе о государствѣ, его законахъ и исторіи. Но въ настоящей книжѣ мы можемъ кратко изло-жить лишь его философскую систему.

Аристотель родился въ 384 году до Р. Х. въ Стагирѣ, онъ былъ сыномъ врача. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ уѣхалъ въ Аѳіны слушать Платона и въ то же часъ

Послѣ смерти своего учителя онъ уѣхалъ изъ Аѳинъ; въ 343 году Филиппъ Македонскій призвалъ его въ качествѣ воспитателя для своего сына Александра, получившаго впослѣдствіи наименование Великаго; въ 335 году онъ вернулся снова въ Аѳины, гдѣ до 322 года былъ философомъ и учителемъ молодежи. Въ 322 году противъ него было выдвинуто обвиненіе въ безбожіи. Тогда онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ для того (какъ онъ сказаъ, намекая на Сократа), чтобы „аѳинянѣ во второй разъ не согрѣшили противъ философіи“. Въ томъ же году онъ умеръ на островѣ Эвбеѣ въ Халкидѣ.

Исходной точкой философіи Аристотеля является критика философіи его учителя Платона. Въ своей „Метафизикѣ“ онъ даетъ слѣдующую оценку учению Платона: „Ученіе объ идеяхъ бесплодно, такъ какъ идеи представляютъ собою лишь безцѣльное удвоеніе чувственныхъ вещей, не пригодныничѣмъ отдельному существу; не будучи свойственны предметамъ, а существуя отдельно отъ нихъ, они не могутъ быть ни причинами измѣненія и движенія, ни причинами существованія вещей“. Правда, Аристотель, какъ и Платонъ, утверждаетъ, что наше научное познаніе должно быть направлено не на чувственные вещи, а

Аристотель.

на то, что составляетъ ихъ сущность; „вѣдь“, говорить онъ, „подобно тому, какъ чувственное восприятіе представляетъ собою чѣтко другое, чѣмъ знаніе, точно такъ же и предметъ знанія долженъ отличаться отъ чувственныхъ вещей“; но вместо платоновской идеи онъ признаетъ „сущность“, или „форму“ (при чѣмъ здѣсь онъ не имѣеть въ виду внѣшней формы вещи), и измѣненная имъ „идея“ Платона находится не въ вещахъ, а свойственна сущности предметовъ чувственного восприятія. Но что же понимать Аристотель подъ сущностью, или формой вещей? Пояснимъ это на примѣрѣ:

Я представляю себѣ скамейку изъ дерева. Въ этомъ предметѣ я могу различить двѣ стороны: матерію, вещество (дерево), изъ которой сдѣлана скамейка, и форму, цѣль, которую выполняетъ дерево, превращенное въ скамейку. Но откуда же появилось строительное дерево, превратившееся въ скамейку? Оно было взято отъ дерева-растенія, и, такимъ образомъ, дерево-растеніе было матеріею, которая превратилась въ форму: строительное дерево.. Дерево опять-таки представляетъ собою форму, матеріей для которой послужило вызвавшее его къ жизни семя; семя же, съ своей стороны, представляетъ собою матерію другого семени, ставшую формой, и такъ далѣе до безконечности. Слѣдова-

тельно, каждая вещь состоит из формы и материи, не быть ни чистой формы, ни чистой материи. Конечно, должно существовать основное вещество, лежащее в основе всего образующегося; но оно поэтому не иметь никакой определенной формы, и о его свойствах, о его бытии нельзя сказать ничего определенного. Аристотель, действительно, признает такое неопределенное нечто, такую первичную материю, которая представляет собою ничто, но изъ которой можетъ все образоваться. И эта, лишенная какихъ бы то ни было свойствъ, первичная материя превращается въ нечто определенное, существующее, только тогда, когда форма начнетъ действовать на нее, приведеть ее къ определенной цѣли, превратить ее во что либо. И подобно тому, какъ, съ одной стороны, существует первичная безформенная материя, форма, такъ, съ другой стороны, имеется лишенная какой-либо материи чистая форма, не существующая, однако, въ области *чувственно воспринимаемыхъ предметовъ*; дѣло въ томъ, что такая форма и есть чистое *понятіе*, постигаемое лишь при помощи мышленія. Но эта чистая форма есть основа всего, она приводить въ движение матерію, она — законченная дѣятельность; будучи неподвижной сама по себѣ, она является причиной всего движения, она — богъ.

Но въ чувственномъ воспринимаемыхъ вещахъ, т. е. въ томъ, что находится между чистой первичной матеріей и чистой формой, существует лишь одинъ агрегатъ формы и материи; при этомъ, какъ показываетъ вышеупомянутый *премъръ*, совокупность всего существующаго представляетъ собою какъ бы лѣстницу, где всякая высшая ступень представляетъ собою форму ближайшей низшей, а ближайшая низшая — матерію ближайшей высшей.

Высшимъ благомъ и цѣлью человѣческой жизни Аристотель считаетъ блаженство, а блаженство — это результатъ разумной и добродѣтельной дѣятельности. Самообладаніе и умѣніе придерживаться мѣры во всѣхъ вещахъ — вотъ добродѣтель, ведущая къ блаженству. Человѣкъ — это *«политическое существо»*, и потому лишь въ государствѣ онъ можетъ достигнуть полного совершенства.

Ученики Аристотеля, называемые перипатетиками, внесли послѣ смерти своего учителя очень незначительныя измѣненія въ его философію и не сдѣлали въ ней какихъ-либо существенныхъ дополненій. Они занимались, главнымъ образомъ, изслѣдованиемъ природы и старались возможно больше популяризировать этику (ученіе о нравственности) Аристотеля. Теофрастъ, Эвдемъ и Стратонъ — вотъ старѣйшие и наиболѣе выдающіеся представители перипатетической школы.

2. Стоики, эпикурейцы и скептики. Римляне.

Благодаря Платону и Аристотелю, греческая философія достигла апогея своего развитія, но въ то же время Греція въ другихъ отношеніяхъ находилась уже въ периодѣ упадка. Прежніе нравы и обычай исчезли вмѣстѣ со старой вѣрой въ боговъ, а философія была не въ состояніи дать народнымъ массамъ то, что замѣнило бы имъ религію. Условія, въ какихъ живетъ государство, становятся все менѣе и менѣе удовлетворительными, благосостояніе и военные способности греческой нації падаютъ съ каждымъ днемъ. Въ концѣ концовъ, греки лишились своей самостоятельности и свободы (146 г. до Р. Х.).—Всѣ эти обстоятельства имѣли огромное значеніе также и для греческой философіи. Политическія условія были такъ безнадежны, что, казалось,

не оставалось ничего иного, какъ обратить все вниманіе только на себя, сдѣлать удовлетвореніе жизнью зависимыи лишь отъ условій своего внутренняго „я“ и совершенно отрѣшиться отъ виѣшиаго міра. Такъ и поступили сторонники трехъ школъ, появившихся въ первой половинѣ третьяго столѣтія до Р. Х., а именно, школы стойковъ, этикурийцевъ и скептиковъ.

Всѣ эти три системы имѣютъ ту общую характерную черту, что философское мышеніе ихъ представителей не направлено уже больше на окружающій человѣка міръ или на научное познаніе вещей самихъ въ себѣ, но рассматриваетъ все происходящее лишь въ его отношеніяхъ къ человѣку и его практической дѣятельности.

Приверженцы стойкізма, стойки (получившіе свое имя отъ „узорчатаго портика“ *stea poikile*, гдѣ они въ Аѳинахъ обыкновенно проповѣдовали свое ученіе), утверждали, что знаніе представляеть собою лишь средство для выполненія добродѣтельныхъ поступковъ. „Слѣдуй природѣ!“ или „живи въ согласіи съ природой!“—вотъ основное положеніе этики стойковъ, такъ какъ міръ казался имъ устроенный вполнѣ совершенно и цѣлесообразно. Полное *безстрастіе* — вотъ путь, къ которой долженъ стремиться мудрый и добродѣтельный человѣкъ. „Ничему не удивляться, ничего не страшиться“, стараться не нарушать душевнаго равновѣсія, не предаваться ни радости, ни горю—вотъ идеаль мудрости и добродѣти, выставленный школой стойковъ.

Этикарийцы (названные по имени основателя ихъ школы, Эпикура, 341—270 г. до Р. Х.) видятъ высшее благо, высшее блаженство въ достижениіи того, что даетъ имъ чувство полнаго, вичѣмъ не затуманеннаго *наслажденія* и радости. Но они не признаютъ переходящаго удовольствія; цѣлью, высшимъ блаженствомъ они считаютъ удовольствіе, продолжающееся въ теченіе *всей жизни* человѣка, который его ощущаетъ. Поэтому этикурийцы отказываются отъ нѣкоторыхъ переходящихъ удовольствій, которыя, быть можетъ, повлекутъ за собой страданіе, но, съ другой стороны, они иногда добровольно переносятъ тѣ страданія, которыя могутъ быть источникомъ ясной радости. Но чтобы достигнуть того, что даетъ намъ продолжительное наслажденіе, и быть въ состояніи избѣжать того, что препятствуетъ нашему чувству удовольствія, надо быть не только крайне умнымъ и проницательнымъ человѣкомъ, но и умѣть владѣть собою и даже подавлять свои желанія. Мы должны избѣгать всего, что въ нашей позднѣйшей жизни можетъ быть для настъ непріятнымъ воспоминаніемъ, мы должны желать всего того, что возвуждаетъ радостную надежду и увѣренность. Все, что вызываетъ угрызенія звѣсти, что роняетъ нашу внутреннюю цѣнность передъ нашимъ духовнымъ „я“, — все это мѣшає нашему удовольствію, и мы должны избѣгать этого, какъ зла. Только добродѣтель дѣлаетъ нашу жизнь пріятной; поэтому дурной, безнравственный человѣкъ не можетъ быть счастливымъ. Умѣренность, скромность и воздержаніе предохраняютъ человѣка отъ дурныхъ послѣдствій, вызываемыхъ страстью къ наслажденіямъ и невоздержанностью и уменьшающихъ чувство удовольствія. Отсутствіе страданій и недовольства — это уже удовольствіе. Духовныи наслажденіямъ надо отдавать рѣшительное предпочтеніе передъ физическими. Страхъ смерти вызываетъ въ человѣкѣ недовольство, и потому mustent не толкент бояться смерти.

Скептики (сомніваючися), главою якихъ бывъ Пирронъ изъ Олізи (прибл. 270 г. до Р. Х.), утверждали, что вообще нельзя познать истину, такъ какъ наши чувства всегда подвержены ошибкамъ, и наше познаніе при помощи разума настъ часто обманывало; въ доказательство правильности своего утверждения они приводили также фактъ наличности многихъ філософскихъ воззрѣній и мнѣній, рѣзко противорѣчащихъ

одно другому.

Для того, чтобы предохранить себѣ и другихъ отъ заблужденія, лучше всего воздерживаться отъ всякаго сужденія и избѣгать высказывать определенные взгляды. „Можетъ быть“, „насколько я знаю“, „весьма возможно“, „я ничего не утверждаю“, — вотъ тотъ осторожный способъ выраженія, при помощи котораго скептикъ высказывалъ свои мысли. Благодаря тому, что человѣкъ воздержи-

Эпікуръ.

вается отъ высказыванія сужденій, его душевное равновѣсіе ничѣмъ не нарушается, а это, по мнѣнию скептиковъ, является высшимъ благомъ; этотъ отказъ отъ высказыванія своихъ взглядовъ избавляетъ человѣка отъ беспокойства и страсти, которая неминуемо возникаетъ при встрѣчѣ разнородныхъ мнѣній.

Что касается *римлянъ*, то ихъ вкладъ въ сокровищницу філософіи очень и очень незначителенъ. *Цицеронъ* (106—43 г. до Р. Х.) *Секстъ* и *Сенека* (3—65 г. по Р. Х.) заимствовали изъ греческой філософіи, въ особенности, у стоиковъ и скептиковъ различныя идеи и приспособили ихъ къ римскимъ воззрѣніямъ; но при этомъ они не углублялись въ изученіе и изслѣдованіе філософскихъ вопросовъ, затронутыхъ греческими мыслителями.

3. Александрийская філософія, неоплатонизмъ, христіанство.

Въ Греції філософія закончилась сомнѣніемъ въ возможности всякаго познанія. Но вполнѣ ясно, что именно въ періодъ національного упадку и полнѣ рабства греческіе філософы

дежная философія не могла удовлетворять ни умъ, ни сердце. Поэтому общество охотно восприняло религіозно-философскія возврѣнія восточныхъ народовъ, исходившія изъ основанной Александромъ Великимъ и могуче развившейся *Александрии* и распространявшіяся персидскими, индійскими, вавилонскими и еврейскими учеными. Въ эту эпоху греческая наука восприняла много чертъ изъ восточныхъ религій.—*Амоній Саккасъ* возстановилъ учение Платона и является основателемъ *неоплатонизма*. Его ученикъ *Плотинъ* основалъ неоплатоновскую школу въ Римѣ, откуда учение его проникло также и въ Аѳины.—Неоплатонизмъ, придававшій научную форму христіанству, имѣлъ большое значеніе для этой новой, развивающейся религії. Правда, апостоламъ христіанства удалось сравнительно легко привить свои идеи униженнымъ, порабощеннымъ и необразованнымъ людямъ; но для того, чтобы христіанская идея могли быть восприняты и образованными людьми, для того, чтобы христіанство могло имѣть значеніе, какъ духовная сила,—для этого ему надо было придать видъ стройной системы; и наиболѣе пригодной формой отцы церкви считали для этого вышеупомянутый неоплатонизмъ. Самымъ выдающимся отцомъ церкви былъ *Августинъ* (умеръ въ 430 году); его труды, однако, относятся больше къ области исторіи церкви, чмъ къ философіи. Трудами Августина образование догматовъ (непоколебимые, постоянные принципы христіанской церкви) было вполнѣ закончено.

4. Схоластика.

Стремленіе примирить вѣру и знаніе породило новую эпоху въ философіи, продолжавшуюся вплоть до первой половины пятнадцатаго столѣтія; философія этой эпохи носить название *схоластики* (школьной мудрости). Основой философіи *схоластиковъ* была абсолютная, не могущая быть доказанной, но основанная исключительно на вѣрѣ истинность церковныхъ догматовъ, утвержденныхъ отцами церкви. Школьная философія имѣетъ цѣлью понять и сдѣлать доступной разуму истину, полученную путемъ откровенія. „Я вѣрю для того, чтобы познавать“—сказалъ знаменитый основатель схоластики *Ансельмъ Кэнтерберийский* (1073—1109), и это изреченіе, характеризующее все философское направление того времени, было основой, на которой зиждились искусственные построенія всѣхъ позднѣйшихъ схоластиковъ. Крайне остроумно и умѣло, съ помощью орудій, заимствованныхъ схоластическими мыслителями у Аристотеля, эти послѣдніе строили свои системы и, будучи сами слугами церкви, они низвели философію на степень служанки богословія.

Ансельмъ Кэнтерберийский былъ первымъ, кто пытался логически обосновать существованіе Бога. „Богъ—это высшее и совершененнѣшее существо; но понятіе совершенства заключаетъ въ себѣ понятіе дѣйствительного существованія; поэтому Богъ дѣйствительно существуетъ“.—Умомъ, по мнѣнію Ансельма Кэнтерберийскаго, надо пользоваться лишь для обоснованія церковныхъ догматовъ, но ни въ коемъ случаѣ не для борьбы съ ними или опроверженія ихъ. Въ лицѣ *Фомы Аквината* (Томасъ Аквинскій) (1224—1274) и *Дунса Скотта* схоластика достигаетъ своего высшаго развитія.—Фома Аквінатъ имѣлъ большое значеніе для церковнаго ученія, такъ какъ онъ разработалъ ученіе о *согласіи благихъ лѣкъ* “*оби отицествіи*” *писти*

лицѣ", „тайной исповѣди" и „отищениіи грѣховъ священниками", тогда какъ Дунсь Скотъ оказалъ большую услугу догматикѣ своей защитой непорочнаго зачатія Дѣвы Маріи.—Фома Аквинація отличаетъ христіанскіе и церковные принципы откровенія, которые нельзя обосновать при помощи разума, но относительно которыхъ можно доказать, что они лишены внутреннихъ противорѣчий, отъ принциповъ, могущихъ быть доказанными. Дунсь Скотъ, наоборотъ, раздѣляетъ тотъ взглядъ, что *догматы не могутъ быть доказаны*. Но среди лицъ, желавшихъ освободить философію отъ рабскаго подчиненія церкви, постепенно все болѣе и болѣе распространялось возарѣніе, что откровеніе и разумъ не соединимы, что истинное и правильное съ точки зрѣнія *разума* можетъ быть невѣрнымъ и неправильнымъ съ точки зрѣнія *разума* (ученіе о двойной истинѣ). Но вмѣстѣ съ этимъ началось разложеніе философіи, и послѣдовавшія затѣмъ события и измѣнившіяся культурныя условія (которыхъ мы сейчасть коснемся) нанесли ей рѣшительный ударъ.

5. Переходный періодъ. Джордано Бруно.

Ученые среднихъ вѣковъ не занимались изученіемъ греческихъ писателей, и даже съ философіей Платона и Аристотеля они были знакомы лишь по латинскимъ переводаамъ или по сообщеніямъ и изложеніямъ тѣхъ, которые, пользуясь тѣми или иными переводами, передавали, по большей части въ крайне неполной и искаженной формѣ, философскіе взгляды великихъ учителей древности.

Когда ученые греки, основательно знавшіе сочиненія древнихъ философовъ, бѣжали отъ преслѣдованія турокъ изъ Константинаополя въ Италию и поселились тамъ, они познакомили свою новую родину съ давно забытыми или искаженными до неузнаваемости сочиненіями древнихъ греческихъ философовъ и поэтоіи, въ особенности съ сочиненіями Платона. Платоновская философія вскорѣ пріобрѣла себѣ много сторонниковъ, къ великому неудовольствію сколастиковъ, которые понимали, что благодаря ей ихъ Аристотель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сколастика (на ученіе котораго она опиралась), должны были пасть въ глазахъ образованныхъ людей. Долгое время продолжалась борьба между приверженцами Аристотеля и сторонниками Платона, пока новыя идеи и события—реформація, открытие Америки, морскаго пути въ Остъ-Індію, а также составившія цѣлую эпоху въ міровой исторії естественно-научныя открытия Коперника, Кеплера и Галилея—не расширили умственныій кругозоръ мыслителей и не помогли восторжествовать совершенно новому міровоззрѣнію.

Природа снова стала предметомъ философскаго наблюденія: Джордано Бруно, наиболѣе извѣстный изъ появившихся въ то время натуралистовъ,—настоящее дитя этой эпохи, еще не достигшей полной зрѣлости и столь богатой различными умственными теченіями.—Джордано Бруно родился въ 1548 году въ Нолѣ, вблизи Неаполя, воспитывался въ Неаполѣ, затѣмъ вступилъ въ орденъ доминиканскихъ монаховъ, но былъ вынужденъ бѣжать оттуда за-границу, вслѣдствіе разногласія своихъ религіозныхъ убѣждѣній съ ученіями господствовавшей церкви; жилъ поперемѣнно въ Швейцаріи, Франціи, Англіи и Германіи и затѣмъ снова вернулся въ Италию. Въ Венеціи онъ былъ арестованъ инквизиціей и въ 1593 году выданъ Риму. Тамъ онъ въ теченіе семи лѣтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Такъ какъ онъ

непоколебимо настаивалъ на своихъ убѣжденіяхъ и не хотѣлъ признать ученія католической церкви,

Джордано Бруно.

условіяхъ изъ мертваго создать нечто живое.

Богъ живеть не въ міра, а въ немъ самомъ. Онъ живеть въ небесныхъ свѣтилахъ, въ растеніяхъ, въ водѣ, въ камняхъ, короче говоря, повсюду; все одухотворено имъ (всеобщее одушевленіе — пантезизмъ). Поэтому міръ, какъ цѣлое, является совершеннымъ. Человѣческая душа—это часть божественного духа, и потому она вѣчна.

Такимъ образомъ, философы снова обратили свои взоры отъ небеснаго къ земному, т. е. теологическая наблюденія уступили мѣсто стремлению познать и изслѣдовывать природу. Но у Джордано Бруно фантазія все еще перевѣщивала философское мышленіе.

Англичанинъ Бэконъ Веруламскій оказалъ огромную услугу своимъ современникамъ, показавъ имъ способы научного изслѣдованія. Надо сказать, что онъ только указалъ на методы, способы изслѣдованія, и что результаты его собственныхъ изслѣдованій несущественны и часто певѣрны.

6. Бэконъ. Гоббсъ.

Бэконъ Веруламскій родился въ Лондонѣ въ 1561 году. Его отецъ занималъ высокій постъ хранителя королевской печати. Получивъ тщательное воспитаніе и подготовившись къ службѣ въ карьерѣ въ кембриджскомъ и парижскомъ университетахъ, онъ постепенно достигъ высокаго положенія и былъ назначенъ лордомъ-канцлеромъ. Но черезъ некоторое время онъ былъ обличенъ во взяточничествѣ и приговоренъ къ отрѣшенію отъ всѣхъ своихъ должностей, къ уплатѣ 40,000 фунтовъ стерлинговъ пени и къ заключенію въ башню Тоузъ. Король сложилъ съ него денежное взысканіе и черезъ нѣсколько дней пребыванія въ тюрьмѣ выпустилъ его

онъ былъ выданъ духовными инквизиторами свѣтскимъ властямъ съ просьбой „наказать его возможно мягче, не проливая крови“. Суды поняли этотъ намекъ духовныхъ властей и приговорили къ смерти на кострѣ великаго философа, оставшагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ до послѣднихъ дней жизни. 17 февраля 1600 года Джордано Бруно былъ сожженъ въ Римѣ.

Важнѣйшимъ трудомъ его жизни является сочиненіе: „О причинѣ, принципѣ и единомъ“.

Чему же училъ Джордано Бруно?

Міръ—это безконечное существо, одухотворенное во всѣхъ своихъ частяхъ; жизненный духъ заключается даже въ повидимому мертвай массѣ и можетъ при извѣстныхъ

на свободу.—Послѣ этого Бэконъ Веруламскій жилъ очень замкнуто и умеръ въ 1626 году въ Гайдгэте близъ Лондона. Главныя его сочиненія: „О достоинствѣ и обѣ усовершенствованіи наукъ“ и „Новый органонъ“.

Вотъ что говорить Бэконъ Веруламскій: „Изслѣдователь, кото-

Фрэнсисъ Бэконъ.

рый хочетъ найти истину, долженъ выполнить два условия: онъ долженъ близко изслѣдоватъ самыя вещи и попытаться обосновать при помощи наблюденія и опыта ихъ внутреннюю сущность. Для того, чтобы вполнѣ беспристрастно отдаться своимъ наблюденіямъ, онъ долженъ отрѣшиться отъ всякихъ суевій, отъ всѣхъ предразсудковъ, отъ всего того, чemu учили предшествовавши філософы. Всякое філософствование, не основанное на опыте, представляетъ собою либо простую фантазію и не приводить ни къ чemu“.—Наука должна быть построена исключительно на познанії, приобрѣтаемомъ путемъ наблюденія и опыта.—Ученіе о Богѣ и духахъ не должно выходить за предѣлы церковной вѣры. Такъ какъ человѣческое познаніе ограничено чувственнымъ міромъ, то вполнѣ естественно, что божественные истины могутъ показаться намъ неразумными; поэтому мы должны

призвавать церковную вѣру даже тогда, когда она противорѣчитъ на-
шей природѣ: чѣмъ иеразумише какая либо божественная тайна, чѣмъ
большее уваженіе оказываемъ мы ея признаніемъ Богу.

Больѣ молодой современникъ и соотечественникъ Бэкона Веру-
ламскаго—Гоббсъ—находился всецѣло подъ вліяніемъ великихъ физи-
ковъ и математиковъ Галилея и Кеплера. Томасъ Гоббсъ, родившійся
въ 1588 году, быль сыномъ священника; онъ учился въ Оксфордѣ,
поступилъ двадцатилѣтнимъ юношемъ въ качествѣ воспитателя въ домъ
лорда Кавендиша и путешествовалъ по Франції и Италии. Затѣмъ
онъ вернулся въ Англию, познакомился съ Бэкономъ Верулам-
скимъ и, позднѣе, съ Галилеемъ; проживъ потомъ долгое время въ
Парижѣ, онъ умеръ въ 1679 году. Важнейшимъ трудомъ его является
„Leviathan“ (Левіаанъ), подъ которымъ онъ понимаетъ государст-
Съ Бэкономъ Веруламскимъ онъ сходится въ томъ отношеніи, ч
онъ тоже считаетъ оцѣть источникомъ всякаго познанія. Для Гоббса
философія представляетъ собою не что иное, какъ искусство или спо-
собность познавать слѣдствія по ихъ причинамъ и, наоборотъ, на
основаніи имѣющихся на лицо послѣдствій дѣлать правильный выводъ
относительно причинъ, ихъ вызывающихъ.—Цѣль философіи онъ ви-
дѣть преимущественно въ практическомъ употребленіи, которое можно
сдѣлать изъ пріобрѣтенного такимъ образомъ познанія, а именно: пред-
видѣть слѣдствія какой-либо причины и поступать соответственно имъ.

Какъ мы видимъ, причина и слѣдствіе—это полюсы, вокругъ
которыхъ вращается все происходящее: нѣть слѣдствія безъ причинъ,
и потому ничто не происходитъ само по себѣ, но все должно имѣть
началомъ дѣйствіе какой-либо причины. Но то, что приводить въ
движение, должно само двигаться, и потому все находится въ движе-
ніи. Необходимымъ условиемъ движения является вѣчно тѣлесное,
и все существующее—это тѣло. Духъ—это тоже тѣло, но слишкомъ
тонкое для того, чтобы чувства могли воспринять его. Такъ какъ все
существующее носить физической характеръ, а философія, какъ опыт-
ная наука, должна изслѣдовывать лишь дѣйствительно существующее,
то и предметомъ ея являются лишь тѣла.—Поэтому ученіе о Богѣ и
божественной сущности относится не къ области философіи, а къ об-
ласти религіи. „Тайны вѣры надо проглатывать цѣликомъ, какъ цѣ-
лебныя, но горькія пилюли; если же разжевывать ихъ, то ихъ обык-
новенно придется выплевывать“.

Гоббсъ различалъ лишь два рода тѣлъ: естественные и искусст-
венные. Искусственные тѣла—это тѣ, которыхъ человѣкъ образовали
самъ для себя, важнейшимъ среди нихъ является государство.—Тѣла
мы позиаемъ при помощи нашихъ чувствъ. Дѣло въ томъ, что отъ
тѣлъ исходятъ движения, которыхъ распространяются все дальнѣе и
далѣе и, наконецъ, раздражаютъ наши чувства; послѣднія передаютъ
эти движения мозгу, а потому сердцу, результатомъ чего являются
ощущенія. Изъ ощущеній же складывается познаніе.—Но ощущеніе,
какъ таковое, не похоже ни на движения въ предметахъ, ни на самы-
е предметы, и такія свойства, какъ цвѣтъ, тонъ,—все это явленія, про-
исходящія въ насъ, ощущающихъ существахъ.

Ничто само по себѣ ни хорошо, ни плохо. Масштабомъ хорошаго
или плохаго является лишь самъ индивидъ; поэтому хорошо то, что
пріятно и полезно, плохо то, что приноситъ зло и вредъ. Результаты
естественнаго состоянія людей (когда каждый человѣкъ имѣлъ

право эгоистично пользоваться всеми благами жизни) является война всѣхъ противъ всѣхъ; поэтому разумъ требуетъ, чтобы въ интересахъ поддержания мира каждый подчинился бы большинству собрания или волѣ отдельного лица. Такимъ образомъ возникаетъ государство. Граждане должны исполнять всякое повелѣніе верховной государственной власти, даже если оно само по себѣ является плохимъ.

III. Отъ Декарта до Канта.

1. Декартъ.

Бэконъ и Гоббсъ порвали съ прежнимъ направлениемъ философіи. Они отвергли всѣ недоказанныя философскія ученія и положенія, посоящіяся лишь на вѣрѣ и предположеніяхъ, и довѣряли только опыту,

Ренэ Декартъ.

т. е. вещамъ вышеаго міра въ томъ видѣ, какъ онѣ дѣйствовали на ихъ чувства. Ну, а что будетъ, если чувства насъ обманываютъ; если они показываютъ намъ вещи, которыхъ въ дѣйствительности не существуютъ? Такое сомнѣніе зародилось въ умѣ отца новейшей философіи, Декарта. Это сомнѣніе побудило Декарта, въ свою очередь,

отбросить всю прежнюю философскую теорию и построить новую филосовскую систему на совершенно новой основе; таким образомъ, философия Декарта стала исходной точкой всѣхъ позднѣйшихъ философскихъ системъ.

Ренъ Декартъ (по—латыи. *Ренатъ Картезій*), родившійся въ 1596 г. въ *Ла-Ге*, происходилъ изъ старинной туренской дворянской семьи. Онъ поступилъ въ іезуитскую коллегію въ *Лафлешъ*, где обнаружилъ большую склонность и способности къ математикѣ, а затѣмъ до 1617 года жилъ въ *Парижѣ*. Когда началась тридцатилѣтняя война, молодой дворянинъ вступилъ въ ряды дѣйствующей арміи. Сначала онъ поступилъ на службу въ голландцамъ, затѣмъ къ иѣмцамъ и былъ въ *Богеміи* и *Венгрии* (битва подъ *Прагой*). Но военная служба мало соответствовала его характеру. Въ 1625 году онъ вернулся въ *Парижъ* и, часто мѣняя квартиры, тщательно скрывалъ свое мѣстопребываніе отъ друзей и знакомыхъ, боясь, чтобы тѣ не увлекли его въ водоворотъ общественной жизни и, такимъ образомъ, не помѣшили его научнымъ работамъ. Но несмотря на все усилия жить въ *Парижѣ* уединенно, ему это не удалось, и послѣ четырехлѣтнаго пребыванія въ столицѣ *Франціи* онъ уѣхалъ въ *Голландію*, где прожилъ двадцать лѣтъ, занимаясь въ тиши умственнымъ трудомъ.—Въ 1649 г. шведская королева *Христина* пригласила его въ *Стокгольмъ*. Здѣсь онъ преподавалъ королевѣ философию и выработалъ планъ учрежденія Академіи Наукъ въ столицѣ *Швеціи*. Но уже въ февралѣ 1650 года онъshalъ жертвой суроваго стокгольмскаго климата.—Важнѣйшая сочиненія Декарта: „*Discours de la mѣthode pour bien conduire la raison et chercher la vѣrit  dans les sciences*“ („Разсужденіе о методѣ“), „*Meditationes de prima philosophia etc.*“ („Метафизическая размышленія“) и „*Principia philosophiae*“ („Приципы философіи“).

Декартъ развиваетъ свои идеи слѣдующимъ образомъ. Все, что до сихъ поръ считали дѣйствительно существующимъ, было воспринято непосредственно или посредственно при помощи нашихъ чувствъ. Но чувства часто обманываютъ насъ. Вспомнимъ хотя бы сны, лихорадочные фантазіи, во время которыхъ органы нашихъ чувствъ, глаза, уши, носъ и т. д. создаютъ намъ тѣкія иллюзіи, которыя или совсѣмъ не существуютъ, или существуютъ въ совершенно иномъ видѣ. Какъ часто намъ снится, что мы одѣты, сидимъ за письменнымъ столомъ, читаемъ, пишемъ, говоримъ и т. д. или намъ снится, что мы єдимъ, пьемъ, єдемъ и мн. др. Лихорадочному больному кажется, что онъ видѣть и слышитъ такія вещи, невозможность существованія которыхъ здоровый человѣкъ будетъ ему тщетно доказывать.—Кто же можетъ теперь поручиться за то, что и въ состояніи бодрствованія наши чувства не рисуютъ намъ невѣрныхъ образовъ? Какъ вообще мы можемъ отличить состояніе бодрствованія отъ сна? Вѣдь такъ часто мы во снѣ дѣлаемъ то же, что и наяву, и наоборотъ. Ну, а если вся наша жизнь—это сонъ? Ну а если все наши чувства устроены такъ, что они насъ всегда обманываютъ? Можетъ быть, вовсе неѣть доброго, справедливаго Бога, который бы хотѣлъ, чтобы мы познали истину! Быть можетъ, злой могучій духъ направилъ все свое стремленіе къ тому, чтобы насъ обманывать и постоянно вводить въ заблужденіе! Быть можетъ, небо, воздухъ, земля, Краски, тона, говоря короче, все, что находится вѣтъ насъ, представляетъ собою лишь игру сновидѣній, разыгрываемую передъ нами этимъ духомъ лжи. Поэтому мы не должны

больше довѣрять ни одному изъ нашихъ чувствъ. Будемъ думать, что у насть будто бы нѣть ни рука, ни глазъ, ни мяса, ни крови, вообще, ни чувствъ, ни тѣла. Допустимъ, что все, находящееся вокругъ насть, все, что мы видимъ, слышимъ, чувствуемъ, обоняемъ, ощущаемъ на вкусы—все это представляется намъ въ невѣрномъ видѣ; допустимъ даже, что никогда и не существовало того, что намъ рисуютъ наши обманчивыя чувства. Говоря короче, будемъ *сомнѣваться во всемъ!*

Итакъ, нѣть ничего достовѣрнаго! Мы сомнѣваемся въ существованіи вѣнчанаго мѣра, сомнѣваемся въ нашемъ собственномъ существованіи, въ нашемъ собственномъ «я».

Но среди всего этого сомнѣнія, среди всей этой неувѣренности есть лишь только одно, въ чёмъ я безусловно убѣренъ, а именно то, что я сомнѣваюсь, слѣдовательно я мыслю! И даже если бы я быть безтѣлеснымъ, одного отрицать нельзя: я мыслю. Ни въ чёмъ другомъ я не убѣжденть такъ уѣтленно, какъ въ этомъ «я мыслю», потому что если бы я не мыслилъ, то я не могъ бы сомнѣваться, а разъ я мыслю, то я долженъ „быть“, существовать. Ничто не можетъ мыслить, и, такимъ образомъ, найдено первое основоположеніе достовѣрности—занемнитое положеніе Декарта: *«Я мыслю, слѣдовательно, существую»*. (*Cogito ergo sum*).

Поэтому все, что мы познаемъ такъ же ясно и отчетливо, какъ истинность положенія: „Я мыслю, слѣдовательно, существую“, мы можемъ считать истиннымъ и дѣйствительно существующимъ.

Правда, пока мы знаемъ о самихъ себѣ только то, что мы—мыслящія существа, т. е. существа, которыхъ сомнѣваются, отрицаютъ, хотятъ, не хотятъ и т. д. И если даже все, что мы себѣ представляемъ, все, что мы мыслимъ, хотимъ, ощущаемъ и т. д. на самомъ дѣлѣ и не существуетъ, то все же мышленіе, свойственное намъ, представляетъ собою нечто дѣйствительно существующее.

Но вотъ среди представлений, имѣющихся у людей, т. е. въ нихъ мышленіи, которое мы признали дѣйствительно существующимъ, находится представление „Бога“. Подъ этимъ представлениемъ Бога мы разумѣемъ безконечное, независимое, всемудрое, всемогущее существо, которое создало наше «я» и все то, что, можетъ быть, существуетъ помимо нашего «я». Представление о совершенѣйшемъ существѣ не могло зародиться во мнѣ самому, такъ какъ я не обладаю такимъ совершенствомъ; но въ основѣ всякаго представления должна всегда лежать причина, вызывающая его; слѣдовательно, и въ основѣ моего представления о совершенѣйшемъ существѣ лежитъ дѣйствительная причина, и такой дѣйствительностью является именно Богъ.—Такимъ образомъ, Богъ дѣйствительно существуетъ. Но откуда же во мнѣ зародилось это представление Бога? Я не создалъ его при помощи моихъ чувствъ, я вѣ образовалъ его самъ, такъ какъ я вичего не могу отъ него отнять и не могу ничего къ нему прибавить. Поэтому мнѣ не остается ничего болѣе, какъ допустить, что оно *прирождено* мнѣ, точно такъ же, какъ мнѣ прирождено представление о себѣ самому.

Но такъ какъ Богъ совершененъ и, слѣдовательно, всеблагъ и правдивъ, то онъ не можетъ обманывать насть; вѣдь, въ каждомъ обманѣ, каждой лжи, лежитъ элементъ злости, т. е. несовершенства. А такъ какъ Богъ не хочетъ обманывать меня, то и мою способность къ сужденію, полученнную какъ и все остальное, отъ него, она даль мнѣ въ такомъ

видѣ, чтобы она не вводила меня въ заблужденіе (конечно, при условіи, что я пользуюсь ею правильно). Даѣшь. Такъ какъ Богъ внушилъ мнѣ склонность вѣрить, что всѣ мои представлениа о вещахъ вѣнчанаго міра, о тѣлахъ,—дѣйствительно являются отраженіемъ тѣль, то происхожденіе этихъ представлений изъ какого-либо иного источника, чѣмъ дѣйствительно существующія тѣла, не соотвѣтствовало бы правдивости Бога.

Такимъ образомъ, тѣла дѣйствительно существуютъ, и намъ нечего бояться того, что тѣ образы, которые намъ ежедневно рисуютъ наши чувства, обманчивы и лживы.

Между бодрствованіемъ и сномъ существуетъ большая разница: никогда память не соединяетъ сновъ со всѣми остальными, что мы дѣлаемъ въ жизни, *и именно это наблюдалось при томъ, что мы переживаемъ въ состояніи бодрствования.*

Быть можетъ, не всѣ тѣла существуютъ *въ точности* такъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ при помощи чувствъ, потому что наше чувственное восприятіе часто бываетъ туманнымъ и сбивчивымъ.—Такъ, солнце кажется намъ меньшимъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Но, по меньшей мѣрѣ, тѣламъ свойственно все то, что я познаю ясно и отчетливо, т. е. у нихъ имются всѣ тѣ общія свойства, которыя образуютъ предметъ чистой математики (слѣдовательно, вѣнчаная форма).

Такимъ образомъ, Декартъ видѣлъ первую основу достовѣрности въ своемъ собственномъ мыслящемъ „я“; но въ это первое познаніе не входитьничто тѣлесное, даже собственное тѣло человѣка. Лишь позднѣе, когда философъ призналъ попытіе Бога, онъ при помощи своихъ чувствъ познаетъ и физический міръ. Такимъ образомъ, духъ и тѣло представляютъ собою двѣ совершенно различные вещи, отличающіяся одна отъ другой тѣмъ, что сущностью духа является *мышеніе*, а сущностью тѣла—*протяженіе*. Дѣло въ томъ, что духъ познается путемъ чистаго мышленія, безъ вмѣшательства какого-либо тѣлеснаго элемента; тѣлесный же или физический міръ познается воспринимающими чувствами, благодаря своимъ математическимъ свойствамъ, т. е. благодаря протяженію. Но и духъ, и тѣло созданы Богомъ. Лишь одинъ Богъ не обязанъ своимъ существованіемъ какому-либо другому существу. Сущность, обязанную своимъ происхожденіемъ и жизнью лишь себѣ самой, а не какому-либо другому существу, Декартъ называетъ *субстанціей*. Но такъ какъ тѣло и духъ могутъ быть сведены лишь къ субстанціи Божества, которой они были созданы, то Декартъ признаетъ и за ними имя „субстанціи“, но, въ противоположность Богу, *создающей субстанціи*, онъ называетъ ихъ *созданными субстанціями*. Такимъ образомъ, въ системѣ Декарта мы встрѣчаемъ двѣ (собственно говоря, три) субстанціи: *тило* и *духъ* (Богъ, какъ создающая субстанція, находится въ міре) и ихъ свойства или атрибуты: *протяженность* и *мышеніе*.—Все сказанное очень важно для пониманія системъ, развившихся изъ системы Декарта.

Но такъ какъ у Декарта духъ и тѣло представляютъ собою двѣ совершенно различные и вполнѣ независимы другъ отъ друга субстанціи, то и человѣческое тѣло представляетъ, по его мнѣнию, не что иное, какъ машину. Но нельзя отрицать того, что въ человѣкѣ тѣло и душа находятся въ связи другъ съ другомъ, и потому Декартъ говоритъ, что душа, которая не является протяженной и, слѣдовательно, безтѣлесна, можетъ соприкасаться съ тѣломъ лишь въ одной точкѣ. Та-

кой точкой соприкосновенія онъ считаетъ находящуюся въ центрѣ мозга шишковидную железу, представляющую собою единственный непарный органъ мозга. Само собою разумѣется, что такой постановкой вопроса не была разрѣшена великая проблема объ отношеніи духа къ тѣлу, проблема, которая отнынѣ начинаетъ сильно интересовать философію.

2. Спиноза.

Свести двѣ субстанціи—духъ и тѣло—къ одной, побѣдить двойственность мышленія и протяженности, души и тѣла — вотъ задача, разрѣшить которую стремился *Спиноза*. *Барухъ Спиноза* происхо-

Барухъ Спиноза.

диль изъ еврейской семьи, переселившейся въ Нидерланды съ Пиринейского полуострова, чтобы спастись отъ преслѣдованій, которыхъ подвергались евреи подъ испанскимъ владычествомъ. Онъ родился въ Амстердамѣ въ 1632 году. Онъ изучалъ еврейскія науки—талмудъ и Каббалу—латинскій языкъ, а затѣмъ посвятилъ себя изученію богословія и философіи. Онъ познакомился также съ современнымъ ему естествознаніемъ и съ философіей Декарта. Черезъ некоторое время онъ отказался отъ воззрѣній іудейства, не переходя, однако, формально въ христіанство, и его перемѣна взглядовъ была встрѣчена правовѣрными еврейскими раввинами съ такимъ же негодованіемъ, съ какимъ католи-

ческие священники возставали противъ заблудшихъ овецъ своего стада. Спиноза былъ изгнанъ изъ еврейской общины своими прежними единомышленниками, и на него было даже произведено покушение. Онъ бѣжалъ въ Лейденъ, а затѣмъ жилъ въ Гаагѣ въ полномъ уединеніи. Средства къ жизни онъ добывалъ себѣ шлифовкою оптическихъ стеколъ, а все свое свободное время посвящалъ наукѣ. Курфюрстъ Пфальцскій предложилъ ему профессорскую каѳедру въ Гейдельбергѣ, но онъ отклонилъ ее, чтобы сохранить за собой полную свободу философскаго мышленія и не быть связаннымъ никакими условностями. Только благодаря умѣренному образу жизни, онъ, больной чахоткой, смогъ дожить до 43 лѣтъ. Въ 1677 году смерть положила конецъ его неустальному стремленію къ истинѣ и познанію.

Самымъ замѣчательнымъ сочиненіемъ Спинозы является его „Этика“.

Есть только одна субстанція, учить Спиноза, которая не зависитъ ни отъ чего другого, и эта субстанція есть Богъ. Но Богъ не находится въ міре, а поконится въ немъ. *Субстанція, Богъ и природа*—это одно и то же. Изъ бесконечно большого числа свойствъ (атtributovъ), которыми обладаетъ Богъ, мы можемъ познать только два, находящихся въ насъ самихъ: мышленіе и протяженіе. Слѣдовательно, аттрибути это то, что разумъ воспринимаетъ въ субстанціи и что онъ признаетъ существеннымъ (т. е. составляющимъ ея сущность). Отдельные существа—это лишь состоянія субстанціи или Бога, и, смотря по тому, какъ ихъ созерцаетъ разумъ, они представляются либо протяженіемъ (тѣло), либо мышленіемъ (духъ); слѣдовательно, все зависитъ отъ точки зрѣнія наблюдателя. Такимъ образомъ, Спиноза разрѣшаетъ трудную проблему зависимости, существующей между тѣломъ и душою, проблему, которой коснулся, но не могъ разрѣшить Декартъ. Душа и тѣло, говорить Спиноза, также тождественны, они различны лишь по формѣ. „Идеи расположены и соединены такъ же, какъ и вещи“. Душа—это не что иное, какъ представление дѣйствительно существующаго тѣла, а тѣло—это предметъ, соотвѣтствующій представлению. Представление—это нечто непротяженное, мыслимое, тѣло же—лѣчто протяженное. Оба они, въ основѣ своей, тождественны и должны быть таковыми, такъ какъ мышленіемъ протяженіе представляются собою лишь аттрибуты одной единственной субстанціи—Бога. Все, что есть, заключается въ Богѣ и ничто не можетъ быть безъ Бога или мыслимо безъ него. Само собою разумѣется, представление Спинозы о Богѣ рѣзко отличается отъ тѣхъ взглядовъ на высшее существо, какія исповѣдываютъ приверженцы размѣнныхъ церквей.

Этика Спинозы основывается на *познаніи*, на *разумѣ*: познаніе добра и худого—это не что иное, какъ аффектъ удовольствія или неудовольствія, поскольку мы сознаемъ его. Мы называемъ хорошимъ или плохимъ то, что способствуетъ или вредитъ поддержанію нашего бытія, т. е. то, что увеличиваетъ или уменьшаетъ, развиваетъ или задерживаетъ нашу способность къ дѣятельности. Поэтому, поскольку мы воспринимаемъ, что какая-либо вещь вызываетъ въ насъ удовольствіе или недовольство, мы называемъ ее хорошей или дурной. Слѣдовательно, идея хорошаго и дурнаго—это не что иное, какъ идея удовольствія или неудовольствія. Каждый человѣкъ, сообразно законамъ своей природы, стремится къ тому, что онъ считаетъ хорошимъ и отвергаетъ то, что онъ считаетъ дурнымъ. Чѣмъ больше кто-либо старается найти то, что ему приносить пользу (т. е. то, что поддерживаетъ его бытіе) и успѣваетъ въ своихъ стремленіяхъ, тѣмъ любопытѣльнѣ онъ и наобо-

роть, если человѣкъ не стремится къ достижению полезнаго ему, то онъ не достигаетъ ничего. Поступать добродѣтельно—это значитъ поступать сообразно требованіямъ разума, т. е. жить, поддерживать свою жизнь. Только о томъ, что въ дѣйствительности приводить къ познанію или препятствуетъ нашему познанію, мы достовѣрно знаемъ, что оно хорошо или плохо. *Высшее благо духа есть познаніе Бога*, а высшая добродѣтель духа заключается въ томъ, чтобы познать Бога.

Всякий аффектъ надежды и страха связанъ съ неудовольствіемъ, такъ какъ страхъ—это неудовольствіе, а надежда всегда сопровождается страхомъ. Раскаяніе—это не добродѣтель и не вытекаетъ изъ разума, потому что совершившій преступленіе страдаетъ вдвойнѣ: сначала онъ всецѣло отдается преступному стремленію, а затѣмъ его цѣлкомъ охватываетъ чувство неудовольствія, вызванное совершеннымъ поступкомъ. Блаженство—это не награда за добродѣтель, а сама добродѣтель; мы наслаждаемся имъ не потому, что мы ограничиваемъ наши удовольствія, а наоборотъ, оттого, что мы наслаждаемся имъ, мы можемъ ограничить свои удовольствія.

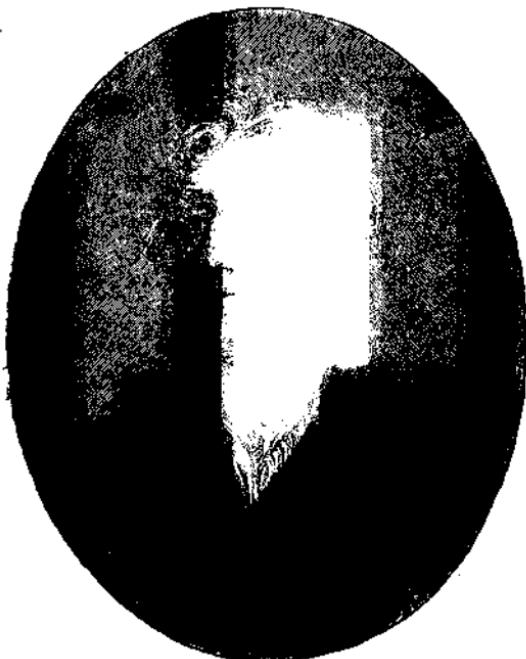
3. Локкъ. Юнь.

Беконъ училъ, что истина только въ томъ, что неопровергимо доказывается опытомъ; Декартъ призналъ ученіе Бекона въ томъ отношеніи, что онъ сталъ скептически относиться какъ къ вещамъ

вишняго міра, изъ которыхъ мы черпаемъ опытъ, такъ и къ чувствамъ, являющимся посредниками между вишинымъ міромъ и нашимъ духомъ. На основаніи опыта Декартъ считаетъ сначала единственно достовѣрнымъ и истиннымъ наше мышленіе, а затѣмъ чисто логическимъ путемъ онъ доходитъ до признания существованія Бога и окружающаго его міра. Спиноза строить свою систему тоже на почвѣ выводовъ чистаго разума, и, такимъ образомъ, философія, отрѣшившаяся отъ опытной науки, снова стала представлять собою результатъ одной лишь дѣятельности разума. Но все же

Джонъ Локкъ.

ученіе Бекона пустило слишкомъ глубокіе корни въ мыслящихъ умахъ его соотечественниковъ, чтобы оно могло остаться безплоднымъ. И вотъ появился англійскій философъ Джонъ Локкъ, который старался снова обратить вниманіе философовъ на міръ опыта.

стола. Въ Оксфордѣ онъ изучалъ философию, естественные науки и медицину и по окончаніи своихъ учебныхъ занятій служилъ секретаремъ въ английскому посольствѣ въ Берлинѣ. Затѣмъ онъ вернулся въ Англію и поступилъ воспитателемъ въ домъ графа Шефтсбери. Онъ былъ вѣрнымъ товарищемъ своего друга и покровителя, судьба которого такъ часто мѣнялась. Локкъ жилъ поперемѣнно во Франціи, Италии и Голландіи, а послѣ смерти графа вернулся въ Англію, где и умеръ въ 1704 году. Главное сочиненіе его: „*Essay concerning human understanding*“ („Опытъ о человѣческомъ разумѣ“).

„Въ духѣ“, говорить Локкъ, „нѣть ничего, что прежде не было бы воспринято чувствами“. Духъ, душу человѣка можно сравнить съ чистымъ листомъ бумаги. Внѣшній міръ чертитъ при помощи чувствъ знаки на этомъ чистомъ листѣ. Ни одна идея не врождена намъ. (Какъ мы видѣли выше, Декартъ признавалъ врожденность идей). Все, что находится въ нашемъ умѣ, передано ему при посредствѣ чувствъ. Правда, Локкъ признаетъ, что существуетъ еще „внутреннее чувство“, которое показываетъ уму то, что онъ самъ дѣластъ, т. е.знакомить его съ душевной жизнью, мышленіемъ, хотѣніемъ, ощущеніемъ. Говоря другими словами, мы получаемъ представлениа также тѣмъ путемъ, что мы раздумываемъ о самихъ себѣ и стараемся понять нашу внутреннюю жизнь.

Представлениа, передаваемыя намъ при посредствѣ одного или многихъ чувствъ или при посредствѣ внутренняго чувства, Локкъ называетъ *простыми*. Но кромѣ этихъ представлений умъ образуетъ также *сложныя* представлениа. Послѣдній видъ представлений образуется въ результатѣ того, что умъ созерцааетъ *отношеніе* простыхъ представлений между собою и дѣлаетъ отсюда выводы. Такъ, напримѣръ, понятіе причины и слѣдствія—это сложное представление; таковыми же являются понятія: „разстояніе“, „продолжительность“, „вчера“, „сегодня“, „завтра“; наоборотъ, понятія: „высота“, „ширина“, „глубина“, „теперь“—это простыя представлениа, такъ какъ для образованія ихъ не надо дѣлать вывода изъ другихъ представлений. Сложнымъ представлениемъ, по мнѣнію Локка, является также и понятіе „субстанція“. Декартъ и Спиноза называли субстанціей тс., что можетъ существовать само по себѣ, безъ помощи какой-либо другой вещи и, такимъ образомъ, для нихъ субстанція была чѣмъ-то первичнымъ, первоначальной сущностью, которую они постигали разумомъ; для Локка же субстанція вовсе не была такимъ яснымъ определеннымъ понятіемъ, какъ для Декарта и Спинозы, именно потому, что она постигается „лишь“ при помощи разума (путемъ логическихъ выводовъ). Подъ субстанціей Локкъ понимаетъ то, что лежитъ въ основѣ воспринимаемыхъ нами явленій, такъ какъ то, что мы воспринимаемъ—форма, цветъ, запахъ, вкусъ, плотность и т. д.—должно принадлежать какой-либо вещи: иправда, эту вещь мы не можемъ познать, но разумъ говорить намъ, что она должна существовать.

Если передо мною лежитъ, напримѣръ, кусочекъ сѣры, то мои чувства доставляютъ мнѣ о немъ слѣдующія простыя представлениа: цветъ, форму, плотность; если я нагрѣю сѣру, то я опять получаю простыя представлениа обѣ ея теперешнемъ цветѣ, формѣ и запахѣ. Изъ этихъ простыхъ, различныхъ между собою, представлений, которыхъ образовались въ моемъ умѣ отчасти одновременно, отчасти одно послѣ другого, и которые находятся въ складчинѣ другъ за другомъ,

мой разумъ дѣлаеть выводъ, что они должны принадлежать какой-либо субстанціи, и эту субстанцію я называю сѣрой. Такимъ образомъ, субстанцію, какъ таковую, я познаю не при помощи моихъ чувствъ, а лишь путемъ умозаключенія изъ разума; что она сама собою представляеть, этого я не могу сказать, я только знаю, что она представляеть собою то, что должно лежать въ основѣ явленій, постигаемыхъ мною при помощи чувствъ.

Какъ мы видимъ, Локкъ, вводя въ свою філософію (которая должна быть основана исключительно на опыте) такое понятіе субстанціи переходить границу области опыта, такъ какъ это понятіе было воспринято лишь однимъ разумомъ.

Англичанинъ Ю.мъ пошелъ въ опытной філософіи еще дальше, чѣмъ Бэконъ и Локкъ. Давидъ Ю.мъ родился въ 1711 году въ Эдинбургѣ; по окончаніи своего учебнаго курса и послѣ многолѣтняго пребыванія во Франції, онъ западъ мѣсто библіотекаря въ своемъ родномъ го-родѣ; огромное количество книгъ, находившихся въ его распоряженіи, побудило его написать исторію Англіи. Уѣхавъ затѣмъ неподолго во Францію, гдѣ онъ подружился съ выдающимися людьми того времени, въ особенности, съ Руссо, онъ вернулся въ Авглію, гдѣ въ-течение короткаго времени былъ младшимъ статс-секретаремъ; потомъ онъ перѣхалъ въ Эдинбургъ, гдѣ и умеръ въ 1776 году. Его главное сочиненіе тоже называется: „Enquiry concerning human understanding“ (Изслѣдованіе о человѣческомъ разумѣ“).

Давидъ Ю.мъ.

Вотъ чому учить Ю.мъ: все, что доходить до нашего ума инымъ путемъ, чѣмъ при посредствѣ чувственного восприятія, слѣдовательно все, о чѣмъ мы узнаемъ не изъ опыта,—въ дѣйствительности не существуетъ. Понятіе субстанціи образовалось лишь вслѣдствіе привычки предполагать, что существуетъ нечто, къ чѣму прикрѣпляется сумма всѣхъ тѣхъ воспринимаемыхъ нами свойствъ, которыя постоянно находятся вмѣстѣ. Но кто же можетъ доказать, что такъ дѣйствительно должно быть? Вѣдь понятіе субстанціи существуетъ лишь въ моемъ представлѣніи и является не чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ многихъ отдельныхъ представлений въ одно представлѣніе, не существующее въ дѣйствительности.

Отсюда также слѣдуетъ, что то, что я называю моимъ «я» или душою, тоже не существуетъ, такъ какъ все это представляетъ собою

не что иное, какъ совокупность многихъ представлений, быстро смыняющихсяъ одно другое. Многіе думаютъ, что въ основѣ этой сложной картины представленій лежитъ «я», душа, какъ носитель или субстанція. Но это понятіе души такъ же мало дѣйствительно, какъ и понятіе субстанціи, которой будто бы присущи всѣ воспринимаемыя чувствами качества. А отсюда слѣдуетъ, что «душа» не можетъ быть бессмертной такъ какъ всѣ мои представлениія я получаю при помощи моихъ чувствъ (моего тѣла), и если движенія моего тѣла прекращаются и, слѣдовательно, мои чувства не доставляютъ никакихъ представлений, то, само собою разумѣется, у меня исчезаютъ представлениія, а мѣстѣ съ ними и то, что принято называть «душою». Вообще, дѣйствительно лишь то, что представляется моимъ чувствамъ. Всѣ отношенія вещей другъ къ другу и, прежде всего, господствующій надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ законъ причины и слѣдствія, только кажутся разуму дѣйствительно такъ существующими: на самомъ же дѣлѣ, нѣть никакого причинного отношенія вещей другъ къ другу, а есть только послѣдовательность во времени. Такъ какъ многія явленія съ неуклонной правильностью слѣдуютъ однѣ за другими, напримѣръ, солнечные лучи влекутъ за собою теплоту, морозъ—замерзаніе воды, то поэтому разумъ склоненъ превращать эту послѣдовательность во времени въ причинность (теплота—это слѣдствіе солнечныхъ лучей, морозъ—причина замерзанія) и считаетъ нужнымъ рассматривать съ этой точки зрѣнія не только одинъ или нѣсколько одинаково протекающихъ случаевъ, а дѣлаетъ выводъ, что и въ будущемъ такая-то и такая-то причина должна имѣть такое-то и такое-то слѣдствіе, и что такъ всегда должно было проходить въ прошломъ. И все же понятіе причины и слѣдствія представляетъ собою не что иное, какъ послѣдовательность во времени и сложилось въ результатаѣ того, что люди привыкли видѣть, какъ два опредѣленныхъ явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Такимъ образомъ, понятія причины и слѣдствія, какъ и понятія субстанціи и души, образовались лишь вслѣдствіе привычки связывать опредѣленный представлениія другъ съ другомъ.

4. Лейбницъ.

Готфридъ Вильгельмъ Лейбницъ родился въ 1640 году въ Лейпцигѣ, гдѣ отецъ его, Фридрихъ Лейбницъ, былъ профессоромъ философіи. Онъ изучалъ юриспруденцію, философию и математику; по окончаніи ученія нѣсколько разъѣздилъ за границу, прожилъ, между прочимъ, четыре года въ Парижѣ, а съ 1676 года жилъ въ Ганноверѣ, получивъ должность библиотекаря и чинъ гофратца. Здѣсь онъ жилъ до самой смерти. Благодаря посредничеству супруги первого прусского короля, Софіи Шарлотты, которая была горячей сторонницей высокообразованнаго въ многостороннія философа, Лейбницъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ берлинскимъ дворомъ. По его почину Фридрихъ I основалъ въ 1700 г. Академію Наукъ, и первымъ президентомъ ея былъ Лейбницъ. Послѣ крайне счастливой и богатой внѣшними успѣхами жизни Лейбницъ умеръ въ Ганноверѣ въ 1716 году. Послѣ Аристотеля это былъ самый ученый и разносторонній человѣкъ, который когда-либо жилъ. Его главныя сочиненія «Теодицея» (Оправданіе Бога) и «Монадологія» написаны имъ на французскомъ языкѣ для того, чтобы они стали достояніемъ образованныхъ людей всего цивилизованнаго міра.

Лейбницъ, имѣвшій огромныя знанія во всѣхъ отрасляхъ науки, обладать въ то же время способностью примирять противорѣчія въ об-

ласти духа, и поэтому мы находимъ въ его философской системѣ черты древней греческой философіи, схоластики, натурфилософіи (Джордано Бруно), системы Декарта и Спинозы; но все это такъ измѣнено, такъ

Лейбницъ.

гармонически слито другъ съ другомъ и въ то же время облечено въ столь новыя формы, что оно представляется чѣмъ-то цѣлымъ и единою.

Исходной точкой философіи Лейбница является мышленіе или, какъ говорить Лейбницъ, способность представлениія, которая уже у Декарта играла большую роль. Субстанція Спинозы, которая, по его мнѣнію, была тождественна съ Богомъ или природою и была единственной въ своемъ родѣ, превращается у Лейбница въ безконечное многообразіе «монадъ» (отдельныхъ существъ), а эти монады опять-таки представляютъ собою не что иное, какъ не материальные атомы древняго Демокрита. Но что же такое монада Лейбница? Это—непротяженное, духовное нѣчто, только представляющее (мыслящее). Имеется безконечно большое число такихъ монадъ, но онѣ сходны одна съ другой тѣмъ, что все они нематериальны, и все они одарены представлениемъ (мышленіемъ). Но что же представляютъ эти монады? Каждая отдельная монада представляетъ себѣ вселенную; каждая изъ нихъ подобна зеркалу, въ

которомъ отражается вселенная, и если бы кто-нибудь могъ яснымъ, не затуманиеннымъ взоромъ заглянуть внутрь какой-либо монады, то въ каждой изъ нихъ онъ увидѣлъ бы весь миръ. Но такой способностью яснаго, незатуманенного созерцанія обладаетъ одинъ только Богъ, который представляетъ себю монаду всѣхъ монадъ.

Но чѣмъ же, спросятъ настъ, отличаются монады другъ отъ друга, если каждая изъ нихъ содержитъ одно и то же, а именно, представление всей вселенной? Каждая монада обладаетъ различной степенью ясности этого представленія. Чѣмъ отчетливѣе и яснѣе представленія какой-либо монады, тѣмъ совершеннѣе она; чѣмъ туманнѣе и запутаннѣе эти представленія, тѣмъ несовершеннѣе монада. Поэтому Лейбницъ различаетъ: 1) *простыя или голыя (schlafende)* монады (т. е. такія, которая даже не доходятъ до сознанія своихъ представлений); изъ нихъ состоять кажущіяся намъ безжизненными тѣла (камни и т. д.); 2) такія монады, которые имѣютъ лишь спутанныя, темные представленія, напр., животныя и 3) монады, которые имѣютъ отчасти ясныя, отчасти смутныя представленія—люди. Одни только ясныя или отчетливыя представленія имѣются у монады всѣхъ монадъ, у первоначальной монады, у Бога.

Наше тѣло состоять изъ бесчисленнаго количества монадъ, обладающихъ различной степенью ясности представлений. Монада, господствующая надъ всѣми этими монадами и, следовательно, обладающая наиболѣе ясными представленіями, есть нашъ духъ, наша душа. Соединеніе тѣла и духа, тѣла и души, которое Декартъ пытался объяснить непонятнымъ воздействиѳмъ духа на тѣло, а Спиноза—единствомъ субстанціи, Лейбницъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ: онъ сравниваетъ душу и тѣло съ двумя часами, которые идутъ совершенно одинаково. Но какимъ образомъ можно достигнуть такого согласованія этихъ обоихъ часовъ? Прежде всего тѣмъ, что я соединяю какимъ-либо путемъ стрѣлку однихъ часовъ со стрѣлкою другихъ такъ, чтобы движение одной стрѣлки вызывало движение другой, и вторая стрѣлка занимала бы такое же положеніе, какъ и первая. Это похоже на Декартовское воздействиѳ духа на тѣло. Но значительно больше, продолжаетъ Лейбницъ, искусство часовщика, который *заранѣе* устраиваетъ механизмъ обоихъ часовъ такъ, что оба они идутъ всегда одинаково и не нуждаются во взаимномъ воздействиї. Богъ устроилъ заранѣе нашъ духъ и тѣло такъ, что всякое душевное движение должно всегда соответствовать физическому; такимъ образомъ, духъ и тѣло можно сравнить съ двумя, идущими совершенно одинаково часами, изъ которыхъ каждые часы идутъ сами по себѣ и въ то же время находятся въ полной гармоніи съ другими часами, потому что творецъ заранѣе вложилъ эту гармонію въ ихъ механизмъ. Лейбницъ называетъ такую гармонію „*предустановленной гармонией*“.

Подобно тѣлу и духу, все, по мыслию Лейбница, должно находиться въ такой же совершенной гармоніи, такъ какъ все—это монада, и все представляетъ себѣ одно и то же, но только съ большей или меньшей ясностью.

Лейбницъ утверждаетъ, что существующій миръ является наиболѣе совершеннымъ: изъ всѣхъ возможныхъ мировъ, которые Богъ могъ создать, онъ выбралъ существующій миръ, какъ самый лучшій изъ мировъ.

Всѣ мысли, которые мы имѣмъ, не приходить въ нашъ духъ изъ вицъянаго мира при посредствѣ чувствъ, какъ это утверждаетъ Локкъ, но развиваются изъ самого духа, такъ какъ онъ, собственно говоря,

врождены. Разумъ можно сравнить съ кускомъ ярамора, въ жилахъ которого какъ бы заранѣе обрисованы очертанія будущаго произведения скульптуры. У монады неѣть околь, черезъ которыя въ нее можетъ что-либо войти; все, что она должна будетъ пережить, она носить въ себѣ. Всѣ представлениа имѣются у насъ съ самаго начала, только въ неразвитомъ видѣ; но мы сами обладаемъ способностью къ развитию ихъ; побуждающей причиной къ этому являются чувственная восприятія, которая, слѣдовательно, не вызываютъ въ нашемъ духѣ ничего нового, но лишь способствуютъ развитію того, что уже до того лежало въ немъ въ скрытомъ видѣ.

IV. Отъ Канта до настоящаго времени.

1. Кантъ.

Въ философіи со времени Бэкона можно отмѣтить два главныхъ теченія: первое теченіе ставить на первый планъ духъ, мышленіе; я мыслю, слѣдовательно, я существую, говорить Декартъ. Исходной точкой всей философской системы является мышленіе. Конечная истины, сущность и смыслъ всего существующаго приверженцы этого направления думаютъ постичь и обосновать при посредствѣ мышленія. Декартъ, Спиноза, Лейбницъ — вотъ главные представители этой философіи разума.

Сторонники второго направления, Бэконъ, Гоббесъ, Локкъ и Юмъ, думаютъ постичь окружающій міръ при посредствѣ опытнаго познанія, т. е. они кладутъ въ основу своего міросозерцанія то вліяніе (въ широкомъ смыслѣ), которое внѣшній міръ оказываетъ на чувства человѣка. Ни одно изъ этихъ направлений не приходитъ къ удовлетворительному результату. Вопросъ о томъ: въ чёмъ же истина — въ томъ ли, что мы „ясно и понятно“ познаемъ при помощи разума, или въ томъ, что мы воспринимаемъ при посредствѣ нашихъ чувствъ, такъ и остается безъ отвѣта.

Но вотъ, спустя приблизительно 150 лѣтъ послѣ Декарта, сочиненія котораго возбудили огромное удивленіе и указали философіи совершенно

Иммануиль Кантъ.

новые пути, возрождение философіи было предпринято нѣмецкимъ философомъ, Иммануиломъ Кантомъ.

Иммануиль Кантъ родился 22 апреля 1724 года въ Кёнигсбергѣ (Пруссія). Его отецъ былъ сѣдельщикомъ. Въ Кёнигсбергѣ Кантъ изучалъ философию, математику и физику. Вышнія условия заставили его въ теченіе многихъ лѣтъ быть домашнимъ учителемъ и этимъ трудомъ зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ 1755 году онъ былъ назначенъ приват-доцентомъ кенигсбергскаго университета, но лишь черезъ пятнадцать лѣтъ сталъ профессоромъ. Кантъ никогда не выѣзжалъ за предѣлы Кенигсберга и его ближайшихъ окрестностей; несмотря на это, онъ въ своихъ лекціяхъ по географіи такъ наглядно изображалъ вышній видъ отдаленныхъ странъ, что все были увѣрены въ томъ, будто онъ лично посетилъ описываемыя имъ страны; какъ мы уже сказали, этого не было: тщательное изученіе описаній путешестій и необыкновенная сила созерцанія помогли ему составить себѣ такое точное представленіе о странахъ и людяхъ. Кантъ жилъ очень просто и умѣренно, но любилъ бывать въ обществѣ. Онъ никогда не былъ женатъ. Онъ былъ ростомъ немного ниже средняго и отличался нѣжнымъ, хрупкимъ тѣлосложеніемъ. Благодаря своему умѣренному и въ мельчайшихъ деталяхъ урегулированному образу жизни, онъ дожилъ до восьмидесяти лѣтъ и умеръ 12 февраля 1804 года. Къ сожалѣнію, его ясный разумъ не остался здоровымъ до послѣднихъ дней его жизни: старческая слабость, постоянно увеличивавшаяся въ послѣдніе годы, лишила его ясности ума и силы памяти.

Главныя сочиненія Канта „Kritik der reinen Vernunft“ („Критика чистаго разума“), „Kritik der praktischen Vernunft“ („Критика практическаго разума“) и „Kritik der Urteilskraft“ („Критика способности сужденія“).—На нижеслѣдующихъ страницахъ этой книги я постараюсь изложить читателю въ общепопулярной формѣ содержаніе двухъ первыхъ сочиненій Канта.

Когда Декартъ нанесъ смертельный ударъ сколастической философи, объявивъ мышеніе единственою, непосредственно познаваемою достовѣрностью, когда Локкъ и Юмъ изслѣдовали возникновеніе мышленія и стали считать источникомъ всякоаго познанія чувственное восприятіе, то все эти три философа учили изъ виду одинъ важный вопросъ, а именно, какимъ образомъ вообще возможно познаніе. Кантъ пытается отвѣтить на вопросъ, какъ возникаетъ познаніе, изъ чего оно складывается, и где находятся границы его; такимъ образомъ, его система не основана ни на новыхъ предпосылкахъ, ни на новомъ сомнѣніи, а скорѣе представляетъ собою изслѣдованіе, оцѣнку (критику) человѣческаго разума.

Кантъ говорить, что *чувственность* или *созерцаніе*, т. е. способность охватить умомъ то, что мы воспринимаемъ при посредствѣ чувствъ, и *разсудокъ*, т. е. образованіе понятій (мышленіе) представляютъ собою совершенно различные способности познанія.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложению Кантовской философи, нужно сдѣлать небольшое поясненіе:

Вотъ чѣмъ отличается созерцаніе отъ понятія: я *вижу* пуделя; и даже тогда, когда пудель исчезъ изъ поля моего зреенія, внутри моего „я“ сохранилось воспоминаніе о виѣности пуделя; я какъ бы созерцаю его своимъ духовнымъ взоромъ, когда мой физический глазъ уже больше не видѣть его: это—*созерцаніе* пуделя.

Съ другой стороны, я знаю пуделей, шпицевъ, мопсовъ, такъ, договъ, террьеровъ и т. д., говоря короче, вообще, собакъ. Когда идетъ рѣчь о собакѣ, я знаю, что подъ этимъ подразумѣвается. При этомъ я не думаю о какомъ-либо опредѣленномъ пуделѣ, мопсѣ и т. д., но лишь о животномъ, отличающемся отъ всѣхъ остальныхъ животныхъ опредѣленными внутренними и внѣшними свойствами. Въ данномъ случаѣ „собака“ это только *понятіе*, которое я составилъ себѣ такъ: увидѣвъ большое число собакъ различныхъ породъ, я со-поставилъ въ моемъ разсудкѣ всѣ тѣ свойства, которыя являются общими у всѣхъ этихъ собакъ и въ то же время отличаютъ ихъ отъ остальныхъ видовъ животныхъ. Слѣдовательно, то, о чёмъ мнѣ сообщаютъ чувства, становится во мнѣ *созерцаніемъ*; то, что я постигаю путемъ собственного мышленія, становится *понятіемъ*.

Но духовное познаніе состоить какъ изъ созерцаній, такъ и изъ понятій, потому что, какъ говорить Кантъ, „*созерцанія безъ понятій смысла* (непонятны), *понятія безъ созерцаній пусты*“ (бесодержательны).

Это станетъ намъ наиболѣе яснымъ, если мы вспомнимъ о маленькихъ дѣтяхъ, у которыхъ имѣются лишь „созерцанія“, но не „понятія“. Ребенокъ въ возрастѣ одного-двухъ лѣтъ называетъ „папой“ всякаго мужчину, которого онъ видитъ, хотя онъ хорошо знать своего собственного отца; но онъ еще не обладаетъ способностью отдѣлить при помощи мышленія понятіе „мужчина“ отъ созерцанія немногихъ знакомыхъ ему мужчинъ: его созерцаніе еще „слѣпое“, безсознательно, такъ какъ если онъ называетъ всякаго мужчину „папой“, то это значить, что ему еще не ясно созерцаніе его собственного отца, у него нѣтъ понятія, что отецъ—это „мужчина“.— Если я, съ другой стороны, буду говорить ребенку пяти-шести лѣтъ слова: народъ, парламентъ, королевство, бѣдность, добродѣтель, сила и т. д., то, конечно, ребенокъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго представленія, что это такое, хотя онъ по звуку понимаетъ эти слова и можетъ даже повторить ихъ. Но эти слова или понятія не имѣютъ для ребенка никакого содержанія, такъ какъ онъ при этомъ не можетъ ничего мыслить, не можетъ связать съ этимъ никакого „созерцанія“,— они, слѣдовательно, *пусты*.

Такимъ образомъ, для дѣйствительного познанія мнѣ нужны какъ созерцанія, доставляемыя чувствами, такъ и понятія, которыя я могу создавать при помощи моего мышленія. Созерцаніе доставляетъ разсудку только *материалъ*, и лишь разумъ придаетъ *форму* безпорядочной массѣ, проникшей въ насъ при посредствѣ чувствъ. Бѣлый, твердый, сладкий, четыреугольный—это созерцанія, переданныя мнѣ при посредствѣ чувствъ; разсудокъ же приводить въ порядокъ и связь эти четыре созерцанія и образуетъ изъ нихъ понятіе *«сахарь»*. Поэтому вопросъ: «какъ возможно познаніе?» распадается на два вопроса: 1) Какъ возможно познаніе изъ созерцанія? и 2) Какъ возможно познаніе изъ чистаго разсудка?

Сначала Кантъ отвѣчаетъ на первый вопросъ: какъ возможно познаніе изъ созерцанія (чувственности)?

Все, что мы узнаемъ о внѣшнемъ миРѣ, мы воспринимаемъ при помощи нашихъ чувствъ. Шкаль, лампа, животное, дерево, солнце и т. д. представляются намъ лишь при посредствѣ нашихъ чувствъ. Но какъ бы ни были различны эти предметы, они имѣютъ всѣ одну общую черту: они всѣ находятся *въ пространствѣ*, т. е. у всѣхъ ихъ я различаю,

верхъ и низъ, правую и лѣвую стороны въ разстояніе, отдѣляющее каждый предметъ отъ меня и отъ остальныхъ предметовъ. Это надо ясно представить себѣ, чтобы понять слѣдующее: передо мною на столѣ стоитъ лампа. Безъ всякаго труда я могу себѣ представить, что эту лампу унесли. Что же тогда остается? Мѣсто, пространство, которое она занимала на столѣ. Но я вовсе и не хочу думать больше о лампѣ. Я представляю себѣ, что нѣтъ и стола, на которомъ она когда-то стояла. Это тоже не заключаетъ въ себѣ никакой трудности для моей способности къ образованію представлений. Но что же остается, если я представлю себѣ, что стола тоже нѣтъ? Опять-таки пространство, которое онъ раньше занималъ. Но попробую представить себѣ, что и этого пространства нѣтъ; тогда я долженъ представить себѣ, что нѣтъ и всей комнаты, частью которой является это пространство; что же тогда останется? Тамъ, где была стѣна, къ которой прилегала моя комната (я беру тотъ случай, что я живу въ одиночку стоящемъ домѣ, и что моя комната граничитъ съ вѣнчанной стѣною), и тамъ, где раньше находилась моя комната, разстилается огромное неизбримое пространство, не имѣющее границъ ни въ какомъ направлениі. Какъ мы видимъ, можно легко представить себѣ несуществующими тѣ предметы, которые наполняютъ пространство, но не само пространство. Я могу себѣ представить, что нѣтъ ни одного дерева въ какомъ-либо огромномъ лѣсу, я самъ могу мысленно унести изъ пространства, въ которомъ я нахожусь, но представить себѣ пространство несуществующимъ—это невозможно. Я могу себѣ представить пространство безъ предмета, но не предметъ, находящійся въ пространствѣ. Что же изъ этого слѣдуетъ? А то, что пространство не присуще вещамъ, какъ цвѣтъ, вкусъ, плотность и т. д. (такъ какъ иначе я могъ бы представить его несуществующимъ, подобно названнымъ свойствамъ и самимъ вещамъ), а есть представленіе, которое находится *во мнѣ*, которое я прилагаю къ вещамъ, и при помощи которого я формирую все воспринимаемое мною.

Пространство—это форма моего созерцанія, которую я такъ же не могу отде́лить отъ себя, какъ мое мышленіе *вообще*.

И подобно тому, какъ пространство является прирожденной миѳ формой созерцанія, въ которую облечены всѣ представляющіеся миѳ предметы, такъ и время—это форма моего созерцанія, въ которой доходятъ до моего сознанія всѣ состоянія какъ вѣнчанаго міра, такъ и моей внутренней жизни (жизни представлений): всѣ воспринимаемыя мною измѣненія или состоянія проходятъ во времени.

Твердый сургучъ, который я держу надъ огнемъ, превращается въ мягкую, тягучую массу; эта масса послѣ охлажденія становится такой же твердой, какъ и раньше, но форма сургуча измѣнилась. Всѣ эти измѣненія происходятъ во времени (одно послѣ другого). И здѣсь невозможно представить себѣ отдѣльная состоянія въ времени, въ теченіе котораго они протекаютъ. Попробуемъ сдѣлать простой опытъ расплавленія сургуча; тутъ мы не можемъ отрѣшиТЬСЯ отъ представлений *послѣдовательности* процесса (т. е. времени). Представимъ себѣ, что копичка сургуча, находившаяся надъ огнемъ, нѣтъ, и будемъ наблюдать лишь капающую мягкую массу или даже одну только капельку ея въ тотъ мигъ, когда она падаетъ; и этотъ короткій моментъ паденія неразрывно связанъ съ представлениемъ времени «теперь». Или условимся совершенно не обращать вниманія на время. Но какимъ бы страннымъ существомъ человѣкъ ни былъ, онъ все же долженъ мыслить, что-либо

представлять себе: мысли, представления следуют одно за другимъ—т. е. во времени,—и даже если одно изъ нихъ следуетъ за другимъ такъ быстро, что они сливаются для насъ въ одно, то они кажутся намъ одновременными,—следовательно, опять-таки совершающимися во времени.

Итакъ, мы видимъ, что нельзя представить состоянія или измѣненія происходящими въ времени, и что, подобно тому, какъ мы не можемъ воспринять представление какого-либо предмета, не введя его въ наше созерцаніе пространства, точно такъ же—только при посредствѣ нашего созерцанія во времени мы можемъ охватить состоянія и измѣненія въ потокѣ явлений вицшняго и внутренняго міра.

Но если это такъ, то невозможно, чтобы вещи представлялись намъ таковыми, каковы онѣ суть *въ дѣйствительности* или *«въ себѣ»*. Слѣдовательно, мы познаемъ не „вещи въ себѣ“ („умены“), лишь *явлениа* („феномены“), въ основѣ которыхъ лежать вещи въ себѣ. Познать вещи въ себѣ мы не можемъ. Здѣсь, слѣдовательно, лежать границы нашей способности познанія.

Итакъ, отвѣтъ на вопросъ: какъ возможно познаніе при помощи созерцанія, и каковы границы этой, выведенной изъ созерцанія способности познанія?—гласить такъ: познаніе при помощи созерцанія возможно потому, что пространство и время, сквозь призму которыхъ мы все созердаемъ, заложены въ наше разсудокъ и формируютъ воспринимаемыя нами впечатлѣнія такъ, чтобы они могли стать для насъ познаніемъ; границы же нашей способности познаванія таковы, что мы можемъ воспринимать не вещи въ себѣ, а лишь ихъ явлениа.

Но прежде, чѣмъ перейти къ отвѣту на второй вопросъ: какъ возможно познаніе изъ чистаго разума? необходимо освѣжить въ своей памяти то, что мы сказали въ началѣ нашего изслѣдованія кантовской философіи: ни чувственность (воззрѣніе, созерцаніе), ни чистый разсудокъ не могутъ въ отдѣльности привести къ познанію. Для того, чтобы можно было говорить о дѣйствительномъ познаніи, они должны дѣйствовать совмѣстно. Чувственность доставляетъ намъ лишь созерцанія, воззрѣнія, чистый разсудокъ—лишь понятія. Воззрѣнія безъ понятій слѣпы, понятія безъ воззрѣній—пусты (см. выше). Но какимъ же образомъ разсудокъ превращаетъ понятія въ воззрѣнія?

Какъ мы видѣли, чувства доставляютъ разсудку лишь явлениа; но эти явлениа не связаны другъ съ другомъ. Чувство вкуса даетъ ощущеніе „сладкаго“, чувство зѣнія—ощущеніе „блѣаго“, чувство осязанія — ощущеніе „твѣрдаго“, форма созерцанія пространства даетъ намъ явленіе четырехграннаго тѣла; но какимъ же образомъ изъ всѣхъ отдѣльныхъ явлений складывается понятіе „сахаръ“? Кто же соединяетъ всѣ эти отдѣльныя ощущенія—сладкий, твердый, блѣагий—въ одно, и при томъ такъ прочно, что всегда, когда эти явлениа выступаютъ совмѣстно, у насъ возникаетъ понятіе „сахаръ“? Или, чтобы привести употребляемый самимъ Кантомъ примѣръ, скажемъ такъ: когда солнце освѣщаетъ камень, и послѣдний нагрѣвается, какъ я дохожу до сужденія, что солнце нагрѣваетъ камень? Вѣдь, моей чувственности дано лишь свѣтящееся солнце и теплый камень? Вѣдь, въ явленіи оба предмета не связаны другъ съ другомъ, какъ раньше не были связаны одно съ другимъ отдѣльные свойства сахара? Только въ моемъ разсудкѣ можетъ произойти такое соединеніе отдѣльныхъ элементовъ въ цѣлое, ибо соединять отдѣльные элементы—это и значить мыслить или высказывать

Такимъ образомъ, картина міра въ нашей головѣ со всѣмъ ея съдержаніемъ представляеть продуктъ нашего собственного разсудка.

Существование души, какъ вещи въ себѣ, нельзя доказать, но нельзя также и отвергнуть; точно такъ же нельзѧ доказать или отвергнуть существованіе Бога.

Кантъ признаетъ само собою подразумѣвающимъ также и то, что въ нась самихъ имѣется нравственное сознаніе, нравственное чувство, наличность котораго не приходится вовсе доказывать. Но что же такое нравственность?

Мы называемъ хорошимъ такой поступокъ, который соответствуетъ нашему нравственному чувству. Но вѣдь «хорошими» мы называемъ самыя различные вещи, какъ-то: богатство, силу, здоровье, красоту, образованіе и т. д. Но всѣ эти блага могутъ превратиться въ свою противоположность—зло, въ зависимости отъ того, какое употребленіе мы изъ нихъ дѣлаемъ, и какое вліяніе они на нась оказываютъ. Всѣ блага, дающія намъ счастье (а также и настроенія духа, самообладаніе, умбрѣнность и т. д.), становятся хорошими, лишь благодаря цѣли, которой они служатъ. Но эту цѣль ставить имъ *воля*; она диктуетъ намѣреніе и, следовательно, придаетъ всѣмъ этимъ благамъ то, что одно только дѣлаетъ ихъ хорошими въ нравственномъ смыслѣ, а вслѣдствіе этого, хорошо само. Воля—это единственный источникъ всего хорошаго и дурнаго. „Хороша лишь одна воля“. Воля—это способность дѣйствовать, сообразно сознательнымъ представленіямъ, яснымъ основаніямъ, т. е., следовательно, сообразно разуму; если же человѣкъ слѣдуетъ неяснымъ, безсознательнымъ переживаніямъ, то тогда дѣйствуетъ не воля, а инстинктъ. Сознаніе требованій, которые предъявляютъ нравственный законъ къ нашему способу дѣйствованія, называется долгомъ. Не всякая воля сама по себѣ хороша. Хороша только та воля, которая исполняетъ свой долгъ, т. е. при оцѣнкѣ воли надо имѣть въ виду ея побудительную причину. Купецъ, который продаетъ своимъ клиентамъ хороший товаръ, не обвѣшиваетъ и не обмѣриваетъ ихъ, боясь въ противномъ случаѣ потерять свой кругъ покупателей и быть побѣжденнымъ конкурентами, поступаетъ *законно*, но не *хорошо*. Имъ руководитъ не сознаніе долга, а собственная выгода. Также и благодѣяніе не является само по себѣ хорошимъ поступкомъ, если оно вытекаетъ изъ сожалѣнія, такъ какъ сожалѣніе—это любовь къ себѣ, стремленіе отдѣлаться отъ болѣзненнаго и непріятнаго чувства. Дѣйствительно хорошимъ благодѣяніе является только тогда, когда я совершаю его въ силу сознаннаго долга. Такимъ образомъ, только побудительная причина дѣйствованія дѣлаетъ волю хорошую и является основой (максимой) хотѣнія. Но максима дѣйствительно хорошаго поведенія не должна быть также естественной склонностью, а лишь представлениемъ долга. Объ этомъ и говорить стихотвореніе Шиллера „Gewissensskrupel und Entscheidung“ (Угрывенія совѣсти и рѣшеніе):

„Gerne dien'ich den Freunden, doch tu'ich es leider mit Neigung,
„Und so wurmt es mich oft, dass ich nicht tugendhaft bin.—
„Da ist kein anderer Rat, du musst suchen, sie zu verachten,
„Und mit Abscheu alsdann tun, was die Pflicht dir gebeut“. *)

*) Я охотно помогаю своимъ друзьямъ но, увы! поступаю такъ по своей склонности и мезя, поэтому, часто угнетаетъ мысль, что я не добродѣтельный человѣкъ. Здѣсь нѣть иного выхода: ты долженъ постараться ихъ презирать и съ отвращеніемъ слѣдовать тогда велѣнію долга.

Слѣдовательно, Кантъ считаетъ дѣйствительно нравственнымъ только тотъ поступокъ, при которомъ рѣшающую роль играетъ долгъ. Этотъ долгъ, какъ мы уже выше указали, есть нравственный законъ, который живеть въ сердцѣ каждого разумнаго существа, и на основаніи котораго каждый человѣкъ судить о поступкахъ другихъ, а если у него есть совѣсть, то и о своихъ собственныхъ поступкахъ. „*Ты долженъ*“ (*du sollst*) *) повѣльваетъ онъ волѣ, которая свободна, слѣдовать или не слѣдовать этой безусловной заповѣди („категорическому императиву“). Онъ не говорить „*ты вынужденъ*“ (*du musst*), такъ какъ нравственный законъ не есть законъ природы.

Камень вынужденъ, вслѣдствіе своей тяжести, падать на землю, онъ не обязанъ падать.

Если бы нравственный законъ былъ закономъ природы, если бы воля *вынуждена* была ему повиноваться, то она не была бы свободна. Нравственный законъ не имѣть опредѣленного содержанія, онъ общеобязателенъ и потому является только *формой*, которую принимаетъ каждый отдельный нравственный законъ. Поэтому, только тогда, когда правила нашего поведенія могутъ принять эту общеобязательную форму, они могутъ стать опредѣляющими правилами воли.

Такимъ образомъ, высшій принципъ нравственности гласитъ такъ: *поступай такъ, чтобы правило (субъективная основа) твоей дѣятельности могло сдѣлаться въ то же время началомъ (основой) всеобщаго законодательства*. Поэтому, при совершеніи каждого поступка можно сдѣлать проверку, является ли онъ нравственнымъ или неѣтъ; когда максима (субъективная основа) его такова, что человѣкъ, совершающій этотъ поступокъ, не можетъ хотѣть, чтобы эта субъективная основа стала общеобязательной, то данный поступокъ не является нравственнымъ. Поэтому, эгоизмъ никогда не можетъ стать всеобщимъ закономъ; вѣдь, этого, прежде всего, конечно не можетъ хотѣть самъ эгоистъ.

Необходимыми предпосылками нравственной дѣятельности Кантъ считаетъ бессмертіе души и существованіе Бога, каковыя, какъ мы уже выше видѣли, не могутъ быть доказаны разумомъ; но стремленіе къ высшей добродѣтели въ связи съ высшимъ блаженствомъ могутъ найти свое осуществленіе только при условіи признанія обоихъ вышеупомянутыхъ „практическихъ постулатовъ“ (требованій).

2. Фихте.

Йоганнъ Готлибъ Фихте, сынъ бѣдныхъ родителей, родился въ 1762 году въ Рамменау (*Oberlausitz*). Даровитый мальчикъ заинтересовалъ свою личностью одного юсѣднаго силезскаго помѣщика, и тотъ далъ ему возможность учиться сначала въ гимназіи, а потомъ въ уни-

*) При чтеніи этого места читатель долженъ имѣть въ виду разницу, которая въ немецкомъ языке существуетъ между *sollen* и *müssen*. Первый глаголь выражаетъ понятіе свободнаго дѣлательства, второй—понятіе принужденія или внутренней необходимости. Между тѣмъ, русскій языкъ не улавливаетъ этого тонкаго различія, и оба глагола обыкновенно переводятся однимъ словомъ: быть должнымы. Такъ въ фразѣ: „*камень долженъ падать*“ вѣмѣцкій языкъ употребляетъ глаг. *müssen*; въ формулѣ „*ты долженъ*“ глаг. *sollen*. (Прим. пер.).

верситетѣ. Въ 1780 году Фихте уѣхалъ въ Гену, чтобы тамъ посвятить себѣ изученію богословія, но его все же больше всего интересовала философія. Пробыв долгое время въ различныхъ мѣстахъ въ качествѣ домашняго учителя, Фихте въ 1794 году получилъ каѳедру профессора философіи въ Генѣ. Когда же въ издаваемомъ имъ „Философскомъ журнале“ появилась статья, вызвавшая неудовольствіе его начальства, онъ былъ вынужденъ отказаться отъ званія профессора. Сначала онъ уѣхалъ въ Берлинъ, а потомъ въ Эрлангенъ, где снова получилъ профессуру. Зимою 1807—1808 года опять читалъ въ Берлинѣ свои знаменитыя „Reden an die deutsche Nation“ (*). Въ 1809 году онъ былъ назначенъ профессоромъ вновь открытаго берлинскаго университета. Онъ умеръ 27 января 1814 года отъ нервной лихорадки, заразившись отъ жены, ухаживавшей за ранеными въ военныхъ лазаретахъ. Его главное сочиненіе: „Grundlage der Wissenschaftslehre“ („Основы ученія о наукѣ“).

Кантъ пришелъ къ заключенію, что вещи виѣ насы представляются разумку лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ воспринимаетъ ихъ при посредствѣ своихъ формъ возврѣнія (пространства и времени) и формъ мышленія. Что же касается „вещи въ себѣ“, т. е. того, что мы принуждены кладти въ основу явлений, привносить къ нимъ мысленно по необходимымъ законамъ (категоріямъ) мышленія, то это и у Канта не что иное, какъ только „абстрактная вещь“ („Gedankending“), чистое понятіе, необходимообразуемое нашимъ разумкомъ. Фихте, завершитель кантовской системы, дѣлаетъ еще одинъ шагъ дальше: не только „вещь въ себѣ“, нѣть, весь окружающій насы міръ явлений представляетъ продуктъ моего мыслящаго „я“. Это можетъ показаться съ первого взгляда очень страннымъ!

Итакъ, все, что меня окружаетъ, все, что я до сихъ поръ считаю дѣйствительно существующимъ, все, что, хотя и представлялось мнѣ въ иномъ видѣ (какъ утверждалъ Кантъ), чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть, но что все-таки (даже и по Канту) имѣлось въ дѣйствительности,— все это представляетъ собою обманъ моей фантазіи, моего разумка? Итакъ, тамъ, напротивъ нѣть дома, хотя я и видѣль, какъ онъ строился, какъ онъ съ каждымъ днемъ становился все больше и больше? Ручка, которую я держу въ рукѣ, тоже не существуетъ, какъ и бумага, на которой я пишу, стуль, на которому я сижу, стоять, за которымъ я работаю? Когда я ощущаю въ своемъ желудкѣ чувство голода и хочуѣ бытъ, то философъ можетъ мнѣ на это сказать такъ: постой, тебѣ вовсе не хо-

I. G. Фихте.

*) „Рѣчи къ немецкой нації“.

чется быть, какъ вѣдь у тебя нѣть желудка; твой желудокъ—это не что иное, какъ созданіе твоей силы воображенія! Ты вообще не существуешь, скажетъ онъ, такъ какъ ты самъ представляешь собою лишь продуктъ твоего и моего мышленія?!

Вы видите, что такое разсужденіе не можетъ быть возрѣніемъ вполнѣ нормального человѣка, а есть измышеніе сумасшедшаго. Само собою разумѣется, что это и не былъ взглядъ Фихте. Но будемъ разсудить такъ: если бы, вслѣдствіе какого-нибудь несчастія, всѣ люди внезапно потеряли слухъ, развѣ, начиная съ этого момента, весь міръ не сталъ бы нѣмымъ? Звуки, издаваемые окружающими насы животными, тогда бы для насы не существовали; поющая птичка, лающая собака казались бы намъ тогда такими же нѣмymi, какъ и рыба. Мы бы видѣли молнию, но она не сопровождалась бы для насы громомъ; морскія волны катились бы беззвучно, безъ всякаго шума. Пойдемъ дальше: допустимъ, что всѣ мы потеряли бы зрѣніе, развѣ тогда солнце не утеряло бы немедленно своего блеска, развѣ тогда не исчезли бы всѣ краски и цвѣта, которые были тогда, когда мы видѣли? Синева неба, зелень деревьевъ и луговъ,—ничто больше не существовало бы, такъ какъ ничто не было бы видимо. Но представимъ себѣ, что и наше сознаніе исчезло бы! Развѣ тогда, вмѣстѣ съ нашимъ сознаніемъ, не исчезъ бы и весь міръ, весь міръ и вмѣстѣ съ нимъ мы сами? Изъ всего сказанаго ясно вытекаетъ слѣдующее: безъ познающаго нѣть познаваемаго, безъ мыслящаго существа нѣть ничего, что существовало бы вмѣстѣ съ нимъ. И въ такомъ смыслѣ надо понимать, когда Фихте говоритъ, что все существующее вмѣстѣ нашего мыслящаго „я“ представляетъ собою лишь продуктъ силы воображенія этого мыслящаго „я“.

Это „я“ Фихте не есть какое-либо лицо, состоящее изъ мяса, крови и костей, а—постоянное, непрестанно дѣятельное мышленіе; но это не есть мышлевіе о чёмъ-либо опредѣленномъ, это—чистое мышленіе само по себѣ, происходящее въ каждомъ разумномъ существѣ. „Подумай что-либо“, говоритъ Фихте въ началѣ своего главнаго сочиненія, „и посмотри, что ты дѣлаешь и необходимо долженъ дѣлать, въ то время, когда ты думаешь. Ты увидишь, что ты никогда не мыслишь какой-либо предметъ, не мысля при этомъ себя самого, что ты никакъ не можешь абстрагироваться (отрѣшиться) отъ своего собственнаго „я“. Это чистое „я“ доходить до сознанія наблюдателя, конечно, только тогда, когда имѣется что-либо, противоположное этому „я“, когда имѣется что-либо, что не есть „я“. Поэтому Фихте называетъ эту противоположность „я“ — „не—я“.

Приведемъ небольшой примеръ для поясненія этой мысли: если бы былъ лишь одинъ „синій“ цвѣтъ, и все, что вообще можетъ быть окрашено, выглядело бы поэтому синимъ, то этотъ синій цвѣтъ даже и не дошелъ бы до нашего сознанія; мы даже не имѣли бы никакого имени для обозначенія этого цвѣта, такъ какъ, вѣдь, памъ и не нужно было бы его для отличія отъ зеленаго, краснаго, чернаго, бѣлаго и т. д. Но если бы наряду съ синимъ появился одинъ какой-либо другой цвѣтъ, то разница между этими обоями цвѣтами немедленно бросилась бы намъ въ глаза, и вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтъ „синій“ въ первый разъ дошелъ бы до нашего сознанія.

Итакъ, для того, чтобы что-либо существующее могло дойти до нашего сознанія, всегда необходимо существованіе чего-либо противоположнаго ему.

Поэтому ясно, что есть только одно „я“, если существует одно „не-я“, и что, наоборот, „не-я“ без „я“ не мыслимо; такимъ образомъ, оба они зависимы одно от другого. Для облегченія пониманія я хочу представить себѣ подъ этимъ „не-я“ весь окружающій меня міръ (включая, конечно, и мое тѣло), — такъ какъ мое „я“ есть лишь мышленіе. Но какимъ же образомъ это „я“ доходитъ до представлениія „не-я“, физического міра?

Какъ мы уже подчеркивали, „я“ всегда дѣйствуетъ, всегда мыслить. „Не-я“, или міръ явленій, представляется этому „я“, какъ нѣчто чуждое, какъ что-то къ нему не принадлежащее, и все же мы знаемъ, что „не-я“ совершенно немыслимо безъ „я“. Вѣдь, „я“ должно было произвести „не-я“, и развѣ теперь „не-я“ можетъ быть совершенно чуждымъ „я“, какъ бы созданное совершенно другой, виѣшней силой?

Но какъ же это возможно, что собственная дѣятельность „я“ (а именно представлениѣ о „не-я“) кажется этому „я“ дѣятельностью кого-то другого? Если я сдѣлать что-либо, то вѣдь продуктъ моей дѣятельности долженъ же мнѣ представляться дѣломъ моихъ рукъ! Но нѣ всегда такъ! Если человѣкъ дѣйствуетъ въ состояніи лихорадочнаго бреда, если онъ, напримѣръ, чтобы выпрыгнуть изъ окна, разбиваетъ стекло, то развѣ, придя въ себя, онъ не будетъ думать, что кто-либо иной, а не онъ самъ, разбилъ стекло? Наконецъ, вѣдь каждому теперь знакомы явленія гипнотизма. Загипнотизированному человѣку можно приказать сдѣлать что-либо такое, что оставляетъ слѣды его дѣятельности. И когда загипнотизированный человѣкъ проснется и увидитъ дѣло рукъ своихъ, развѣ онъ не подумаетъ, что это сдѣлалъ кто-нибудь другой? Есть много примѣровъ того, что человѣкъ можетъ совершать различные поступки, не признавая ихъ потомъ за свои, и это, какъ показываютъ опять таки примѣры, происходитъ всякий разъ тогда, когда человѣкъ оступаетъ безсознательно. Поэтому, мы должны также допустить, что „я“ дѣйствовало безсознательно, представляя себѣ „не-я“, которое кажется ему теперь чѣмъ-то чуждымъ, находящимся виѣ его.

Это безсознательное „не-я“ Фихте называетъ силой воображенія. Но вѣдь теперь „я“ должно, наконецъ, познать, что „не-я“, виѣшній міръ, представляетъ собою продуктъ его силы воображенія! Сначала „я“ чувствуетъ себя стѣсненнымъ существованіемъ этого „не-я“, оно обнаруживаетъ въ себѣ какое-то чуждое ему состояніе: оно ощущаетъ. Въ основѣ этого ощущенія — заключаетъ „я“ — должно лежать что-то виѣшнее. И вотъ „я“ представляетъ себѣ образъ этого виѣшняго, который долженъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительной вещи. Тутъ „я“ уже становится яснымъ, что этотъ образъ является его собственнымъ произведеніемъ, тогда какъ „прототипъ“, соотвѣтственно которому оно нарисовало себѣ образъ, оно считаетъ произведеніемъ „не-я“; на самомъ же дѣлѣ, это не что иное, какъ его первое, первоначальное возврѣніе, созерцаніе. Такимъ образомъ, „я“ копируетъ свое собственное созерцаніе: оно воспроизводить сознательно то, что оно выполнило, создало безсознательно. Но „я“ удерживаетъ это воспроизведеніе изображеніе, и такимъ путемъ, образъ становится представлениемъ. „Я“ можетъ совершенно абстрагировать это представлениѣ отъ всякаго предмета. и оно, въ концѣ концовъ, признаетъ, что ему не надо никакаго предмета, что ни одинъ предметъ не принадлежитъ какому-либо существу, какъ нѣчто нераздѣльное отъ него; но тѣмъ самымъ оно признаетъ свою первоначальную и чистую сущность и сознаетъ, что „не-я“ является его самимъ первичнымъ продуктомъ.

Такимъ образомъ, мы представляемъ себѣ вещи виѣ нась тѣмъ путемъ, что „я“ отрѣшается отъ части своей дѣятельности и противополагаетъ себѣ „не-я“. Итакъ, не вещи виѣнняго міра дѣйствуютъ на насъ, но мы дѣйствуемъ сами, ограничивая наше „я“ противопоставлениемъ „не-я“.

Но почему же «я» ограничиваетъ свою безконечную дѣятельность? Безконечная дѣятельность была бы безсодержательной, если бы для нея не было никакого дѣла. Какая-либо сила можетъ показать себя дѣйствующей только тѣмъ, что она преодолѣваетъ сопротивленіе, и бесконечная дѣятельность возможна только тогда, когда на пути ея всегда стоитъ препятствіе, которое ей приходится преодолѣвать. Самая сущность безконечной дѣятельности заключается въ томъ, что она не можетъ достигнуть своей цѣли; какъ только ея стремленія были бы удовлетворены, она дошла бы до своего конца, и дѣятельность не была бы уже больше бесконечной. Безконечное стремленіе чистаго «я» не встрѣчаетъ никакого препятствія и потому должно само поставить его себѣ; отсюда—самоограниченіе въ безсознательномъ представлениі, продуктомъ чего является „не-я“.

Но дѣятельность, какъ самочѣль—это не что иное, какъ нравственная дѣятельность. Слѣдовательно, нравственный законъ, т. е. требование дѣятельности, цѣлью которой является лишь она сама, это—стремленіе «абсолютнаго я», порождающее міръ.

Отсюда слѣдуетъ, что нравственно поступать только тотъ, кто выполняетъ какую-либо задачу, лишь съ цѣлью найти въ ея решеніи другую, болѣе высокую и сложную задачу.

3. Шеллингъ.

Фридрихъ Вильгельмъ Йосифъ Шеллингъ родился 27 января 1775 г. въ Леонбергѣ (Вюртембергѣ). Онъ развелся очень рано, учился въ Тюбингенѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ Гену, где онъ сначала сдѣлался сторонникомъ взглядовъ Фихте. Но вскорѣ онъ отказался отъ нихъ. Шеллингъ былъ профессоромъ философіи въ Вюрцбургѣ, затѣмъ въ 1841 году былъ приглашенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV въ Берлинъ; умеръ 20 августа 1853 года въ Раганѣ (Швейцарія). Его главное сочиненіе: «System der Naturphilosophie» («Система натурфилософіи»).

Фихте слишкомъ мало считался съ естествознаніемъ, и Шеллингъ хотѣлъ развить эту сторону ученія Фихте. Но это дальнѣйшее развитіе теоріи Фихте, сдѣланное Шеллингомъ, представляетъ собою не что иное, какъ полную переработку системы его учителя.

«Нѣть двухъ различныхъ міровъ, а есть лишь одинъ, въ которомъ, заключено все, а также и то, что въ обычномъ сознаніи противопоставляется въ видѣ природы и духа». Это міровоззрѣніе Шеллингъ хотѣлъ изложить въ системѣ философіи. «Я считаю его (это міровоззрѣніе) единственно правильнымъ», говорилъ Шеллингъ, «кимъ уничтожается навсегда всякий дуализмъ (двойственность: природа и духъ), и все представляется абсолютно единимъ».

Такимъ образомъ, для Шеллинга міръ природы и міръ разума (духа) въ корнѣ: своеемъ тождественны. Одинъ содержитъ въ себѣ безсознательно то, что другой имѣеть въ сознаніи, и вѣчный процессъ природы заключается въ томъ, чтобы въ своемъ безсознательномъ стремленіи производить духъ. Мы должны считать природу безсознательной формой жизни разума, не имѣющей другого стремленія, какъ производить сознательную. Фило-

сфія природы—это история развивающегося (*werdenden*) духа. Въ каждой продуктѣ природы дѣятельности ея что-то препятствуетъ. Основа этого препятствія можетъ лежать только въ самой природѣ. Поэтому въ природѣ должны имѣться на-лицо два противоположныхъ стремленія: 1) *созидающее* и 2) *противодействующее* этому созиданію. Оба эти стремленія должны быть соединены въ продуктѣ. Но продуктъ, ставшій чистью созидающей природы, долженъ обладать стремлениемъ къ безконечному развитію. Поэтому, природа подобна первичному продукту, который развивается въ безконечномъ рядѣ продуктовъ; она возможна лишь, какъ безконечный рядъ развитія. Рядъ развитія образуетъ формы развитія, которые должны быть родственны другъ другу, такъ какъ все онѣ произошли отъ одного первичнаго продукта; поэтому все онѣ «имѣютъ основной типъ, который лежитъ въ основѣ ихъ всѣхъ, и который весь онѣ выражаютъ, хотя и обнаруживая разнообразныя отклоненія».

По Шеллингу, философское познаніе природы состоить въ томъ, чтобы считать весь процессъ природы *цѣлесообразнымъ совмѣстнымъ действиемъ силъ*, которая, начиная съ низшихъ ступеней, ведутъ постепенно къ возникновенію высшихъ и постоянно совершенствующихъ формы животной жизни и сознавія. То, что въ природѣ кажется мертвымъ, это—или остановившаяся въ своемъ развитіи, или не вполнѣ совершенная жизнь. Какая-либо вещь природы — это продуктъ противоположныхъ силъ. Сущность природы—это стремленіе и сила, «Систему природы надо понимать не какъ скопленіе атомовъ, а какъ цѣльную единую жизнь первичной силы, которая стремится къ своей цѣли, постоянно измѣня свою форму. Нѣкоторые мыслители уже предвосхищали эту мысль, и они говорили о міровой душѣ, живымъ развитіемъ которой является вселенная. Міровая душа—это «я», которое хочетъ отъ бессознательного стремленія перейти къ сознательной жизни, и которое, принимая всѣ формы неорганической и органической природы, возвышается до этого самопостиженія. Это—исполинскій духъ, который, увидя себя окаменѣвшимъ, причудливо потягивается и распрямляетъ свои члены, чтобы гайти для себя подходящій образъ и форму, и который, принявъ, въ концѣ концовъ, видъ карлика—мы называемъ его человѣкомъ—изумляется самъ себѣ».

4. Гегель.

Вильгельмъ Фридрихъ Гегель родился 27 августа 1770 года въ Штуттгартѣ. Онъ изучалъ въ Тюбингенѣ философию и богословіе, а затѣмъ долгое время жилъ въ качествѣ домашнаго учителя въ Бернѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Въ 1781 году онъ сталъ приват-доцентомъ въ Іенѣ, а спустя четыре года—профессоромъ. Но, вслѣдствіе материальныхъ соображеній, онъ долженъ былъ оставить это мѣсто и занять въ Бамбергѣ постъ редактора. Затѣмъ онъ получилъ мѣсто директора гимназіи въ Нюрнбергѣ, что избавило его отъ „газетной каторги“. Послѣ восьмилѣтнаго пребыванія въ Нюрнбергѣ онъ получиль профессорскую каѳедру въ Гейдельбергѣ, а съ 1818 года былъ профессоромъ берлинскаго университета. 14 ноября 1831 года отъ умеръ въ Берлинѣ отъ холеры. Его главное сочиненіе: „Phänomenologie des Geistes“ („Феноменоология духа“).

Природу и духъ, бытіе и мышеніе Шеллингъ считалъ тождественными. Этимъ самымъ Шеллингъ выступилъ противъ Фихте, который ставилъ «я», мышленіе, выше чѣмъ «не-я», природу, и, въ извѣстномъ смыслѣ, относился къ послѣдней даже презрительно. Гегель тоже ото-

ждествляет мышление съ бытіемъ, но вмѣсто туманного истиинкта къ дѣятельности, свойственного, по мнѣнію Шеллинга, природѣ и заставляющаго ее развиваться, чтобы, въ концѣ концовъ, проявиться въ человѣческомъ духѣ, Гегель признаетъ „абсолютную идею“, т. е. общую, божественную идею, или Бога. Для того чтобы проявиться, Богъ (абсолютная идея) становится природою и конечнымъ духомъ. Но человѣческій духъ доходитъ до познанія абсолютной идеи, переходя черезъ различныя ступени, изъ которой низшей является предметное «сознаніе» (т. е. чистое познаніе другого, какъ самого себя), а высшей—„абсолютное знаніе“ (т. е. чистое знаніе). Этимъ цѣль достигнута, истина найдена; понятіе и предмет гармонируютъ другъ съ другомъ, такъ какъ въ абсолютной идеѣ уничтожается противорѣчіе между „я“ и „не-я“, между представлениемъ (понятіемъ) и предметомъ, мышленіемъ и бытіемъ.

Гегель.

Вотъ—сущность гегелевской философіи. Рамки и характеръ настоящей книги, предназначеннай быть возможно болѣе популярной, не позволяютъ мнѣ останавливаться болѣе подробно на изложеніи этой системы. Но уже изъ всего вышесказаннаго читатель увидить, какъ далеко Гегель заходилъ въ область абстрактнаго, какъ мало его мышленіе имѣть еще точекъ соприкосновенія съ «здоровымъ человѣческимъ разсудкомъ». Невозможно даже передать общепонятныя языкомъ изобрѣтенные имъ самимъ выраженія и термины, совершенно непонятные для не-спеціалиста; такая передача не выяснила бы сущности вещи и только еще болѣе затмнила бы содержаніе цѣлаго.

5. Шопенгауеръ.

Артуръ Шопенгауеръ родился 22 февраля 1788 года въ Данцигѣ. Его отецъ, богатый банкиръ, готовилъ сына къ коммерческой карьерѣ и соотвѣтствующимъ образомъ воспитывалъ его. Онъ бралъ его вмѣстѣ съ собою, путешествуя по Бельгіи, Франціи и Англіи, а также не упускалъ случая знакомить мальчика и съ его собственной родиной. Когда Шопенгауеру исполнилось 17 лѣтъ, онъ поступилъ ученикомъ въ одинъ гамбургскій торговый домъ; но вскорѣ онъ почувствовалъ, что выбранная имъ профессія не соотвѣтствуетъ его склонностямъ. Но онъ скрывалъ это отъ своего отца и лишь послѣ его смерти написалъ своей матери, извѣстной писательницѣ Йоганнѣ Шопенгауеръ, переселившейся въ Веймаръ, что онъ хотѣлъ бы бросить коммерцію и посвятить себя ученому поприщу. Мать одобрила желаніе сына, и молодой Шопенгауеръ сталъ готовиться къ поступлению въ университетъ. Въ 1809 году онъ поступилъ въ университетъ въ Гёттингенѣ, гдѣ изучалъ сначала медицину и естественные науки, а потомъ—философию. Затѣмъ онъ перешелъ въ Берлинъ, гдѣ слушалъ лекціи Фихте, которыя его мало удовлетворили. Въ 1813 году онъ получилъ въ Іенѣ ученую степень за свое сочиненіе «Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde» («О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія»); вы-

звавшее шумъ въ философскихъ кругахъ. Потомъ онъ поѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ Гёте удостоилъ его своимъ близкимъ знакомствомъ. Но, посorившись со своей матерью, онъ вскорѣ покинулъ Веймаръ и перѣѣхалъ на некоторое время въ Дрезденъ, гдѣ и написалъ свое главное сочиненіе: „Die Welt als Wille und Vorstellung“ („Миръ, какъ воля и представление“). Черезъ семь лѣтъ послѣ получения степени доктора, онъ сталъ приват-доцентомъ въ Берлинѣ. Но его ученіе не встрѣтило сопротивленія,

Артуръ Шопенгауэръ.

лекціи его вскорѣ совершенно перестали посѣщаться, и разразившаяся въ 1831 году въ Берлинѣ холера послужила для него удобнымъ поводомъ, чтобы покинуть этотъ городъ. Онъ поселился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ вельжизнъ ожесточившагося, старого холостяка. Здѣсь онъ исправлялъ свои прежде изданныя сочиненія и написалъ, въ числѣ другихъ, свое удостоенное преміи сочиненіе: „Über die Freiheit des menschlichen Willens“ („О свободѣ человѣческой воли“) и „Parerga und Paralipomena“. Онъ умеръ 21 сентября 1860 года отъ закупорки легочныхъ сосудовъ.

Изложимъ міросозерцаніе Шопенгауера, отчасти прымывающее къ Канту, отчасти противопоставляемое ему—Наша тѣлоовано нами въ личнѣ-

различныхъ видахъ: во-первыхъ, какъ *представление* (ср. Кантъ), какъ предметъ среди другихъ предметовъ, во-вторыхъ,—какъ *воля*. Воля не-посредственно известна каждому: всякий актъ нашей воли неизменно влечеть за собою движение нашего тѣла. Мы не можемъ чеголибодѣй-стительно хотѣть, не замѣчая сейчасъ же при этомъ, что наше хотѣніе проявляется въ видѣ движения тѣла. Воля и тѣло не относятся другъ къ другу, какъ причина и слѣдствіе, а какъ *сила* и *проявленіе*; онъ—одно и то же, данное намъ совершенно различнымъ образомъ: съ одной стороны—непосредственно, а съ другой—какъ матеріалъ для разсудка, въ видѣ созерцанія. Тѣло—это не что иное, какъ проявившаяся воля.

Заключенія воли относительно будущаго представляютъ собою простыя размышенія разсудка о томъ, что мы когда-либо будемъ хотѣть, а не волевые акты (поступки) въ собственномъ смыслѣ этого слова. Только *выполненіе* характеризуетъ рѣшеніе. Такъ какъ всякий настоящій, дѣйствительный, непосредственный актъ воли немедленно и непосредственно проявляется въ видѣ акта тѣла, и, соотвѣтственно этому, всякое дѣйствіе на тѣло непосредственно оказываетъ вліяніе на волю, то совершенно неправильно называть боль и удовольствіе *представлѣніями*. Нѣтъ, удовольствіе и неудовольствіе—это возбужденія воли въ явленіи (тѣлѣ), это—насильственное хогѣніе (удовольствіе) или нехотѣніе (недовольство), относящіяся къ впечатлѣнію, переживаемому тѣломъ.

Представлѣніями мы можемъ считать лишь опредѣленныя немногочисленныя впечатлѣнія, производимыя на тѣло, а именно тѣ, которыхъ не возбуждаютъ волю, и благодаря которымъ тѣло является непосредственно предметомъ познанія; это—возбужденія органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, осозанія и т. д., и при томъ только тогда, когда они, соотвѣтствующіи ихъ природѣ образомъ, возбуждаются такъ слабо, какъ это является необходимымъ для того, чтобы дать разсудку созерцаніе, не затрагивая этими возбужденіями воли человѣка. — Слабость нервовъ выражается въ томъ, что впечатлѣнія, которыя должны обладать той степенью силы, какая могла бы сдѣлать ихъ замѣтными разуму, достигаютъ болѣе высокой ступени, и тогда они приводятъ въ движение волю, т. е. вызываютъ, по большей части, болѣзненное чувство.

Такъ, нервнымъ людямъ непріятны вѣкоторые звуки и цвета.

Единство тѣла и воли можетъ быть сдѣлано предметомъ разумнаго познанія только въ качествѣ непосредственно данного факта: по природѣ своей оно никогда не можетъ быть доказано, такъ какъ оно является самимъ непосредственнымъ познаніемъ, какимъ мы только обладаемъ.— Являются-ли и другіе предметы міра виѣ нась тоже явленіями воли, или только фантомами? Это, по Шопенгауеру, единственный вопросъ о дѣйствительности виѣшняго міра.

Кто убѣдился въ томъ, что тѣло представляетъ не что иное, какъ воплощеніе воли, тому это убѣжденіе само собою дастъ ключъ къ познанію внутренней жизни всей природы; онъ перенесетъ его также на всѣ тѣ явленія, которыхъ даны ему лишь, какъ представлѣніе. Онъ увидитъ, что воля составляетъ сущность не только тѣхъ явленій, которыхъ подобны происходящимъ въ человѣкѣ и животныхъ; нѣтъ, продолжительное размышеніе приведетъ его къ тому заключенію, что сущностью силы, живущей въ растеніяхъ, силы, подъ вліяніемъ которой нарастаетъ кристаллъ, магнитъ поворачивается къ сѣверному полюсу, камень притягивается къ землѣ, а земля—къ солнцу,—является воля, извѣстная ему непосредственно, и значительно лучше и точнѣе, чѣмъ что-либо другое.

Це приміченіе размисленія не останавливає насп у самого явиленія, а приводить къ веци въ себѣ (ср. Кантъ). Вещь въ себѣ — это одна только воля. Воля—это сущность всего, какъ отдельныхъ явлений, такъ и цѣлого.—Она проявляется во всякой слѣпой дѣйствующей силѣ природы, она проявляется также и въ обдуманной дѣятельности человѣка.

Но подъ словомъ „воля“ не надо понимать волю, выведенную изъ познанія и дѣйствующую только по побудительнымъ причинамъ, следовательно, подъ руководствомъ разума; нѣть, мы должны мысленно отде́лить непосредственно намъ известную внутреннюю сущность воли и затѣмъ перенести это понятіе на всѣ болѣе слабыя и неясныя проявленія той же сущности. Такимъ путемъ мы получаемъ желаемое расширеніе понятія воля.

Воля, какъ вещь въ себѣ, совершенно отлична отъ своего проявленія и свободна отъ всѣхъ тѣхъ формъ, которыя она принимаетъ для своего проявленія; эти формы, поэтому, относятся только къ волѣ, принявшей предметную форму; ей же самой онъ совершенно чужды. Слѣдовательно, воля, какъ вещь въ себѣ, совершенно не зависить отъ времени и пространства, отъ причины и слѣдствія, т. е. она вполнѣ свободна. Но воля абсолютно свободна только, какъ вещь въ себѣ; воля же, какъ явиленіе или какъ воплотившаяся воля—не свободна, она опредѣляется другими факторами, такъ какъ все можетъ быть слѣдствіемъ какой-либо причины; человѣкъ тоже подчиненъ этой необходимости. Индивидъ, личность не есть воля, какъ вещь въ себѣ, а уже проявленіе воли, и какъ таковое, человѣкъ подчиненъ закону причины и слѣдствія. Этимъ объясняется тотъ удивительный фактъ, что каждый человѣкъ считаетъ себя совершенно свободнымъ въ своихъ отдельныхъ дѣйствіяхъ и думаетъ, что онъ въ любой моментъ можетъ начать жить иначе, т. е. стать другимъ человѣкомъ. Но вскорѣ онъ, къ его великому удивленію, научаетъ его, что онъ не свободенъ, что онъ, несмотря на всѣ свои размисленія, неизмѣняетъ своей дѣятельности и вплоть до конца своей жизни долженъ выполнять ему самому непріятную роль. (Здѣсь уже обнаруживается пессимизмъ Шопенгауера: міръ есть худший изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, люди и ихъ дѣйствія, въ большинствѣ случаевъ, плохи).

Во всей неорганической природѣ воля дѣйствуетъ какъ безсмысленное, слѣпое стремленіе. Постепенно она проявляется все яснѣе и яснѣе, но еще въ растительномъ царствѣ она дѣйствуетъ совершенно безсознательно, а также и въ тѣхъ явленияхъ міра животныхъ, которая носятъ растительный характеръ: при рожденіи и развитіи каждого животнаго. Но стоящія все выше и выше ступени приводятъ, наконецъ, къ той точкѣ, когда индивидъ, служацій проявленіемъ воли, нуждается въ сознаніи: онъ долженъ выбирать себѣ пищу и отыскивать ее, слѣдовательно, познаніе служитъ здѣсь для сохраненія индивида и продолженія рода. Но вмѣстѣ съ этимъ вспомогательнымъ средствомъ появляется вдругъ и міръ, какъ представленіе, со всѣми своими формами. До сихъ поръ только воля, міръ теперь является въ то же время и представлениемъ, объектомъ представляющаго (субъекта). Воля, которая до сихъ поръ хотя и въ темнотѣ, но увѣренно и безошибочно слѣдовала своему инстинкту, зажгла на этой ступени свѣтъ, какъ средство, ставшее необходимымъ для уничтоженія вреда, который могъ бы возникнуть, изъ сложнаго строенія ея явлений. Прежняя безошибочная увѣренность закономѣрность, съ которой она дѣйствовала въ неорганической природѣ, основывалась на томъ, что она дѣйствовала только, какъ слѣпой

инстинктъ, безъ помощи, но и безъ помѣхи со стороны второго, совершенно другого міра, міра, какъ представлениѣ; хотя этотъ міръ представляетъ собою лишь отраженіе ея собственной сущности, но онъ все же имѣть совершенно иную природу и теперь выѣшивается въ связь ея явленій. Но тѣмъ самымъ наступаетъ конецъ безошибочной увѣренности воли. Поэтому, животная теперь уже могутъ обманываться. У нихъ имѣются вмѣстѣ съ тѣмъ лишь созерцательныя представлениа, но не понятія, они не могутъ размыкать; вотъ почему они связаны съ настоящимъ и не могутъ предусматривать будущаго. Наконецъ, когда воля достигаетъ высшей ступени своего проявленія, свойственное животнымъ познаніе въ видѣ созерцанія, связанаго лишь съ настоящимъ, является недостаточнымъ; человѣкъ, это многостороннее, способное къ образованію, обладающее большими потребностями и подверженное всякимъ непріятнымъ случайностямъ существо, долженъ быть, для своего существованія, быть одаренъ двойнымъ познаніемъ: созерцательнымъ познаніемъ и разумомъ. А вмѣстѣ съ разумомъ была пріобрѣтена разсудительность, благодаря чьему человѣкъ могъ мысленно отглядывать прошедшее и будущее и вполнѣ ясно сознавать предпринимаемое имъ волевое рѣшеніе. Но съ появленіемъ на сцену разума почти совершенно исчезаетъ та увѣренность и несомнѣвность волевыхъ проявленій, которая въ неорганической природѣ представляется даже въ видѣ строгой закономѣрности: инстинктъ отступаетъ совершенно на задній планъ, размыщеніе же, которое теперь должно замѣнить все, подвержено колебаніямъ и неувѣренности.

Такимъ образомъ, познаніе вообще первоначально исходить изъ самой воли. Но, быть можетъ, памъ зададутъ такой вопросъ: всякая воля имѣеть опредѣленную цѣль, предметъ своего хотѣнія. Чего же хочетъ, къ чьему стремится та воля, которая намъ представляется, какъ сущность міра? Этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, покоится на смѣшении *вещи въ себѣ съ явленіемъ*. Вездѣ можно указать основу только явленій, какъ таковыхъ, основу отдѣльныхъ вещей, но не самой воли. Такъ, въ каждомъ отдѣльномъ явленіи, или вообще въ измѣненіи въ природѣ, надо искать причину, т. е. то состояніе, которое неизбѣжно вызвало данное явленіе; но мы не можемъ искать причины самой силы природы, которая обнаруживается въ этомъ и въ безчисленномъ множествѣ подобныхъ явленій. Поэтому каждый человѣкъ имѣеть цѣли и причины, сообразно которымъ онъ поступаетъ, и можетъ въ любую минуту дать отчетъ о своемъ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ. Но если спросить его, *почему* онъ вообще хочетъ, то онъ не сможетъ на это отвѣтить и скорѣе найдетъ этотъ вопросъ нелѣпымъ. И вотъ здѣсь то и оказывается, собственно говоря, сознаніе, что онъ представляетъ собою не что иное, какъ волю, хотѣніе которой понимается само собою и только для ея отдѣльныхъ дѣятельностей, для каждого момента времени нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи при посредствѣ побудительныхъ причинъ.

Какъ мы уже говорили выше, міросозерцаніе Шопенгауера—это пессимизмъ. Слѣдующія краткія изречения философа крайне характерны для его міровоззрѣнія:

„Что касается жизни индивида, то всякая исторія жизни—это исторія страданія; вѣдь жизнь—это обыкновенно не что иное, какъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ несчастій, по возможности скрываемыхъ человѣкомъ, такъ какъ онъ знаетъ, что другіе люди, слыша его жалобы, должны испытывать не сожалѣніе къ нему, а почти всегда удовлетвореніе отъ сознанія, что ихъ не постигло такое несчастіе: но врѣдъ-

найдется мыслящий и разсудительный человѣкъ, который въ концѣ своей жизни захочеть снова пройти весь свой жизненный путь, а не предпочесть совершение небытіе. Правда, человѣческая жизнь, какъ всякой плохой товарь, покрыта съ вѣнчайшей стороны мишурой; страданіе всегда таится въ глубинѣ, и каждый выставляетъ напоказъ всю ту роскошь и блескъ, какие онъ только въ состояніи добыть".

"Вся животно-человѣческая жизнь—это не что иное, какъ торговля, которая не покрываетъ расходовъ, это—игра, которая не стоитъ свѣтъ. Зачѣмъ же тогда жить? Если мы проанализируемъ нашу психологію, то мы увидимъ, что въ насъ живетъ огромная любовь къ существованію, желаніе жить во что бы то ни стало, не обращая вниманія на цѣнность и цѣль жизни. Мы хотимъ жить, не зная зачѣмъ и къ чему. Хотѣніе не основано ни на чѣмъ. Только въ полномъ отрицаніи и отказѣ отъ всякаго хотѣнія, что, однако, не можетъ быть слѣдствіемъ намѣренного принужденія, а вытекаетъ изъ самаго внутренняго отношенія познанія къ хотѣнію,—мы находимъ выходъ изъ нашего существованія, которое оказывается для насъ лишь страданіемъ".

6. Фехнеръ.

Фехнеръ (1801—1887) утверждалъ, какъ и Спиноза, что тѣло и духъ тождественны, и что они представляютъ собою различныя формы проявленія одного и того же существующаго, при чѣмъ тѣло служить явленіемъ для сознанія другихъ людей, а духъ—явленіемъ нашего собственнаго сознанія. Духъ безъ тѣла такъ же немыслимъ, какъ тѣло безъ духа. И подобно тому, какъ духъ относится къ тѣлу, такъ Богъ относится къ миру. Вся природа—это воплощеніе духа, и подобно тому, какъ въ нашемъ духѣ отражается все, что дѣлаетъ или испытываетъ наше тѣло, такъ Богъ знаетъ и ощущаетъ—конечно, значительно болѣе совершеннымъ и яснымъ образомъ—все, что происходит во всей вселенной и въ отдельныхъ духахъ и въ ихъ взаимоотношенияхъ. Все одухотворено, такъ какъ Богъ живетъ во всемъ; небесный свѣтила и растенія тоже одухотворены. Цвѣтокъ, растущій на зеленомъ лугу, ощущаетъ свой ароматъ и красоту, хотя онъ мыслить такъ же мало, какъ и грудной ребенокъ. Миръ, находящійся въ ощущающаго и представляющаго существа, не темень и не нѣмъ. Звукъ—это не просто ощущеніе слышащаго человѣка, свѣтъ—это не просто впечатлѣніе видящаго, но оба они существуютъ въ дѣйствительности, распространяются вокругъ насъ.

И подобно тому, какъ Богъ и миръ не являются двумя противоположностями, такъ и наша земная жизнь не отдѣлена отъ загробной непереходимою пропастью. Наша земная жизнь относится къ загробной, какъ созерцаніе къ воспоминанію. Первое является предпосылкой послѣдняго и продолжаетъ въ немъ существовать дальше. Такъ и наша земная жизнь есть лишь подготовка къ "загробной" жизни, которая предстаетъ собою продолженіе и высшее развитіе земного существованія.—Зло, существующее въ мірѣ, Фехнеръ считаетъ безусловно необходимымъ, такъ какъ оно является побудительной причиной всякой дѣятельности: безъ зла нѣтъ труда, нѣтъ прогресса.

Фехнеръ и самъ не думаетъ, что высказанныя имъ мысли о Богѣ и загробной жизни доказаны; онъ говоритъ, что "въ этихъ вещахъ, вообще, ничего не поддается доказательству".

Главные сочиненія Фехнера: „Nanna oder über das Seelenleben der Pflanzen“ („Нанна, или о духовной жизни растеній“), „Zendavesta oder

über die Dinge des Himmels und des Jenseits“ („Зендавеста, или о небесныхъ и потустороннихъ вещахъ). Его „Психофизики“ („Psychophysik“) мы здѣсь не касались.

7. Лотце.

Германъ Лотце (1817—1881) воспринялъ въ свою философию идеи Спинозы и Лейбница, которая легко можно обнаружить при изложении его мировоззрѣнія: Все, что дѣйствительно, — находится во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Но находится во взаимныхъ отношеніяхъ — это значитъ оказывать другъ на друга дѣйствие. Взаимное же дѣйствие вещей другъ на друга возможно только тогда, когда каждая вещь не существуетъ вполнѣ самостоятельно сама для себя, не является совершенно независимой; дѣло въ томъ, что между двумя совершенно отдѣленными другъ отъ друга вещами не могутъ существовать никакія отношенія; взаимное воздействиѣ между ними возможно только тогда, когда все онѣ, являясь каждая въ отдѣльности конечной единицей (*Einzelheit*), представляютъ собою части единой, всеобъемлющей, бесконечной субстанціи. Отдѣльные вещи являются лишь состояніями этой бесконечной (абсолютной) субстанціи, и на нихъ эта бесконечная субстанція оказываетъ свое влияніе (ср. Спиноза). Вирочемъ, Лотце самъ сознаетъ, что этимъ онъ еще не объяснилъ того, какимъ образомъ вообще совершается внутри единой, бесконечной субстанціи дѣйствіе ея на отдѣльные части.

Но эти части или состоянія бесконечной субстанціи, кажущіяся намъ постоянными и устойчивыми, являются, по мнѣнію Лотце, дѣйствительно чувствующими духовными сущностями, монадами (ср. выше Лейбница), которые обладаютъ духовностью въ различной степени. Все реальное должно быть духовнымъ. Поэтому, между тѣломъ и душою существуетъ такое же взаимное дѣйствіе, какое наблюдается между вещами. — Наше познаніе тоже поконится на взаимодѣйствії: мы воспринимаемъ впечатлѣнія извѣнѣ въ томъ видѣ, какъ они исходить отъ вещей выѣ нась: наша собственная природа отвѣчаетъ на испытываемое ею воздействиѣ и, такимъ образомъ, накладываетъ на эти впечатлѣнія свой отпечатокъ. Поэтому то мы познаемъ вещи не такими, какъ онѣ суть, а такими, какъ онѣ памъ представляются. — Тому, что Лотце призналъ за бесконечную субстанцію, онъ далъ въ своей философиї религіи имя Бога. Но Богъ для него есть личность. „Наша душа стремится познать, какъ дѣйствительность, то высшее, о чёмъ позволено ей имѣть неясное предчувствіе, и только на личномъ существованіи его можетъ успокоиться ея стремленіе“.

8. Конть.

Огюстъ Конть родился въ 1798 году въ Монпелье, изучалъ математику, съ 1816 года жилъ въ Парижѣ, гдѣ, вслѣдствіе усиленныхъ умственныхъ занятій, у него появились признаки психического разстройства, и онъ былъ вынужденъ пробыть довольно долгое время въ домѣ для умалишенныхъ. Послѣ своего выздоровленія онъ въ 1833 году занялъ место профессора, но вскорѣ долженъ былъ прекратить свои лекціи, такъ какъ его „безиравнственный материализмъ“ возбудилъ противъ него недовольство правительства. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ на средства своихъ учениковъ и состоятельныхъ приверженцевъ его теоріи и умеръ въ 1857 году. Его главное сочиненіе: „Cours de la philosophie positive“

(„Курсъ положительной философии“).—Философія Контя исходить изъ того, что нашему познанию доступенъ лишь вѣшний міръ, т. е. явленія и отношенія, вѣ которыхъ они находятся другъ къ другу. Эти отношенія явленій другъ къ другу должны быть вскрыты наблюденіемъ; но для того, чтобы эти наблюденія были цѣны и плодотворны, ихъ надо привести въ научную связь и вывести изъ нихъ законы.

Объясненіе самихъ законовъ природы переходитъ, по мнѣнію Контя, тѣ границы, которыя поставлены человѣческому знанію. Поэтому, мы ничего не можемъ знать о началѣ міра, о возникновеніи въ концѣ вселенной, о существованіи Бога; лишь то, что доступно нашимъ чувствамъ, можетъ быть предметомъ изслѣдованія.

Огюстъ Контъ.

Свое содержаніе „позитивная философія“ должна черпать изъ отдельныхъ наукъ, смотря по степени ихъ настоящаго развитія. Задачей позитивной философіи является установление связи между этими науками, къ числу которыхъ Контъ относить математику, астрономію, физику, химію, биологію и соціологію. Главное значение „позитивизма“ (т. е. того міросозерцанія, представителемъ котораго является Контъ) лежитъ въ соціологии, ученіи о человѣческомъ обществѣ.—Каждый отдельный человѣкъ—это продуктъ окружающей его среды,—общества. Поэтому

каждый индивидъ долженъ предоставить себя въ распоряженіе общества, такъ какъ отдѣленіе индивида отъ общества означало бы для первого полную духовную гибель. Съ другой стороны, принадлежность къ обществу даетъ ему возможность высшаго усовершенствованія, т. е. ведеть его по пути прогресса. Важнѣйшимъ факторомъ въ развитіи человѣчества является развитіе разума. Въ своемъ политическомъ развитіи люди должны пройти три ступени: военную, юридическую и промышленную; ни одна изъ нихъ не была бы возможна безъ предыдущей. Въ настоящее время мы находимся на промышленной ступени развитія, и потому руководство государственнымъ организмомъ должно находиться въ рукахъ банкировъ и капиталистовъ.—По мнѣнію Канта, нравственность заключается въ чувствѣ взаимной принадлежности къ цѣлому и въ заботѣ о благѣ ближняго.

9. Матеріализмъ. Бюхнеръ. Дарвинъ. Геккель.

Матеріализмъ девятнадцатаго столѣтія былъ вызванъ къ жизни двумя противоположными направлѣніями умственной жизни: съ одной стороны, философіей послѣдователей Гегеля и Шеллинга, покинувшей почву дѣйствительности и всецѣло обратившейся къ сверхчувственному миру, а съ другой—шедшимъ гигантскими шагами впередъ естество-зnanіемъ, достигшимъ такихъ успѣховъ, о какихъ никто не могъ и мечтать. Естество-зnanіе, бывшее до сихъ поръ вѣрной сподвижницей философіи, сдѣжалось постепенно самостоятельнымъ и отдѣлилось отъ философіи; и въ то время, когда казалось, что философія сыграла свою роль и не имѣть уже больше будущаго, которое было бы достойно ея великаго прошедшаго, молодое естество-зnanіе гордо подняло свою голову и, основываясь на своихъ безусловно великихъ завоеваніяхъ, заявило свои права на то выдающееся мѣсто среди наукъ, какое занимала до сихъ поръ философія.—Поэтому неудивительно, что число лицъ, презрительно относившихся къ философіи, постоянно возрастило, и что тѣ изъ нихъ, которые были разочарованы въ философіи, обратились къ естество-зnanію, возлагая на него всѣ свои надежды.

Конечно, вскорѣ появились и такие люди, которые требовали отъ этой науки больше, чѣмъ она была въ состояніи дать. Одно естество-зnanіе не могло решить, какъ это думали некоторые матеріалисты, великия „мировые загадки“ о происхожденіи мира, о возможности познанія, о сущности вещей, о началѣ движенія, о свободѣ воли и т. д.—Слѣдъ, который шелъ вокругъ матеріализма, почти окончательно разрѣшилъ наукой, и развѣ только среди профановъ можно встрѣтить теперь приверженцевъ матеріалистического міровоззрѣнія. Это объясняется удобо-понятностью матеріалистическихъ учений и общимъ направленіемъ духа времени *). *Л. Бюхнеръ* въ своей книгѣ „Сила и матерія“, выдержанвшей

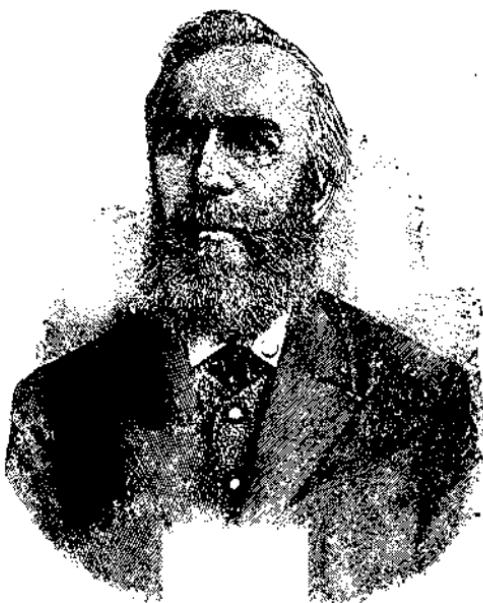
*) Оставляя общую тенденцію изложенія матеріализма всецѣло на отвѣтственности автора-идеалиста, мы хотимъ сдѣлать только одно замѣченіе фактическаго характера. Утвержденіе автора о полномъ научномъ пораженіи матеріализма, вѣрно лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ объ официальной философіи, къ слову сказать, всегда чуравшейся всякаго матеріализма. Что же касается естество-зnanія, то оно, за немногими исключеніями, прямо таки проникнуто духомъ матеріализма, хотя верѣдко и безсознательно. То же вѣрно и относительно общественныхъ наукъ, где матеріалистическое учение Маркса одерживаетъ триумфъ даже въ трудахъ тѣхъ ученыхъ, которые официально не разъ выступали разрушителями марксизма.

много изданий, популярно изложилъ идеи материализма и способствовалъ распространенію ихъ.

Материалисты учатъ, что все сущее—матеріально, что все происходящее—это движение матеріальныхъ частицъ, что духъ не представляетъ собою чеого-либо существенно отличнаго отъ матеріи. Духъ они считаютъ или просто тѣломъ, отождествляя его съ мозгомъ, или особымъ видомъ физическихъ процессовъ. Сознаніе, ощущеніе, мышленіе—это, по ихъ мнѣнію, не что иное, какъ движение въ мозгу, процессъ, происходящій въ нервахъ.—Сущностью матеріи является движение, сила. „Нѣть матеріи безъ силы, и нѣть силы безъ матеріи“—вотъ главное положеніе материалистовъ. Но наука, какъ мы сказали, отвергла материализмъ, такъ какъ онъ страдаетъ многими противорѣчіями, рѣзко бросающимися въ глаза: материализмъ ставить духовныя способности въ зависимость отъ физическихъ органовъ. Но вѣдь результатомъ дѣйствія матеріи могутъ быть только матеріальные процессы, а не духовные! Какимъ образомъ изъ движений матеріи, изъ толчка и давленія могутъ образоваться мысли? Могутъ ли такія чувства, какъ уваженіе, материнская любовь, ненависть, вѣриность, любовь къ отчизнѣ и т. д., могутъ ли такія идеи, какъ Богъ, отечество и свобода быть дѣйствительно лишь результатами движений нервныхъ и мышечныхъ волоконъ?—Съ другой стороны, и матерія можетъ быть познана лишь посредствомъ духовныхъ процессовъ, воспріятій, при чемъ мы не можемъ познать матерію, какъ таковую, а лишь ея свойства и проявленія силы.

Сочиненіе *Дарвина*, „Происхожденіе видовъ“ явилось основой міропознанія философовъ материализма, которые называютъ себя также натуръ-философами и стремятся къ построению цѣльного воззрѣнія на природу. Въ этомъ сочиненіи Чарлзъ *Дарвинъ* (1809—1882) говоритъ, что природа не преслѣдуется какои-либо цѣли. Но вслѣдствіе естественного подбора (скрещивание наиболѣе красивыхъ и наиболѣе сильныхъ экземпляровъ, результатомъ чего является болѣе совершенное поколѣніе) и борьбы за существованіе, въ которой гибнутъ слабые, нежизнеспособные, бесполезные и нецѣлесообразно организованные индивиды, въ природѣ наблюдалася цѣлесообразность, которая создалась, но не была *предначертана* заранѣе. Въ природѣ все происходитъ механически; человѣкъ тоже образовался механически и включенъ въ рядъ естественнаго развитія (подборъ, борьба за существованіе, способность приспособленія).

Изъ приверженцевъ *Дарвина*, построившихъ свои философскія си-

Эрнстъ Геккель.

существованіе, способность приспособленія.

стемы на теорії этого великаго естествоиспытателя, самымъ выдающимся и известнымъ является живущій въ Генѣ профессоръ Эрнстъ Геккель (род. въ 1834 году въ Потсдамѣ). Его интересующія настъ здѣсь сочиненія озаглавлены: „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ („Естественная история мірозданія“) и „Welträtsel“ („Мировыя загадки“). Онъ учитъ, что весь, доступный нашему познанію міръ представляетъ собою единое цѣлое, и что сила и матерія—это элементы всего сущаго. Образование и гибель всіхъ основаны лишь на томъ, что онъ измѣняютъ свою форму и свойства: матерія и сила безконечны и вѣчны, и ихъ количество не уменьшается и не увеличивается. Міръ—это вѣчное развитие. Въ области психики, какъ и во всякомъ другомъ процессѣ природы, происходитъ лишь материальное измѣненіе нервной субстанціи, вызывающее духовные процессы. Сила и матерія тѣсно связаны другъ съ другомъ: нѣть силы безъ матеріи и нѣть матеріи безъ силы. Геккель решительно отрицааетъ существованіе Бога, какъ личности, и личное бессмертие. „Богомъ“, говорить онъ, „можно назвать безконечную сумму всѣхъ силъ природы, сумму всѣхъ силъ атомовъ и всѣхъ колебаний энера“. Міръ и Богъ тождественны.

Человѣкъ—это „соціальное позвоночное животное“, которое имѣть обязательства какъ по отношенію къ себѣ, такъ и по отношенію къ обществу. Человѣкъ можетъ жить только въ обществѣ; сохранивая и поддерживая общество, онъ въ то же время живеть самъ. Поэтому, любовь къ самому себѣ и любовь къ ближнему является заповѣдью самосохраненія, природнымъ инстинктомъ; она необходима и имѣть полное право на существованіе. „Золотой правственный законъ“ заключается въ заповѣди: люби ближняго твоего, какъ самого себя.

Фридрихъ Ницше.

послѣдовавшей въ 1900 году, заботливо ухаживала его сестра Елизавета Фёрстеръ. Его главныя сочиненія: „Menschliches, Allzumenschliches“

10. Ницше.

Фридрихъ Ницше родился въ 1844 году въ Реккенѣ близъ Люцена. Прежде чѣмъ онъ сдалъ экзаменъ по классической филологіи въ университетѣ, онъ былъ назначенъ профессоромъ филологии въ Базель. Но лишь въ теченіе девяти лѣтъ онъ могъ занимать это мѣсто. Вслѣдствіе нервной болѣзни, сопряженной съ тяжкими головными болями, онъ вынужденъ былъ уѣхать на югъ. Но его болѣзнь быстро прогрессировала, и въ 1889 году онъ заболѣлъ неизлѣчимой психической болѣзнью. Онъ былъ перевезенъ въ Веймаръ, гдѣ за нимъ до самой его смерти,

(„Человѣческое, слишкомъ человѣческое), „Also sprach Zarathustra“ („Такъ говорилъ Заратустра“), „Jenseits von Gut und Böse“ („По ту сторону добра и зла“), „Götzendämmerung, oder wie man mit dem Hamme philosophiert“ („Сумерки кумировъ“).

Філософія Ницше не приведена въ какую-либо систему. Ницше не навидѣлъ это приведеніе въ систему и считалъ его чѣмъ-то нечестнымъ, такъ какъ жизнь и ученіе філософа часто рѣзко отличаются другъ отъ друга. Ницше стремился больше къ тому, чтобы преобразовать міръ, чѣмъ понять его опредѣленнымъ образомъ. Онъ чувствуетъ себя по отношенію къ міру, не какъ холодный наблюдатель, а какъ его законодатель. Эта мысль встрѣчается во всѣхъ его сочиненіяхъ, но рѣзче всего она выражена въ его книгѣ „Такъ говорилъ Заратустра“. „Какую цѣль имѣть ваша жизнь помимо чисто животнаго поддержанія ея? Какую цѣль ставить себѣ ваша культура?“ Вотъ—вопросъ, задаваемый Ницше людямъ, вопросъ совѣсти, имѣющій огромное значеніе. Самъ Ницше отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующими словами, которыя, въ извѣстной степени, являются его філософской программой: „Цѣль человѣчества не въ далекомъ концѣ, а въ высшихъ его представителяхъ! Чтобы постоянно нарождался и могъ жить среди васъ великий человѣкъ: вотъ смысьль вашихъ земныхъ страданій. Чтобы всегда были люди, которые возвышали бы васъ до себя, которые лишали бы васъ чувства сиротливости, которые вовлекали бы васъ въ свои задачи и цѣли, которые вносили бы въ ваши головы и сердца новую жизнь, новый полетъ: вотъ изъ-за чего вамъ стоитъ жить! Только появленіе по временамъ такихъ людей оправдываетъ ваше существованіе! Безъ нихъ ваше существованіе было бы пустымъ; но и ихъ существованіе безъ содѣйствія родственнымъ духомъ было бы тоже почти безполезнымъ. И вотъ въ этомъ исходной точка для вашихъ обязанностей по отношенію къ истинной культурѣ. Вѣдь, вы же знаете, знаете слишкомъ хорошо, что всякий великий человѣкъ (имѣю потому, что онъ не ничтожень) имѣть противъ себя все, что ничтожно, что погрязло въ традиціяхъ, всѣхъ, кто недостаточно одаренъ и силенъ для того, чтобы переучиться. Обыкновенно при своемъ появленіи великое противорѣчить даже своимъ предшественникамъ. Великое вначалѣ есть какъ бы „преступленіе“. Всѣ учрежденія—научныя, художественныя, политическія, религіозныя—ни въ коемъ случаѣ не способствуютъ появленію исключительныхъ личностей: скорѣе всѣ они стремятся достигнуть нормального, посредственности. Появляется новаторъ, . . . гений—тогда люди всѣхъ учрежденій проклинаютъ его. Только медленно, окольнымъ путемъ, благодаря постепенно увеличивающемуся числу сторонниковъ, гений проникаетъ также и въ эти учрежденія. Они должны быть консервативны, эти учрежденія, такъ какъ въ мірѣ должны имѣться упорно отставшая силы, соответствіемъ неспособностямъ и способностямъ людей, не могущихъ развиваться далѣе, следовательно, соответственно большинству людей. Но для того, чтобы жизнь народовъ не застыла, или чтобы она не завязла въ тоцкомъ болотѣ низости, должны всегда снова появляться великія исключенія. И если вы сами не являетесь большими исключеніями, то будьте, по крайней мѣрѣ, малыми, сохраняйте на землѣ священный огонь, изъ которого могъ бы появиться гений, храните въ себѣ стремленіе къ нему, тотъ духъ, съ которымъ онъ жаждеть встрѣтиться при своемъ появленіи—чтобы онъ, прида, подобно большой волнѣ, могъ увлечь васъ, и подняться самъ на еще большую высоту, чѣмъ высота, на какую онъ могъ бы подняться одинъ! Тѣмъ самымъ принимайте участіе въ созданіи

сверхъ-человѣка, тѣмъ самыи пріобщайтесь къ высшей культурѣ, тѣмъ са-
мыи спасайте человѣчество отъ вырожденія, отъ равенства, отъ скудости,
глупости и всего отвратительнаго!» Сверхъ-человѣкъ—не является че-
ловѣкомъ, происшедшемъ естественнымъ путемъ; онъ—символъ, идеалъ
всего человѣчества, подобно понятію „Богъ“. Поэтому каждый отдѣльный
человѣкъ можетъ лишь принимать участіе въ созданіи сверхъ-человѣка,
но онъ не можетъ быть сверхъ-человѣкомъ.

„Добро“ и „зло“—это способы оцѣнки, противоположные другъ
другу въ зависимости отъ той точки зреінія, на которую становится вы-
сказывающій сужденіе человѣкъ. Ницше различаетъ *мораль рабовъ* и
мораль господъ: бѣдный, незначительный въ духовномъ оташеніи счи-
тается великаго злымъ—себя самого хорошимъ. Великий, въ свою оче-
редь, считаетъ себя хорошимъ, а незначительного человѣка плохимъ;
первый проповѣдуетъ мораль рабовъ, второй—мораль господъ; въ этомъ
и заключается «переоцѣнка цѣнностей».

Почему Ницше влагаетъ свое ученіе въ уста именно Заратустры—
это онъ объясняетъ такъ: „Меня не спрашивали, но меня должны были
спросить, что за личность для меня Заратустра, что означаетъ для меня
это имя; для меня цѣнны въ немъ черты, какъ разъ противоположныя
тѣмъ, благодаря которымъ этотъ персъ является единственнымъ въ
исторіи. Въ борьбѣ добра и зла Заратустра увидѣть истинную пру-
жину мірового процесса . . . . Но такой вопросъ былъ бы уже
и отвѣтъ. Заратустра создалъ эту наиболѣе роковую ошибку, мораль.
Слѣдовательно, онъ первый долженъ *сознать* ее. Онъ долженъ сознать
ее не только потому, что онъ имѣть больше опыта и знанія, чѣмъ
какой-либо другой мыслитель, важнѣе то, что Заратустра правдивѣе
всякаго другого мыслителя. Его ученіе, и только оно одно, ставить прав-
дивость высшей добродѣтелью . . . . Заратустра болѣе отваженъ, чѣмъ
всѣ мыслители, взятые вмѣстѣ. Говорить правду и хорошо владѣть лу-
комъ и стрѣлами—вотъ персидская добродѣтель. Понимаете-ли вы меня?
. . . . Самопреодѣленіе морали, благодаря чувству истины, самопре-
одолѣніе моралиста въ его противоположность—въ менѣ:—вотъ что озна-
чаетъ въ моихъ устахъ имя „Заратустра“.

Ниже мы приводимъ наиболѣе выдающіяся мѣста изъ послѣдняго
произведенія Ницше: «Такъ говорилъ Заратустра». Словами «Такъ го-
ворилъ Заратустра» озаглавленъ цѣлый рядъ отчасти болѣе длинныхъ,
отчасти болѣе короткихъ рѣчей или, лучше сказать, проповѣдей, кото-
рыя Ницше вкладываетъ въ уста персидскому мыслителю. Стиль „За-
ратустры“ подражаетъ языку Нового Завѣта и отличается удивительной
красотою. Приведенные мѣста взяты изъ различныхъ рѣчей Заратустры
и сопоставлены такъ, чтобы они составили по возможности связное
щѣлое *).

*) Заратустра, наз. также Зороастръ, является основателемъ иранской
религіи. Преданіе гласитъ, что онъ былъ королевской крови и передъ тѣмъ,
какъ стать пророкомъ, подвергалъ себя самыи ужаснымъ бичеваніямъ. За-
ратустра—это посредникъ между божествомъ и человѣчествомъ, это пророкъ,
который спрашиваетъ Ахуръ-Мазду (верховное божество персовъ) о всѣхъ
главныхъ пунктахъ религіи, а затѣмъ передаетъ людямъ полученный имъ
свѣдѣнія. Цания о времени, когда жилъ Заратустра, очень разнорѣчивы;
одни указываютъ на 600 г. до Р. Х., другія—1200, а третіи—даже 1700 г. по
Р. Х. Одинъ источникъ разсказываетъ даже, что Заратустра жилъ окс
6200 г. до Р. Х.

«Я учу васъ о сверхъ-человѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто, что надлежитъ преодолѣть. Что сдѣлали вы, чтобы преодолѣть его?»

Всѣ существа до сихъ поръ создавали нѣчто, что выше ихъ, а вы хотите стать отливомъ этой великой волны и скорѣе вернуться къ землѣ, чѣмъ преодолѣть человѣка?

Что такое обезьяна въ отношеніи человѣка? Постмѣшище или мучительный позоръ. И тѣмъ же самымъ долженъ быть человѣкъ для сверхъ-человѣка: постмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ.

Вы совершили путь отъ червя до человѣка, но многое въ васъ осталось еще отъ червя. Нѣкогда были вы обезьянами, и даже теперь еще человѣкъ больше обезьяны, чѣмъ иная изъ обезьянъ.

Сверхъ-человѣкъ—смысль земли. Пусть воля ваша скажетъ: да будетъ сверхъ-человѣкъ смысломъ земли.

Заклинаю васъ, братья мои, оставайтесь вѣрны землѣ и не вѣрьте тѣмъ, кто говорить вамъ о надземныхъ надеждахъ! Они—отравители, все равно, знаютъ ли они это, или нѣтъ.

Они презираютъ жизнь; это умирающіе и сами себя отравившіе, отъ которыхъ устала земля: да погибнутъ они!

Въ чѣмъ то высокое, что можете вы пережить? Оно—часть великаго прерѣнія къ себѣ. Таковъ именно часъ, когда ваше счастье становится для васъ отвратительнымъ такъ же, какъ вашъ разумъ и ваша добродѣтель.

Не грѣхъ вашъ—ваше довольство вопіеть къ небу, ничтожество грѣховъ вашихъ вопіеть къ небу.

Рождается многое множество людей: для лишнихъ людей было изобрѣтено государство. Посмотрите, какъ оно привлекаетъ къ себѣ этихъ лишнихъ людей! Какъ жадно проглатывается оно имъ и жуетъ и пережевываетъ!..

Тамъ, гдѣ оканчивается государство, начинается впервые человѣкъ, который не есть лишній...

Туда, гдѣ оканчивается государство,—туда смотрите, братья мои! Развѣ вы не видите радужное небо и мостъ, ведущій къ сверхъ-человѣку?

Гдѣ оканчивается уединеніе, тамъ начинается базарь, а гдѣ начинается базарь, начинается и шумъ великихъ актеровъ и жужжаніе ядовитыхъ мухъ.

Все великое уходитъ въ сторону отъ базаровъ и славы: въ сторону отъ базаровъ и славы издавна жили изобрѣтатели новыхъ цѣнностей.

Мой другъ, бѣги въ свое уединеніе: я вижу тебя искусаннымъ ядовитыми мухами.

Бѣги въ свое уединеніе! Ты жилъ слишкомъ близко къ маленькимъ, жалкимъ людямъ! . . .

Умерли всѣ боги: теперь мы хотимъ, чтобы жиль сверхъ-человѣкъ.—Такова должна быть въ великий полдень наша послѣдняя воля!

Нѣкогда говорили богъ, когда смотрѣли на дальня моря; по теперь училъ я васъ говорить: сверхъ-человѣкъ.

Богъ есть предположеніе, но я хочу, чтобы предположеніе ваше простидалось не дальше, чѣмъ ваша созидающая воля.

Могли бы мы создать бога?—Такъ не говорите же мнѣ о богахъ вообще! Но вы несомнѣнно могли бы создать сверхъ-человѣка.

Быть можетъ, не вы сами, братья мои! Но вы могли бы пересоззать

себя въ отцовъ и прадѣдовъ сверхъ-человѣка: и пусть это будетъ вашимъ лучшимъ созданіемъ!

Но я хочу совсѣмъ открыть вамъ сердце свое, друзья мои: если бы существовали боги, какъ удержался бы я, чтобы не быть богомъ! Слѣдовательно, нѣть боговъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, человѣкъ слишкомъ мало радовался: одно лишь это, братья мои, нашъ наслѣдственный грѣхъ!

И если бы мы научились больше радоваться, то разучились бы обижать другихъ и выдумывать скорби.

Поэтому умываю я себѣ руки, помогавшія страждущему, поэтому умываю я себѣ и душу.

Увидѣвъ страждущаго, я стыдился его изъ-за его же стыда; и когда я помогалъ ему, я прохаживался бежалостно по гордости его...

Но нищихъ слѣдовало бы совсѣмъ уничтожить! Поистинѣ, сердишься, когда даешь имъ, и сердишься, когда не даешь имъ. . . .

«Человѣкъ золь»—такъ говорили мнѣ въ убѣщеніе всѣ мудрецы. Ахъ, если бы это и теперь было правдой! Ибо зло есть лучшая сила въ человѣкѣ!

«Человѣкъ долженъ стать лучше и злѣе»—такъ учу я. Величайшее зло необходимо для величайшаго блага сверхъ-человѣка.

Для проповѣдника маленькихъ людей могло быть благомъ страдать въ нести грѣхи людей. Но я радуюсь великому грѣху, какъ великому убѣщенію своему». (Пер. Ю. Антоновскаго).

11. Гартманнъ.

Эдуардъ фонъ-Гартманнъ родился въ 1842 году въ Берлинѣ. Вначалѣ онъ избралъ себѣ военную карьеру, но черезъ нѣкоторое время долженъ былъ оставить службу изъ-за хронической болѣзни ноги, мѣшавшей выполненію его служебныхъ обязанностей. Тогда онъ посвящаетъ себя изученію естествознанія и философіи и затѣмъ ведетъ теперь жизнь частнаго ученаго и писателя *). Его главныя сочиненія: «Philosophie des Unbewussten» («Философія безсознательного»), «Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins» («Феноменологія нравственнаго сознанія») и «Das religiöse Bewusstsein der Menschheit im Stufengang seiner Entwicklung» («Религіозное сознаніе человѣчества въ его постепенномъ развитіи»).

Вотъ, въ краткихъ чертахъ теорія Гартманна: Многочисленныя явленія доказываютъ намъ, что мы очень многое въ жизни дѣлаемъ безсознательно. Если мы безсознательно подымаемъ руку, чтобы защитить себя отъ угрожающаго намъ нападенія; если мы безсознательно закрываемъ глазъ, чтобы защитить его или заснуть; если помимо нашего содѣйствія и вѣдѣнія, сами собою заживаются раны и поврежденія на нашемъ тѣлѣ; если мы испытываемъ стыдъ за сдѣянія нами нехорошій поступокъ или чувствуемъ отвращеніе къ кушаньямъ и т. п.; если отправленія нашего собственнаго организма, какъ, напримѣръ, кровообращеніе, пищевареніе и т. п., совершаются крайне цѣлесообразно, но все же вполнѣ безсознательно, — то въ основѣ всѣхъ этихъ явленій лежитъ нѣчто безсознательное, дѣйствующее въ высшей степени цѣлесообразно. Это безсознательное, проявляющееся повсюду въ мірѣ, есть

*.) Умеръ въ 1906 году.

основа всего бытия, „абсолютное“, первичная сущность. Въ этой безсознательной первичной сущности таятся всѣ законы природы, всѣ вещи и событія. Въ противоположность человѣческому ограниченному сознанію, которое сознаетъ себя только вслѣдствіе того, что воспринимаетъ что-либо, не являющееся имъ самимъ,—первичная сущность *неограниченна*; у нея нѣтъ ничего въ себѣ (такъ какъ все заключается въ ней самой); поэтому у нея не можетъ быть и сознанія, поэтому она должна быть *бессознательной*.—Существенными свойствами своего бессознательного Гартманий считаетъ *волю* и *представленіе*; міръ, по его мнѣнію, произошелъ въ результате „первичнаго случая“, когда слѣпая, „глупая“ воля пробуждается къ жизни и притягивается къ себѣ идею (представленіе), а послѣдняя, съ своей стороны, наполняетъ „голодную волю“ такъ-какъ содержаніемъ, которое сообщаетъ цѣлому въ любой моментъ наиболѣшее состояніе.—Такимъ образомъ, лишенная разума воля порождаетъ міръ и вещи, а идея дѣлаетъ ихъ цѣлесообразными. Безъ воли представленіе никогда не смогло бы стать дѣйствительностью, но слѣпая, неразумная воля никогда не могла бы безъ разумнаго, преслѣдующаго цѣль представленія стать опредѣленнымъ хотѣніемъ, а осталась бы лишь на ступени инстинкта.

Гартманий тоже пессимистъ. „Міръ—есть лучшій изъ возможныхъ міровъ, но онъ хуже, чѣмъ никакой; его небытіе было бы лучше, чѣмъ его бытіе.—Дѣло въ томъ, что даже при самыхъ благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ индивидъ никогда не сможетъ достигнуть того, чтобы удовольствія было больше, чѣмъ неудовольствія“. „Единственное, на что можно надѣяться, такъ это—*не на возможно болѣшее счастье, а на возможно менѣшее несчастіе*. Слѣдовательно, результатомъ индивидуальной жизни является необходимость отрѣшиваться отъ всего, или, какъ говорить премудрый Соломонъ, „все пусто и тщетно, т. е. *ничтожно*“. Гартманий отрицаєтъ бессмертіе душъ. „Индивидъ—это лишь *явление* абсолютного; если же это проявленіе прекращается вмѣстѣ со смертью, то оставшееся уже больше не индивидъ, а абсолютное въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть и было прежде чѣмъ проявиться въ индивидѣ“. Но это не надо считать зломъ. „Развѣ я обѣщаю вамъ зло? Нѣтъ, такъ какъ вы должны признать, что небытіе не есть зло. И если правда, что настоящее бытіе есть зло, а то, что я обѣщаю вамъ не есть зло, то вѣдь, этимъ я утѣшаю васъ; я утѣшаю ваше *бытие* обѣщаннымъ *небытіемъ*: бытіе нуждается въ утѣшении, а *небытіе* не нуждается въ немъ. Обладая бытіемъ, вы нуждаетесь въ утѣшении, и мое ученіе даетъ вамъ это утѣшеніе,—поэтому вы не можете считать его безутѣшнымъ; а перейдя въ *небытіе*,—вы тѣмъ менѣе найдете его безутѣшнымъ“...—„Кто громче и неустанные всѣхъ кричить о сохраненіи своей драгоцѣнной индивидуальности? Не государственный мужъ, о дѣлахъ котораго вы читаете въ книгахъ исторіи, а филистеръ, па могильномъ камѣ котораго написано: „Родился, женился и умеръ“, и который похожъ на своихъ братьевъ, какъ одно яйцо на другое. Присмотритесь къ окружающей васъ жизни: большинство тѣхъ людей, которые дѣйствительно что-либо сдѣлали, которые имѣютъ право съ удовлетвореніемъ оглянуться на пройденный ими жизненный путь,—именно они стремятся отдохнуть послѣ работы, стремятся къ вѣчному сну, когда они смогутъ вернуть въ лено природы свою душу, врученню имъ въ видѣ залога; во какъ разъ тѣ дюжинные люди, которые никогда не имѣли случая или не были въ состояніи создать что-либо дѣльное, положительное, послѣ чего они имѣли бы право чувствовать

вать себя усталыми, которые, увлекшись мелкими повседневными интересами, даже ни разу не замѣтили своего ничтожества,—какъ разъ такие люди кричать объ этой вполнѣ заслуженной индивидуальной усталости, какъ объ измѣнѣ самому святому и даже не предчувствуютъ всего ужаса индивидуального бессмертія. Даже жизнь въ теченіе несколькихъ столѣтій должна была бы оказаться веноносильнымъ бременемъ для индивидуального сознанія, одаренного обычной способностью пониманія и выносливостью,—оно рухнуло бы подъ этой тяжестью!“ Вѣра въ бессмертіе является и лишней для сторонника пессимистического міровоззрѣнія, такъ какъ жизнь для него не обладаетъ такой цѣнностью, чтобы она хотѣла видѣть ее продолженной за естественные ея предѣлы.—Но такъ какъ неразумная воля сдѣлала уже однажды ошибку, воплотившись въ жизнь и дѣйствительность, то цѣль развитія можетъ быть лишь такова: повернуть колесо мірового развитія назадъ и освободить волю отъ ея гибельного воплощенія. Поэтому всякий прѣзвѣтный человѣкъ долженъ помочь этому самоосвобожденію міровой воли. „Только вполнѣ отдавшись жизни и ея страданіямъ, а не трусливо отдалившись отъ нея, человѣкъ сможетънести свою лепту въ дѣло мірового процесса“. Мы должны поэтому преодолѣвать эгоизмъ, любовь къ себѣ сознаніемъ того, что все человѣчество обременено муками существованія, и что освобожденія отъ страданій можно ожидать только тогда, когда всѣми будетъ признана бесплодность погони за счастьемъ; только тогда сознаніе общности будетъ настолько сильно, что оно приведетъ къ цѣли безсознательного—сдѣлать волю снова бездѣятельной и темъ самымъ положить конецъ существованію дѣйствительности.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Словарь философскихъ терминовъ.

А.

„**A** есть **A**“—въ логикѣ формула, выражающая одинъ изъ законовъ мысленія—законъ тождества (*lex identitatis*). Законъ констатируетъ тотъ фактъ, что всякая мысль съ опредѣленнымъ содержаніемъ всегда отождествляется нашимъ мысленіемъ сама собой, сколько-бы разъ и въ какихъ комбинаціяхъ она намъ ни переживалась.

Ab esse ad posse valet, a posse ad esse non valet consequentia (лат.)—правило логики, по которому можно умозаключать отъ дѣйствительного къ возможному, но не наоборотъ.

Абсолютный (отъ лат. *absolvere*—освобождать, отрѣшать)—освобожденный, отрѣшенный отъ какихъ-либо условій. Въ зависимости отъ этихъ условій устанавливается значеніе слова. 1) А.—освобожденный отъ связи съ чѣмъ-либо (противопол.—*относительный*);

2) А.—число а, взятое въ связи съ математическими операциими наз. абсолютнымъ,—въ связи съ иными, какъ (+а) или (—а),—относительнымъ. 3) А.—отрѣшенный отъ извѣстныхъ условій (противопол.—*гипотетический*). Напр., абсолютная истина—истина, не зависящая отъ условій, безусловная. 4) А.—освобожденный отъ всякой зависимости и ограниченія (противопол.—*ограниченный, зависимый*). Напр., абсолютная воля, абсолютная власть. 5) А.—независимый отъ ощущенія (противопол.—*эмпирический*); таково въ геометріи чистое, неподважное пространство. 6) А.—независимый отъ времени и пространства—въ философіи обозначаетъ то, что существуетъ въ себѣ, а не въ другомъ или съ другимъ. 6) А.—свободный отъ всякихъ субъективныхъ примѣсей; А. вещь, вещь въ себѣ — составляетъ противоположность *явленію*, т. е. вещи, отнесенной къ субъекту. 7) А.—отрѣ-

шенный отъ всякихъ пространственныхъ и временныхъ границъ, отъ *всего земного вообще*. Въ этомъ смыслѣ А. со-ставляетъ противоположность *конечному переходящему, земному* и употреб-ляется для обозначенія *первоосновы всѣхъ явлений, вѣчного, безконечнаго*. Въ различныхъ философскихъ системахъ *абсолютное* въ этомъ смыслѣ имѣтъ раз-личное значеніе: для Фихте—*абсолютное—“Я”*, для Шеллинга—*единство иде-ального и реальнаго*, для Шопенгауера—*воля*, для Гегеля—*саморазвитіе духа*.

Абстракція (лат. *abstraho* — отвле-каю) — отвлеченіе; актъ обособленія въ мысли того, что въ дѣйствительности счи-то съ чѣмъ-либо другимъ и отдельно су-ществовать не можетъ. Напр., цѣсть безъ веши или тѣло безъ массы можно мыслить только путемъ А. Абстракціей мы пользуемся для построенія *общихъ пред-ставлений*, въ которыхъ мысленно соеди-няются признаки, общіе цѣлому классу предметовъ и отвлеченные отъ сопут-ствующихъ имъ единичныхъ признаковъ.

Абсурдъ (лат.) — безмыслица; при-вести къ абсурду, *ad absurdum*, значитъ доказать, что въ какомъ-либо положеніи заключается скрытое логическое проти-ворѣчіе и такимъ путемъ его опровергнуть.

Автаркія (греч.) — самоудовлетвореніе, которымъ по мнѣнію циниковъ и стои-ковъ, долженъ обладать мудрецъ, какъ высшей добродѣтелью.

Автономія (греческ.) — самоопредѣле-ніе. У Канта А. означаетъ способность разума давать себѣ самому моральныя предписанія, тогда какъ при *гетеро-номії* эти предписанія диктуются разуму посторонними соображеніями и цѣлями.

Агностіцизмъ (греч.) — философское ученіе, отрицающее возможность позна-нія дѣйствительной сущности вещей. Терминъ А. введенъ англійскимъ нату-ралістомъ Гѣксли (1825—1895). Сто-ронниками А. являются преимущественно представители материалистического есте-ствознанія. Агностиками называли себя Дарвинъ и Спенсеръ. Благодаря рѣз-кому ограниченію познаваемаго отъ не-

познаваемаго, А. является средство ми-примиренія материалистическихъ выво-довъ науки съ традиціонной вѣрой; Энгельсъ называетъ А. „стыдливымъ материализмомъ“.

Адекватный (лат.) — соответствующій, равный; представление, напр., А., когда оно точно соответствуетъ своему пред-мету. Терминъ А. играетъ большую роль въ философіи Спинозы и Лейбница. Въ физиологической психологіи А. называется такое раздраженіе органовъ чувствъ, ко-торое соответствуетъ специальному наз-наченію данного органа, опредѣляемому его анатомическо-гистологическимъ стро-еніемъ. Для глаза, напр., А. раздраже-ніемъ будетъ раздраженіе его волнами свѣтноснаго эфира, для уха — волнами колеблющагося воздуха.

Академія (греч.) — первоначально поща Академа, ученика Платона (427—347 до Р. Х.), где послѣдній собиралъ сторонниковъ своего ученія. Затѣмъ А. стала называться вообще школа плато-новской философіи.

Акосмизмъ (греч.) — отрицаніе міра. Подъ понятіе А. подходитъ какъ системы пантенизма, если онѣ растворяютъ міръ въ божествѣ, такъ и системы спиритуализма и идеализма, рассматривающіе тѣлесный міръ, какъ продуктъ духовной дѣятельности.

Аксиома (греч.) — положеніе, которое лежитъ въ основѣ доказательства, само же, по своей очевидной достовѣрности, въ доказательствѣ не нуждается. Идеали-стическая философія объясняетъ очевид-ность аксиомъ ихъ происхожденіемъ изъ чистаго разума; материалистическая — считаетъ ихъ выраженіями наиболѣе об-щихъ отношеній и связей, существую-щихъ между явленіями природы.

Актуальность — дѣйствительность, по-скольку дѣйствительно только то, что проявляется въ дѣйствіи. Противопол.— *потенциальность*, т. е. возможность.

Алгоритмъ (арабск.) — въ логикѣ сим-волическое изображеніе и замѣна логи-ческихъ операций особой системой зна-ковъ и извѣстными методами счислениія.

Альтернативная сужденія — суть та-кия, которая безъ нарушенія смысла

рѣчи могутъ взаимно замѣщать другъ друга.

Альтруизмъ (отъ лат. *alter*—другой)—стремленіе класть въ основу своихъ поступковъ не собственное благо (эгоизмъ), а благо ближняго.

Амфиболія (греческ.)—двусмысленность.

Анализъ (греч.)—разложеніе; такъ называется расчлененіе понятія на его признаки, цѣлого на его составные части. А. представляетъ необходимое направление мысли и естественно дополняется прямо противоположной ему операцией—*синтезомъ*, состоящимъ въ соединеніи въ одно цѣлое элементовъ, образующихъ объектъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ А. называется такой методъ изысканій, при которомъ мы восходимъ отъ частнаго къ общему, отъ отдельныхъ явлений къ принципамъ, ихъ обусловливающимъ.

Аналитикой называется у Аристотеля (384—322) элементарная часть логики, трактующая объ умозаключеніи, доказательствѣ, определеніи и дѣленіи. У Канта (1724—1804) трансцендентальной А. называется расчлененіе всей совокупности нашего познанія для находженія въ чистыхъ элементахъ познанія изъ чистаго разума.

Аналитическимъ сужденіемъ называется такое сужденіе, въ которомъ сказуемое только раскрываетъ, объясняетъ содержаніе, уже заключающееся въ подлежащемъ. Напр., всѣ тѣла—протяженны—сужденіе А., такъ какъ понятіе протяженности уже включено въ понятіе тѣла. Въ противоположность А.—*синтетическая* сужденія заключаютъ въ своемъ сказуемомъ нечто, расширяющее понятіе подлежащаго. Напр., иѣкоторая тѣла вѣсомы—сужд. синтетическое, т. к. понятіе тѣла не заключаетъ въ себѣ признака вѣсомости и мы въ состояніи мыслить невѣсомое тѣло (эфиръ). Раздѣленіе сужденій на аналит. и синтет. имѣть фундаментальное значеніе въ Кантовской „Критикѣ чист. раз.“. Съ помощью его Кантъ разрушаетъ всѣ попытки догматической философіи доказать существованіе Бога,

бесмертіе души и т. д. путемъ простого анализа этихъ понятій. Въ воятіи Бога не заключается признака его существованія, этотъ признакъ расширяеть понятіе, сльд. сужденіе: Богъ существуетъ — сужд. *синтетическое* и должно быть доказано путемъ опыта, который, однако, въ данномъ случаѣ невозможенъ. Существованіе синтетическихъ сужденій, независимыхъ отъ опыта, Кантъ признаетъ только въ области математики (т. н. *априорныя синтетическая сужденія*). (См. слово *a priori*).

Аналогія (греческ.)—сходство, соразмѣрность. Умозаключеніемъ по А. называется такое умозаключеніе, въ которомъ по наличности у двухъ объектовъ иѣкоторыхъ общихъ признаковъ утверждается общность и другихъ признаковъ, а, слѣдовательно, полное сходство объектовъ. Умозаключеніе по А. будетъ тѣмъ точнѣе и надежнѣе, чѣмъ существеннѣе признаки, положенные въ его основу. Умозаключеніе по А. лежитъ въ основѣ т. н. *сравнительнаго метода*. *Аналогіями опыта* у Канта (Кр. ч. р.) называются основные начала разсудка, служащія для связи воспрыятій въ единство опыта. Кантъ находитъ три А. опыта: 1) постоянство и неизменность первоосновы явлений (субстанціи); 2) причинную связь явлений; 3) взаимодѣйствіе всѣхъ субстанцій, воспринимаемыхъ нами въ пространствѣ, какъ существующихъ одновременно.

Анимизмъ (отъ лат. *animus*—душа)—философское ученіе, по которому разумная душа является жизненнымъ началомъ всякой дѣятельности тѣла, и т. о. можетъ, напр., вліять на его ростъ. Въ *антропологии* А.—одуховевреіе явлений природы у первобытныхъ народовъ. (См. Тэйлоръ. Первобытная культура).

Антагонизмъ (греч.)—взаимная борьба. По закону А. ни одна вещь не пребываетъ чисто страдательной, а всегда реагируетъ на всѣ воздействія.

Антиномія (греч.) столкновеніе двухъ законовъ; по Канту А. называются противорѣтія, въ которыхъ попадаетъ ра-

зумъ при стремлениі создать безусловное единство объективныхъ условий въ явленіи. Исходя изъ принципа: „если дано обусловленное, то дана и вся сумма условий, а, следовательно, и безусловное“, разумъ приходитъ къ положеніямъ, относящимся къ мировому цѣлу, при чемъ положенія эти взаимно отрицаютъ другъ друга. Кантъ выставляетъ 4 антиноміи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ тезиса и антитезиса. Въ тезисахъ утверждается: 1) конечность міра во времени и пространствѣ; 2) существование простыхъ, недѣлимыхъ частей субстанціи; 3) наличность свободы воли; 4) бытие Бога. Антитезисы утверждаютъ: 1) бесконечность міра во времени и пространствѣ; 2) бесконечную дѣлимость субстанціи; 3) отсутствие свободы воли; 4) небытие Бога. Кантъ видѣть разрѣшеніе антиномій въ своемъ *критическомъ идеализмѣ*, различающемъ явленія отъ вещей въ себѣ. Дѣвъ первыя антиноміи содержатъ ложные положенія, какъ въ тезисѣ, такъ въ антитезисѣ, ибо они опираются на міровымъ цѣлью, какъ на *даннымъ*, т. е. какъ есть вещью въ себѣ. Съ точки зрења критического идеализма міръ раскрывается намъ въ неизрѣвномъ потокѣ явленій и не можетъ быть данъ, какъ цѣлое. Дѣвъ послѣднія антиноміи заключаются въ себѣ вѣрные положенія и въ тезисѣ, и въ антитезисѣ, но при этомъ тезисъ долженъ быть отнесенъ къ вещамъ въ себѣ, а антитезисъ къ явленіямъ. Такимъ разрѣшеніемъ Кантъ спасаетъ бытие Божіе и свободу воли—идеи, изгнанные имъ изъ чувственного міра явленій, и выполняетъ программу „Критики“: „я долженъ быть уничтожить знаніе, чтобы дать этого вѣрѣ“. (Предисловіе ко 2-му изд.).

Антитетика (греч.)—у Канта изслѣдованіе объ антиноміи чистаго разума. (См. это слово).

Антиципація (лат.)—предвосхищеніе. *A. восприятія* у Канта—основоположеніе, въ которомъ высказывается все то, что можно познать предъ познакомленіемъ ощущеніемъ. „Во всѣхъ

явленіяхъ ощущеніе и соответствующая ему въ предметѣ реальность обладаютъ известной интенсивной величиной, т. е. степенью“.

Антрапоцентрическій (греч.)—называется *жіровоззрѣніе*, считающее человѣка центромъ всей вселенной.

Апагогическое (греч.)—доказательство—косвенное доказательство, въ которомъ истина известного утверждения доказывается неизвѣрностью противоположнаго.

Аподиктическій (греч.)—безусловный. Кантъ различаетъ три вида сужденій по ихъ модальности (по степени достовѣрности): проблематическая сужденія (*S* можетъ быть *P*), ассерторическая (*S* есть *P*) и *аподиктическія* (*S* должно быть *P*).

Апорема (греч.)—затрудненіе.

Апорія (греч.)—безвыходное положеніе.

A posteriori, a priori (лат.)—въ собствен. значеніи: изъ болѣе позднаго, изъ болѣе раннаго. Нынѣшнее значеніе этихъ двухъ терминовъ установлено Кантомъ, въ философіи котораго они играютъ рѣшающую роль. По Канту все наше познаніе образуется изъ двухъ элементовъ: *содержаніе* его состоитъ изъ многообразія ощущеній и получается только изъ опыта (имѣеть *апостериорный* характеръ); *форма* же познанія, благодаря которой оно получаетъ всеобщую необходимость и достовѣрность, не зависитъ отъ опыта иносѣть *апriorный* характеръ. Таковы для чувственного познанія формы пространства и времени; для разсудочнаго познанія—категоріи количества, качества, отношенія и модальности, а также вытекающая изъ нихъ основоположенія, какъ, напр., законъ причинности. Априоризмъ формъ познанія зависитъ по Канту исключительно отъ познавательной способности субъекта, такъ что «о вещахъ мы узнаемъ а *priori* только то, что сами въ нихъ влагаемъ». (Предисл. ко 2-му изд. „Критики чист. раз.“). Априоризмъ сближается такимъ образомъ съ субъективнымъ идеализмомъ, являясь отголоскомъ взгляда, по которому между міромъ при-

роды и міромъ духа лежить непереходимъ прошлость. Матеріалистическая философія, признавая человѣческій духъ продуктомъ природы, видѣть въ независимости нѣкоторыхъ познаній отъ всякаго частнаго опыта доказательство лишь того, что въ природѣ существуютъ извѣстныя общія связи и отношенія, свойственные всѣмъ ея явленіямъ, въ томъ числѣ и человѣческому духу.

Апперцепція (лат.) — въ общемъ значеніи — активное мышленіе въ противоположность пассивному воспріятію. Терминъ А. установленъ Нейбвицемъ (1646—1716), который подъ А. понималъ переходъ какого-либо душевного состоянія въ сознаніе. Кантъ понималъ подъ А. сознаніе вообще и различалъ чистую А.: „я мыслю“ отъ эмпирической, въ которой сознаніе направляется на частные объекты. Въ современной психологіи терминъ А. обозначается либо усвоеніе и переработка новыхъ воспріятій, либо опредѣленный активный отборъ ихъ, сопровождающий чувствомъ дѣятельности вниманія.

Аппрегензія (лат.) — пониманіе. У Канта синтезъ А. называется установление единства представлений изъ его элементовъ, расположенныхъ во времени.

Аргументъ (лат.) — доказательство, доводъ.

Ассерторическое сужденіе (см. апдиктический).

Ассимиляція (лат.) — уподобленіе, усвоеніе. (Ср. ассоціація).

Ассоціація (отъ лат. *associare* присоединять) *идей* — естественная связь нашихъ представлений, возникающая помимо нашей воли и выражаящаяся въ томъ, что представления непривольно вызываютъ другъ друга. При чистой ассоціаціи связь эта настолько сильна, что движение представлений можетъ получить автоматический характеръ и идти даже наперекоръ нашей волѣ. Характеръ ассоціаціи опредѣляется тѣми объективными отношеніями, въ какихъ находятся предметы представлений. Сообразно этому, въ психологіи различаются *четыре* главныхъ типа ас-

соціації: 1) А. по сходству (копія — оригиналъ); 2) А. по контрасту (великанъ — карликъ); 3) А. по времени (молня — гронь); 4) Ассоціація по смежности въ пространствѣ (небо — облака). Ассоціація идей, порождаемая объективной связью явлений природы, имѣть громадное значеніе, какъ факторъ, облегчающій человѣку, задолго до возникновенія научного познанія, планомерную борьбу съ природой. Съ другой стороны, и въ области чисто духовной жизни ассоціація идей имѣть первенствующее значеніе, являясь необходимой предпосылкой всякаго научного и художественного творчества. Ассоціація идей не исчерпываетъ всѣхъ явлений духовной жизни, и современная психологія установила рядъ факторовъ, играющихъ наряду съ нею крупную роль при воспроизведеніи представлений. Таковы: чувственная окраска представлений, общее содержаніе сознанія въ каждый данный моментъ, сознательное направление вниманія, естественная инерція отдѣльныхъ представлений и т. д. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ ассоціаціи составляетъ заслугу т. н. *ассоціационной психологіи*, главный представитель которой: Гертили (1704—1757), Юмъ (1711—1776), Джемсъ Милль (1775—1836), Ст. Милль, Свенсеръ, Бэнъ, Льюисъ. Ассоціационная психол. отводитъ ассоціаціи въ области духовной жизни приблизительно ту же роль, какую въ области вѣшней природы играетъ законъ тяготѣнія.

Атеизмъ (греч.) — міровоззрѣніе, отрицающее бытіе Бога, какъ существа, стоящаго надъ природой. Съ А. сближается пантезъ, міровоззрѣніе, по которому Богъ и природа — единое существо. Шопенгауэръ называетъ пантезъ «атеизмомъ въ вѣжливой формѣ».

Атомъ (греч.) — недѣлимо; первоначально мельчайшія частицы вещества, изъ которыхъ по учению Девкиана и Демокрита (5-ое стол. до Р. Х.) возникъ весь миръ. Падая въ пустомъ пространствѣ, атомы при столкновеніи об разуютъ вихри и скопленія (тѣла). Иль

философії понятіе А. перешло въ физику и хімію, гдѣ до сихъ поръ играетъ первенствующую роль.

Аттрибути (отъ лат. attributo — приписывать) — свойство, качество, признакъ предмета. У Спинозы (1632—1677) А. означаетъ то, что припадлежить субстанції по ея внутренней сущности. Субстанція обладаетъ безконечнымиъ мвожествомъ А., но въ разумъ въ состояніи востичь только *два* изъ нихъ: мышление и протяженіе.

Аффектъ (отъ лат. afficatio — воздѣйствую) — сильное душевное движение, по-коющееся на ассоциативно-возникающихъ представленихъ и сопровождающееся известными тѣлесными измѣненіями. По учению нѣкоторыхъ психологовъ (теорія А. Джемса-Ланге) А. состоять не въ чёмъ иномъ, какъ только въ совокупности ощущеній, доставляемыхъ намъ этими тѣлесными измѣненіями (нарушение кровообращенія, сокращенія мышцъ и пр.). Спиноза — на учейіи объ аффектахъ, которыхъ по его мнѣнію три (удовольствіе, неудовольствіе, желаніе), — строить практическую часть своей этики. Истинная свобода, по учению Спинозы, состоить въ освобожденіи отъ аффектовъ.

Б.

Безконечность — основное понятіе философії. Имѣеть прежде всего отрицательное значеніе и состоять въ признаніи конечнаго, ограниченного характера каждой отдельной вещи и въ указаніи на необходимость уничтожить эту границу путемъ непрерывнаго перехода отъ одной вещи къ другой. Но такъ какъ въ этомъ процессѣ перехода каждая вещь по содержанию своему остается по-прежнеиу конечной и ограниченной, то идея такой Б. сводится къ простой возможности неограниченного повторенія одного и того же. Идея этой *отрицательной* Б. лучше всего иллюстрируется возможностью движения во времени, отвлеченному отъ всякаго опредѣленно-качественного содержанія. Такое отрицательное пониманіе Б. воплощается въ *дуалистической* метафизикѣ, противополагающей закону міра *единства* то-

щей небесному міру безконечнаго. Въ монистической философії сложилось (сначала въ идеалистической формѣ) другое, положительное пониманіе Б., по которому Б. воплощается уже въ каждой отдельной вещи въ видѣ неисчерпаемаго количества разнообразныхъ отношеній, въ какихъ отдельная вещь необходимо стоитъ со всѣми явленіями вселенной. Такимъ образомъ, уже въ отдельной вещи заключается противорѣчіе между ограниченностью ея формы и безграничностью качественного ея содержанія. Стремленіе къ устраненію этого противорѣчія, къ раскрытию и распознаванію связей между единичными явленіями и міровымъ цѣльмъ и составляетъ процессъ познанія природы, который не можетъ никогда завершиться.

Бессмертіе души — вѣра въ то, что духовныя функции человѣка, его „душа“, продолжаютъ существовать и послѣ смерти, т. е. послѣ окончательного прекращенія всѣхъ жизненныхъ отправлений данного индивида. Вѣра въ Б. возникаетъ, подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ, на очень раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества, хотя нужно замѣтить, что многимъ первобытнымъ народамъ (капр., племя Ведда ка о. Цейлонѣ) она совершенно чужда, какъ чужда имъ и идея Бога. Въ новѣйшихъ религіяхъ вѣра въ Б. (какъ и вѣра въ воскресеніе мертвыхъ) тѣсно связывается съ вѣрой въ личнаго Бога. Вѣра эта неситъ чрезвычайно ярко выраженный *матеріалистический* характеръ, такъ какъ бессмертная душа снабжается тѣми же самыми чувственными органами (зрѣнія, слуха и т. д.), какими обладало ея смертное тѣло. Всѣ попытки идеалистической философії доказать бессмертіе души, исходя изъ ея „простоты, нематериальности и недѣлимы“, были опровергнуты Кантомъ въ его «Крит. чист. раз.». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ сдѣлалъ Б. единицъ изъ постулатовъ (предпосылокъ) практическаго разума, доказывая, что вѣру въ Б. необходимо допустить, какъ одну изъ основъ морали, ибо только при бессмертіи воз-

надъ зломъ, полное утверждение добродѣтельной воли, неосуществимое въ земной жизни. Въ этой потребности, чисто религиозного характера, Б. остается по словамъ Геккеля „догмой, находящейся въ полномъ противорѣчіи съ наиболѣе достовѣрными положеніями опыта, добытыми новѣйшимъ естествознаніемъ“.

Бессознательное играетъ крупную роль въ жизни человѣческаго организма. Простѣйшимъ фактамъ, наводящимъ на мысль о существованіи бессознательнаго, является наша способность вызывать въ своемъ представлѣніи зрительные, слуховые и др. образы, когда отсутствуютъ вышнія условія ихъ возникновенія. Образъ видѣнаго мною дерева не исчезаетъ безслѣдно, а „остается у меня въ памяти“ и можетъ появиться въ сознаніи, даже если я вовсе не имѣю передъ глазами этого дерева. То же относится и къ болѣе сложнымъ психическимъ актамъ, какъ, напр., актамъ познанія. Такимъ образомъ, въ нашей психикѣ можетъ какъ бы существовать нечто, нами несознаваемое. Для объясненія существованія бессознательныхъ психическихъ фактъ, въ психологіи были выдвинуты двѣ гипотезы. По одной изъ нихъ, исходящей гл. о. отъ Гербарта (1776—1841), представлениа, возникшія однажды въ сознаніи, не могутъ ни исчезнуть, ни быть уничтожены, а только могутъ быть вытѣснены изъ сознанія другими представлениами. Эта гипотеза допускаетъ, слѣд., существование особыхъ бессознательныхъ представлений, находящихся „за порогомъ сознанія“. По другой гипотезѣ, представлениа, исчезая изъ сознанія, дѣйствительно перестаютъ существовать, но при этомъ оставляютъ въ организмѣ нѣкоторыя измѣненія. Благодаря такимъ измѣненіямъ, представлениа эти могутъ возникнуть и при отсутствіи вышніхъ условій, только вслѣдствіе внутреннихъ импульсовъ. Измѣненія, оставляемыя представлениами, состоять въ перераспределеніи молекулъ первомозгового вещества. Они образуютъ основу для т. н. психическихъ предрасположеній и могутъ передаваться по наследству. Эта гипотеза является въ

данное время господствующей въ психологии, не исчерпывающейъ, однако, всѣхъ фактовъ изъ области Б., которые только въ самое послѣднее время становятся предметомъ систематического и строгого научнаго изученія. (См. В. Битнеръ. Въ область таинственнаго).

Благо моральное — предметъ нравственного стремленія. Различаютъ два вида Б.: относительное Б. и высшее, безусловное Б. Послѣднее рассматривается, какъ основной принципъ метафизической этики, и отождествляется въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ съ понятіемъ о Богѣ. Содержаніе моральнаго Б. опредѣляется различно, въ зависимости отъ исторической эпохи, въ которую возникаетъ то или иное моральное ученіе.

Богъ — высшее существо, одаренное различными свойствами въ зависимости отъ ступени, на которой стоитъ культурное развитіе. Представлениа о Б., при всемъ ихъ разнообразіи и пестротѣ, распадаются на двѣ большія группы: теистическую и пантегистическую. Въ теизмѣ Б. противополагается міру въ качествѣ личного начала, въ пантезисѣ Б. сливаются съ міромъ (см. атеизмъ). Т. въ своемъ историческомъ развитіи прошелъ нѣсколько ступеней отъ фетишизма (поклоненіе неодушевленнымъ предметамъ) черезъ политеизмъ (поклоненіе обожествленнымъ предметамъ и силамъ природы) къ монотеизму (национальное единобожіе древнихъ евреевъ, вселенское единобожіе христіанской философіи). Свойственное теизму представление Б., въ качествѣ личного начала, приводить на антропоморфизмъ, т. е. къ надѣлению Б. человѣческими свойствами, правда, въ повышенной степени и въ преувеличенномъ видѣ. Такой антропоморфизмъ составляетъ главнѣйшее содержаніе всякой народной религіи. Что касается пантегизма, то онъ выступаетъ только какъ философское ученіе (въ наиболѣе разработанномъ видѣ у Спинозы) и, отрицая личного Б., является переходной ступенью къ полному отрицанію Б., къ атеизму. Вопросъ о доказательствахъ бытія Б. является центральнымъ пунктомъ всякой философіи стремящейся

оправдатъ догматы вѣры передъ разумомъ. (Такова схоластическая и новохристіанская философія). Этой философіей были выдвинуты *три* доказательства бытія Б.: 1) *онтологическое доказательство*, по которому бытіе Б. слѣдуетъ изъ самаго понятія о Б. Кто мыслить Б., долженъ мыслить его, какъ вансовершеннѣйшее существо; такое существо должно обладать всѣми мыслимыми свойствами, а одно изъ этихъ свойствъ—бытіе; слѣд. Въ существуетъ (Ансельмъ Кентерберійскій, Декартъ); 2) *космологическое доказательство*: бытіе Б. выводится изъ случайности и обусловленности всего существующаго. Такъ какъ каждая вещь имѣеть свою причину, эта послѣдняя свою и т. д., то должна существовать послѣдняя причина (*causa scii*), которая и есть Б. (Анааксагоръ, Аристотель); 3) *физико-теогологическое доказательство* выводить существованіе Б. изъ гармоніи и красоты, наблюдалась въ природѣ и необъяснимой безъ допущенія царящаго въ ней объективнаго разума. (Сократъ, Бл. Августинъ). Въ «Критикѣ чист. раз.» Кантъ показываетъ, что два послѣднія доказательства сводятся въ сущности къ первому, т. е. къ онтологическому, которое онъ, въ свою очередь, считаетъ несостоятельнымъ, такъ какъ изъ него слѣдуетъ только то, что Б. нужно мыслить существующимъ, а вовсе не то, что Б. существуетъ. Отвергая возможность теоретического доказательства бытія Б., Кантъ выдвигаетъ признаніе существованія Б., какъ предпосылку практическаго разума, какъ первооснову царящаго въ человѣческой душѣ незыблемаго моральнаго закона.

Большая посылка—въ силлогизмѣ—то сужденіе, изъ которого берется сказуемое заключенія. Обыкновенно большая посылка ставится впереди *мензии*.

Большой терминъ—понятіе, являющееся сказуемымъ въ заключеніи силлогизма (сказуемое большой посылки).

Бытіе—отвлеченное существо, отъ глагола быть. Имѣть несколько значеній: 1) Глаголъ быть служить связкой въ сужденіи, предметомъ котораго является

соотношеніе между двумя понятіями. (Напр.: всѣ лошади *суть* четвероногія животныя). Въ этомъ случаѣ „быть“ выражаетъ чисто-мысленное отношеніе вида связи съ действительностью. 2) Глаголъ быть выражаетъ связь между объектами реального мира; напр., этотъ человѣкъ (*есть*) боленъ. 3) Бытіе можетъ служить выражениемъ наличнаго существованія чего-либо; въ этомъ значеніи Б.—*непосредственная действительность*. 4) Бытіе въ *метафизическомъ смыслѣ*—первооснова мира. Ученіе о характерѣ и опредѣленіяхъ этого Б. (единичн.-ли оно или множественно; неподвижно-ли или находится въ процессѣ развитія) называется *онтологіей*.

В.

Вещество—понятіе, тождественное съ понятіемъ матеріи.

Вещь—конкретный предметъ, имѣющій самостоятельное существованіе.

Вещь въ себѣ—у Канта вѣчно, лежащее въ основе явлений. Разсужденіе, соединяющее наши представления въ единство предмета познанія, относить эти представления къ чему-то, лежащему виѣхъ, какъ къ ихъ основе. Это нѣчто—*х*(поумень) не является и не можетъ быть для насъ объектомъ познанія, такъ какъ познаніе имѣетъ дѣло только съ явленіями, а послѣднія познаются нами лишь подъ формами нашей чувственности, т. е. въ пространствѣ и во времени. Понятіе вещи въ себѣ, поэтому,—понятіе *отрицательное*, указывающее лишь на *границы* нашего чувственного познанія. Но въ своей этикѣ Кантъ придаѣтъ вещи въ себѣ нѣкоторое положительное содержаніе, относя къ миру вещей въ себѣ такие предметы, какъ Богъ и свобода воли.

Кантовское понятіе вещи въ себѣ встрѣтило критику съ двухъ прямо противоположныхъ точекъ зрения. Субъективный идеализмъ (Фихте, имманентная философія), исходя изъ того, что все наше познаніе цѣлкомъ исчерпывается представлениями и что восприятіе вещи право ея бытію, считаетъ вужнимъ вовсе отбросить понятіе о вещи въ себѣ, какъ по-

внітіє, вносяще безполезное удвоеніе въ синий міръ опыта. Матеріалистическая фалософія (Фейербахъ, Марксъ, Энгельсъ, Дицентъ), отрицаючи исключительно субъективный характеръ нашихъ формъ познанія и признавая, поэтому, за вещами и ихъ отношеніями цѣлковое объективное значеніе, находить, что между „явленіями“ и „вещью въ себѣ“ не существуетъ никакой абсолютной границы и что „вещи въ себѣ“ превращаются въ залежія по жѣрѣ того, какъ мы ихъ познаемъ.

Видъ—въ логикѣ понятіе, заключающеся въ другомъ понятіи, называемомъ родовыми. (Напр., понятіе воды заключается въ понятіи жидкость). Въ органической природѣ В. называется совокупность родственныхъ индивидовъ, передающихъ свои признаки по наслѣдству.

Вниманіе—больше или менѣе намѣренное и длительное сосредоточеніе сознанія на какомъ-либо предметѣ, при помощи которого предметъ познается легко, ясно и отчетливо.

Вищеніе (лат. suggestio)—въ широкомъ смыслѣ всякое вліяніе, которое оказываетъ одинъ человѣкъ на другого съ помощью словъ, жестовъ, взглядовъ. На В. покоятся могущество нравовъ, моды, пріимѣровъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ В. называется приватіе загипнотизированному опредѣленныхъ представлений, чувствованій и движений воли. В. можетъ исходить отъ того же самаго лица, которое подвергается В. Въ этомъ случаѣ В. называется самовнушеніемъ.

Вицшній міръ—совокупность всѣхъ предметовъ, находящихся въ пространствѣ и во времени. Составляетъ противоположность т. н. міру внутреннему, міру психическихъ переживаній. Обычный взглядъ, взглядъ *наивного реализма*, приписываетъ В. міру полную реальность со всѣми тѣмы признаками и свойствами, какъ они даны въ непосредственномъ восприятіи. Изученіе условій, при которыхъ возникаютъ наши восприятія (напр., восприятіе того или другого цвета), приводитъ насъ къ то-

му убѣжденію, что характеръ приписываемый нами вицшнemu міру, существенно зависитъ отъ свойствъ нашей познавательной способности. Возникающій за почву этого убѣжденія вопросъ о реальности В. міра получаетъ различное разрѣшеніе въ различныхъ философскихъ системахъ. Послѣдовательное проведение идеализма приводить къ т. н. теоретическому *солипсизму* (Беркли; 1685—1753), отрицающему существование вицшнаго гльеснаго міра, независимаго отъ познавающаго субъекта. Для діалектич. матеріализма вицшній міръ существуетъ въ видѣ безконечно развертывающагося матеріального процесса, качества которого постепенно открываются познавающему субъекту во всей ихъ полнотѣ и проявляются его практикой.

Волюнтаризмъ (отъ лат. voluntas воля) — философское ученіе, разработанное главн. обр. Шопенгауеромъ. По учению философскаго В. въ основѣ всего мірового процесса лежитъ воля, понимаемая настолько широко, что она охватываетъ всякаго рода стремленія, даже въ неорганической природѣ. Въ *психологии* В. (главн. представитель В. Вундтъ) исходить при объясненіи явленій въ законовъ психической жизни изъ волевыхъ актовъ и сопровождающихъ ихъ чувствъ и эмоцій. Психологический В. противополагается *интеллектуализму* (главн. представитель Гербарть), который выводитъ все психические акты изъ игры ощущеній и представлений.

Воля — психологический терминъ, имѣющій болѣе широкое и болѣе узкое значеніе. Въ широкомъ смыслѣ слова В.—всякое стремленіе, независимо отъ того, сопровождается-ли оно представлениемъ о результатахъ стремленія илиносить безсознательный, инстинктивный характеръ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слова В.—стремленіе, связанное съ предвидѣніемъ результата. Одинъ видъ стремленія можетъ переходить въ другой.

Воображеніе—способность нашего духа вызывать самопроизвольно пережитыя ощущенія, соединять ихъ въ представления и перерабатывать ихъ по само-

стоятельному плану. В. можетъ быть больше пассивнымъ, только воспроизводя пережитое, и больше дѣятельнымъ, комбинируя пережитое въ новые образы. Высшая степень воображенія называется творческой *фантазіей*.

Воспризнаніе (лат. *recognition*) — по Канту основная способность нашего духа, которая доставляетъ намъ увѣренность въ томъ, что наша мысль остается тождественной сама съ собою, если только не мѣняется ея объектъ.

Восприятіе — психологический терминъ, которымъ обознаcается соединеніе разнообразныхъ ощущеній въ одну цѣлостную группу, при чмъ соединеніе это сопровождается чувствомъ увѣренности въ томъ, что данная группа ощущеній относится къ дѣйствительно существующему предмету. Физиологически восприятіе характеризуется тѣмъ, что въ немъ, наряду съ раздраженіемъ периферическихъ первыхъ окончаний, играетъ роль и раздраженіе мозговыхъ центровъ, и при этомъ оба вида раздраженій сливаются воедино въ процессѣ восприятія.

Время и пространство — наиболѣе общія формы, въ которыхъ развертывается вся жизнь вселенной. Философское изслѣдованіе В. и П. ставитъ себѣ двѣ цѣли: 1) выяснить условія, при которыхъ складываются у насъ представления В. и П. (психологическая задача); 2) изслѣдоватъ природу и значеніе В. и П., какъ таковыхъ (гиосеологическая задача). При рѣшеніи первой задачи въ психологіи замѣтились два теченія. Одно, т. н. *нативизмъ* (главн. представитель Герингъ), считаетъ, что В. и П. суть почти такія же элементарные ощущенія какъ, напр., ощущеніе свѣта. Нативизмъ защищаетъ свой взглядъ ссылкой на простоту и неразложимость представлений В. и П.

Другое теченіе, т. н. *эмпиризмъ* (главн. представ. Лотце и Вундтъ), смотритъ на П. и В., какъ на чрезвычайно сложныя комбинаціи осознательныхъ, мышечныхъ и свѣтовыхъ ощущеній, которыя въ отдѣльности лишены пространственного и временнаго характера, и получаютъ его лишь въ актѣ полнаго

сліянія другъ съ другомъ. Съ теченіемъ времени противоположность обѣихъ школъ нѣсколько сгладилась и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ психологіи мы имѣемъ дѣло съ попытками найти среднее рѣшеніе.

Рѣшеніе этого второго, гиосеологического, вопроса, находится въ новѣйшей философіи подъ знакомъ Кантовскаго априоризма (см. слово а ргіогі), по которому В. и П. суть только чувственныхъ формъ явленій, независимы отъ опыта и служащія условиемъ его возможности. Формы эти свойственны не вещамъ въ себѣ, а познающему субъекту. Подводнымъ камнемъ для этой теоріи является указаніе на то, что въ дѣйствительности мы констатируемъ полную зависимость конкретныхъ представлений времени и пространства не отъ познающаго субъекта, а отъ познаваемыхъ вещей. Форму и видъ отдѣльныхъ вещей, а также положеніе ихъ въ пространствѣ мы опредѣляемъ не произвольно, а руководимся при этомъ связывающими насъ указаніями опыта. Это показываетъ, что нашиъ представлѣнія В. и П. соответствуетъ яѣто объективное, только отражающееся въ нашихъ представленіяхъ.

Врожденный — въ претивоположность *приобретенному* означаетъ все то, чмъ человѣкъ обладаетъ отъ рожденія. Это прежде всего общая психо-физиологическая организація, затѣмъ инстинкты и индивидуальная способности и предрасположенія. Въ философіи долгое время считались врожденными опредѣленная идея со всѣмъ ихъ готовыми содержаніемъ. Таковы, напр., идеи Бога, бессмертія души, математической аксиомы и т. д. Ученіе о врожденныхъ идеяхъ встречается впервые у Платона, который въ диалогѣ „Федонъ“ считаетъ все наше познаніе простымъ *приноминаніемъ*. Ученіе о врожд. идеяхъ господствовало въ философіи вполнѣ до Локка и не вчезло окончательно и послѣ его критики. Кантовское а priori можно рассматривать, какъ своеобразное измѣненіе теоріи В. идей.

Выходъ или умозаключеніе — процессъ

мысли, путемъ котораго мы создаемъ суждение на основаніи другихъ суждений. Въ можетъ быть непосредственнымъ, когда онъ дѣлается на основаніи только одного суждения, и косвеннымъ, когда мы дѣлаемъ его, исходя изъ двухъ или нѣсколькихъ суждений. Въ можетъ видѣть общаго частному или, наоборотъ, отъ частнаго къ общему. Въ первомъ случаѣ выводъ называется *силлогизмомъ*, во второмъ—*индукціей*.

Выраженіе психическихъ состояній или *выразительныя движения*—такія тѣлесныя движения, въ которыхъ непосредственно отражается данное психическое состояніе индивида; выраж. движенія служатъ главнѣйшимъ средствомъ сношеній между людьми другъ съ другомъ. В. д. могутъ быть произвольного и непроизвольного (рефлекторного) характера.

Вѣра—убѣжденіе, построенное на основаніяхъ, достаточныхъ лишь для самаго вѣрющаго лица, слѣд., на основаніяхъ субъективныхъ. Въ занимаетъ среднее мѣсто между мнѣніемъ, какъ простымъ предположеніемъ, и положительнымъ знаніемъ, какъ объективной увѣренностью. Рассматриваемая, какъ переходная ступень къ знанію, Въ представляется чрезвычайно распространенное явленіе, т. к. на субъективной увѣренности строится большая часть нашихъ житейскихъ отношеній. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слова подъ Въ разумѣется не всякое субъективное убѣжденіе, а лишь такое, которое направлено на опредѣленные объекты (религіозная вѣра) и выступаетъ, какъ нечто законченное и незыблѣмое, а не какъ ступень къ знанію.

Вѣроятность—извѣстная степень достовѣрности. Въ математикѣ В. какого-либо события опредѣляется отношеніемъ числа случаевъ, благопріятныхъ данному событию, къ общему числу всѣхъ возможныхъ случаевъ. При этомъ всѣ случаи должны быть равно возможны, т. е. совершаются въ условіяхъ, неразличимыхъ другъ отъ друга.

Г.

Гармонія (греч.) — въ собственномъ

смыслѣ слова созвучіе нѣсколькихъ музыкальныхъ тоновъ и сліяніе ихъ въ одно цѣлое. Въ философії употребляется въ переносномъ смыслѣ. Наиболѣе важное значеніе имѣть Г. въ системѣ Лейбница, выступая у него, какъ *предустановленная Г.*, т. е. напередъ опредѣленное Богомъ совпаденіе между дѣятельностью независимыхъ другъ отъ друга единицъ (монадъ).

Гедонизмъ (греч.)—этическое ученіе, видищес высшее благо жизни въ чувственномъ наслажденіи. Начало Г. положено Аристиппомъ, ученикомъ Сократа.

Генезисъ (греч.)—возникновеніе, рожденіе.

Генетический методъ—способъ изслѣдованія какого-либо явленія въ процессѣ его возникновенія. Приложеніе Г. метода въ естествознаніи (Ламаркъ, Дарвинъ) было исходнымъ пунктомъ полнаго переворота въ нашихъ воззрѣніяхъ на природу.

Гетерономія (греч.)—см. *автономія*.

Гилозоизмъ (греч.)—ученіе юнійскихъ философовъ, (Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита), не отдѣлявшіе силы отъ матеріи и приписывавшихъ матеріи жизненную силу.

Гипотеза (греч.) — предположеніе, предпосылка, догадка. Простѣйшая форма ея—гипотетическое суждение: если существуетъ А., то существуетъ Въ. Здѣсь вѣрность одного положенія ставится въ зависимость отъ вѣрности другого. Въ болѣе узкомъ смыслѣ, Г.—называется предположеніе о существованіи какихъ-либо факторовъ или причинъ, при данномъ состояніи знанія недоступныхъ для прямого изслѣдованія, при чёмъ предположеніе это позволяетъ намъ рассматривать цѣлый рядъ факторовъ въ природѣ, какъ слѣдствіе этихъ причинъ, и тѣмъ установить между ними вѣкоторую связь.

Гносеология (греч.) или *теорія познанія*—часть философії, трактующая о возникновеніи, законахъ и сущности человѣческаго познанія. Ея главная задача—анализъ и оцѣнка того матеріала, изъ котораго складывается наше знаніе (чувственный опытъ, понятія разума). Въ частности онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію тѣ основы познанія

которые лежать въ основѣ отдельныхъ наукъ (напр., законъ причинности, понятія субстанціи, силы и т. д.). Основныя направлениія Г. опредѣляются двумя основными течениіями всей философской мысли вообще: идеалистическимъ и материалистическимъ. Первое даетъ начало *рационализму* (Платонъ, Лейбницъ, Кантъ, Гегель), второе—*сенсуализму* (Аристотель, франц. материалисты, Фейербахъ). Идеалистическое теченіе въ Г. утверждаетъ возможность познанія изъ чистаго разума, независимо отъ чувственного опыта; материалистическое—считаетъ основнымъ элементомъ знанія—ощущеніе, какъ первый результатъ воздействиія виѣшняго міра на наши органы чувствъ. Споръ между этими двумя теченіями решается практикой, которая позволяетъ намъ воздействовать на виѣшний миръ и преобразовывать его только въ томъ случаѣ, если мы въ основу своей деятельности кладемъ чувственный опытъ, а не чистыя понятія разсудка.

Гностицизмъ (греч.) — направлениe религіозно-философской мысли первыхъ вѣковъ христианства, пытавшееся обосновать догматы христианской религіи на ученіяхъ неоплатоновской и пифагорейской философіи. Основная идея Г.—истеченіе (эмансація) всѣхъ вещей изъ абсолютной природы Божества.

Гомеомерій (греч.)—философскій терминъ, обозначающій у Анаксагора «сѣмена вещей».

Грѣхъ—всякое нарушеніе нравственнаго закона, если послѣдній разсматривается, какъ велѣніе Бога. Ученіе о первородномъ Г. играетъ большую роль въ исторіи христианскихъ религіозныхъ представлений.

Д.

Двойная истинна—ученіе вѣкоторыхъ представителей средневѣковой философіи, гл. о. номиналистовъ (см. это слово), по которому одно и то же положеніе можетъ быть истиннымъ съ точки зренія философіи и ложнымъ съ точки зренія богословской догмы и обратно. Ученіе это представляеть первую робкую попытку разума свергнуть ито церковной вѣры.

Deductio ad absurdum (лат.—приведеніе къ абсурду)—см. *абсурдъ*.

Дедукція (лат. deduco—вывожу)—выведеніе, т. е. такой способъ доказательства и изложенія, при которомъ частное выводится изъ общаго. Выведеніе это совершается при помощи *силлогизма* (см. это слово). Цѣнность Д. зависитъ отъ того, насколько обоснованы и провѣрены опытомъ тѣ общія положенія, изъ которыхъ исходитъ Д.

Дедукція трансцендентальная — терминъ Канта, которымъ обозначается объясненіе того способа, какъ понятія а ргіоті могутъ быть отнесены къ предметамъ опыта.

Деизмъ (лат. deus — Богъ)—религіозное ученіе, признающее Бога первоосновой всѣхъ, но въ то же время отрицающее его вмѣшательство въ ходъ мирового процесса.

Деонтологія (греч.)—ученіе объ обязанностяхъ; терминъ установленъ Венатомъ (1748—1832).

Детерминизмъ—ученіе, по которому человѣческая воля во всѣхъ ея проявленіяхъ опредѣлена причинами, внутренними и виѣшними. Д., сльдовательно, отрицаетъ свободу воли, въ противоположность *индeterminизму*, ученію, допускающему возможность не обусловленныхъ причинно, т. е. свободныхъ актовъ нашей воли. И одно, и другое ученіе выступаютъ въ чрезвычайно различныхъ формахъ и опиряются различными доводами, вынуждающими отъ эпохи къ эпохѣ. Главный аргументъ доводовъ индетерминизма — непосредственное самонаблюденіе и религіозно-нравственныя представлениія о грѣхѣ и возмездії. Детерминизмъ же выдвигаетъ въ свою защиту: всеобщее господство закона причинности, изъ которого человѣческая воля не можетъ составлять исключение, тѣсную зависимость психическихъ процессовъ воли отъ физиологическихъ процессовъ въ мозгу и зависимость образа мыслей и действій отдаленнаго человѣка отъ его общественной среды. Установленіе законовъ измѣненія и развитія этой среды (историческій материализмъ) даетъ Д. наиболѣе прочную основу, такъ какъ оно открываетъ

путь для сознательного воздействия отдельного человека на общественные отношения. Этим устанавливается и истинный смысл понятия свободы, которую хочет спасти индeterminизмъ. Свобода состоит въ мнимой независимости отъ закона причинности, а въ пониманіи законовъ развитія природы и общества и вытекающей отсюда возможности пользоваться этими законами для достижения определенныхъ целей.

Динамизмъ (греч.)—ученіе, сводящее всѣ явленія природы къ дѣйствію силъ. Д. выступаетъ, какъ противоположность атомизму, и неситъ, въ своей простейшей формѣ, антропоморфической характеръ.

Дискурсивное (лат.) познаніе — по Канту познаніе, возникающее изъ понятій разсудка, тогда какъ *интуитивное* познаніе поконится на непосредственномъ созерцаніи.

Дисциплина—подчиненіе общимъ правиламъ, обязательнымъ для всѣхъ, участвующихъ въ изѣкѣствѣ организованной цѣломъ. Въ болѣе узкомъ смыслѣ Д. — отдельная отрасль какой-либо науки.

Дихотомія (греч.)—дѣленіе на-двое.

Діалектика (греч.)—въ собственномъ смыслѣ слова—искусство разговаривать, спорить. Но уже у первыхъ греческихъ философовъ Д. становится *методомъ научного познанія*. Методъ этотъ состоитъ въ пониманіи отдельныхъ явленій и предметовъ въ ихъ общей связи и развитіи, а не въ ихъ замкнутой обособленности. Благодаря низкому уровню положительныхъ знаній, какъ о природѣ такъ и обѣ обществѣ, греческая философія ограничилась только нѣсколькими блестящими обобщеніями (ср. знаменитое „все течетъ“ Гераклита), не была не въ состояніи подвергнуть діалектическому разсмотрѣнію всю совокупность явленій природы. Для этого требовалось предварительное изученіе отдельныхъ явленій. Это изученіе отдельныхъ явленій началось съ ихъ обособленія въ *понятіи*, при чёмъ каждому явленію привыкала определенная

сумма законченныхъ признаковъ, которыми оно отдѣлялось отъ всякаго другого (метафизический методъ мышленія). Такъ, физика выработала понятія твердаго, жидкаго и газообразнаго тѣла, отдѣляя эти состоянія матеріи одно отъ другого абсолютной границей.

Дальнѣйшее развитіе естествознанія въ XVIII ст., а въ особенности открытие метода исчисленія бесконечно-малыхъ, привело къ возрожденію діалектики въ системахъ немецкой идеалистической философіи (въ наиболѣе законченномъ и грандиозномъ видѣ у Гегеля). По Гегелю „діалектика—истинная душа научного изслѣдованія; только благодаря ей, въ содержаніи науки устанавливается внутренняя связь и необходимость; только она даетъ возможность подняться надъ ограниченностью конечнаго“. Понятая т. о. Д. получила у Гегеля идеалистическую форму. Связь и развитіе отдельныхъ вещей представлялись ему не въ видѣ материальнаго мірового процесса, а какъ отраженіе существовавшей до міра абсолютной „Идеи“. Свое полное научное выраженіе Д. получила въ ученіи діалектическаго материализма Маркса и Энгельса, у которыхъ діалектический методъ получаетъ универсальный характеръ, охватывая какъ міръ естествознанія, такъ и міръ общественныхъ явленій.

Діаноэтическія (греч.) добродѣтели—у Аристотеля состоять въ правильномъ примѣненіи разсудка. Ихъ 4—мудрость, наука, искусство, practicalность.

Діатетика (греч.)—ученіе о разумномъ и здоровомъ образѣ жизни или о самовоспитаніи.

Добро—терминъ, равнозначащийъ терминомъ благо (см. это слово).

Добродѣтель—способность человѣка дѣйствовать, сообразно требованиямъ морали. Въ зависимости отъ этихъ требованій мѣняется и сущность Д. Но за всѣмъ тѣмъ Д. имѣть болѣе или менѣе постоянное содержаніе, т. к. ея основой являются общественные инстинкты, питанные въ человѣкѣ совместной борьбой за жизнь вмѣстѣ съ другими, съ подобными.

Доводъ—мысль или фактъ, приводимые въ доказательство какого-либо положенія.

Догматизмъ (греч.)—по Канту всякая философія, приступающая къ решительнымъ философскимъ вопросамъ безъ предварительного изслѣдованія силы и границъ познавательной способности. Догматизмъ, принимая безъ доказательствъ некоторыя общія положенія, неизбѣжно приходить къ утвержденіямъ, выходящимъ за границы опыта.

Доказательство—обоснованіе истинности или ложности какого-либо сужденія. Д. состоитъ изъ трехъ частей: 1) *положенія* или предмета Д.; 2) *основанія* Д. и 3) *способы* Д. или разсужденія. Для убѣдительности Д. необходимо, чтобы за основаніе его брались только истинныя сужденія и чтобы разсужденіе при Д. пользовалось бы только понятіями, а не призывами къ чувствамъ и т. д. При несоблюденіи этого, возможны ошибки въ Д., изъ которыхъ важнѣйшая: 1) *petitio principii*, когда въ основу Д. кладется положеніе не достовѣрное; 2) *circulus viciosus*, когда въ видѣ основанія употребляется сужденіе, которое въ свою очередь доказывается посредствомъ этого же самого основанія; 3) *ignoratio scienti*, когда доказывается не то положеніе, которое мы принялись доказывать, а другое, лишь болѣе или менѣеъ имъ сходное.

Долгъ—нравственное величие. Ученіе о Д. было создано стоической философіей, воспринято и разработано христіанствомъ. По Канту Д.—верховный принципъ этики; въ немъ проявляется принужденіе, оказываемое на волю со стороны нравственного закона. Это принужденіе имѣть форму безусловнаго *категорического императива*: ты можешь, ибо ты долженъ. Величие Д. имѣть по Канту чисто-формальный характеръ, безотносительный къ какой-либо конкретной цѣли.

Достовѣрный—не подлежащий сомнѣнию, истинный. Достовѣрность можетъ излѣбаться, въ зависимости отъ основанія, на которымъ мы опираемся.

Дуализмъ—ученіе, по которому въ основѣ явленій лежитъ не одинъ (монизмъ), а два основныхъ принципа. Д. противополагаетъ духъ—матерію, міръ явленій—міру вещей въ себѣ, добре начало—злу и т. д. Д. признаетъ эти два принципа не сводимыми ни другъ къ другу, ни къ какому-либо третьему высшему началу; вслѣдствіе этого, ему приходится отрицать наличность взаимодѣйствія между двумя основными начальми и для объясненія фактовъ прибегать къ чуду (см. *предустановленная гармонія, окказіонализмъ*).

Духъ—понятіе, равнозначащее понятію *души* съ тѣю только разницей, что Д. охватываетъ преимущественно высшія духовныя функции (мышленіе, разумъ), тогда какъ душа выражаетъ собой всю совокупность духовныхъ явленій.

Душа—совокупность всѣхъ духовныхъ функций организма, предметъ *психологии*. Съ понятіемъ Д. тѣсно связанъ цѣлый рядъ представлений, начало которыхъ относится ко времени возникновенія первобытныхъ вѣрованій, но которые въ уточненномъ и усложненномъ видѣ продолжаютъ жить и въ современной науцѣ. Сюда относится прежде всего представление о Д., какъ о самостоятельномъ факторѣ, независимомъ отъ тѣла, простомъ и неразрушимомъ яѣчто. Несмотря на то, что идеи рациональной психологіи о единствѣ, простотѣ и субстанциальности души были опровергнуты еще Кантомъ (который сохранилъ, однако, бессмертную душу для потусторонняго міра), они и до сихъ поръ играютъ крупную роль въ философскихъ спекуляціяхъ.

Въ современной психологіи наиболѣе общіе вопросы о Д. сводятся къ двумъ вопросамъ: 1) о границахъ духовной жизни и 2) о связи духовныхъ явленій съ физиологическими функциями мозга.

Что касается первого вопроса, то здѣсь изслѣдований психологовъ Дарвиновской школы показали, что между духовной жизнью человѣка и высшихъ животныхъ нетъ абсолютной границы. Это даетъ право думать, что духовная жизнь въ ея примитивныхъ формахъ свой-

ственна всему животному.—а по мнению некоторых исследователей—и всему органическому миру. Некоторые естествоиспытатели идут еще дальше и допускают существование даже „атомной души“ (Э. Геккель). Несмотря на большое внимание, какое современное естествознание уделяет этому вопросу, оно до сих пор не может считаться окончательно решеннымъ.

Въ такомъ же положении находится другой основной вопросъ психологіи о связи духовныхъ явлений съ физическими. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя основными теоріями:

1) *Теорія взаимодѣйствія*—утверждаетъ, что какъ физиологические процессы въ мозгу могутъ вызывать духовные явленія, такъ и обратно духовные явленія (напр., волевые импульсы) могутъ вызывать мозговые процессы, а черезъ нихъ влиять и на все тѣло. Главныйшимъ препятствиемъ для теоріи взаимодѣйствія является законъ сохраненія энергіи, по которому количество энергіи въ замкнутой системѣ—а таковой является наше тѣло—привсю превращеніяхъ остается величиной неизмѣнной. Чтобы не прийти въ противорѣчіе съ закономъ сохраненія энергіи, теоріи взаимодѣйствія нужно доказать, что духовные процессы имѣютъ энергетический характеръ. Такого доказательства наука до сихъ поръ не дала.

2) *Теорія психо-физического параллелизма*—полагаетъ, что мозговые процессы и духовные явленія представляютъ два замкнутыхъ ряда фактовъ, протекающихъ параллельно другъ другу. Самымъ труднымъ для этой теоріи является объясненіе того, почему именно наблюдается такой параллелизмъ. Для психологовъ, не желающихъ прибѣгать къ услугамъ предустановленной гармонии (см. это слово) не остается ничего другого, какъ допустить, что оба явленія—физическое и духовное—являются двумя проявленіями одной и той же сущности „вынужденой и согнанной стороной одного и того же круга“ (Фехнеръ). Но и эта гипотеза т. н. *психо-физического монизма* патал-

кивается при своемъ послѣдовательномъ проведеніи на извѣстныя трудности; и смотря на это, она является теперь гордѣющей, такъ какъ стоять въ большемъ соотвѣтствіи съ принципами естественно-научного истолкованія явлений.

Дѣйствительность—въ обычномъ словоупотреблѣніи—бытие, сущее, реальность.

Дѣление—въ логикѣ—приемъ раздѣленія всего объема данного понятія на строго опредѣленное число частей. Условій правильности д. три: 1) суммарный объемъ понятій, полученныхъ при д. должна равняться объему дѣленаго понятія; 2) члены д. должны взаимно исключать другъ друга; 3) члены д. должны отличаться другъ отъ друга такъ, чтобы разницу ихъ каждый понималъ одинаково.

E.

Единичный терминъ—въ логикѣ означаетъ отдельный недѣлимыи предметъ; напр., С.-Петербургъ.

Единство—высшее понятіе, обозначающее объединеніе многообразнаго содѣянія въ одно цѣлое. Но отношенію къ вселенной Е. заключается въ ея материальности, гарантирующей дѣятельную связь ея частей.

Естественный—соответствующий законамъ природы. *Естественная религія*—это противоположность положительной религіи или откровенію—ученіе о Богѣ и его свойствахъ, поскольку они доступны Е. разуму.

Ж.

Жизненная сила—сила, свойственная организму и лежащая въ основе жизненныхъ явлений. Представление о Ж. силѣ соответствуетъ младенческому состоянію естествознанія, когда наука не могла еще установить истинной природы жизненныхъ явлений и видѣла въ нихъ нечто таинственное. Съ этихъ поръ какъ установлено, что силы, дѣйствующіе въ организмѣ, общи ему съ остальными природой, представление объ особой Ж. силѣ утратило всякий смыслъ.

З.

Заключеніе и умозаключеніе—съ Силлогизмъ.

Законъ—выражение постоянного соотношения между двумя или нѣсколькими явленіями. Понятіе З., первоначально свойственное только области права, было перенесено отсюда сначала въ область морали, а затѣмъ и въ область явленій природы. Въ понятіе З. природы включается понятіе строгой необходимости; поэтому З. не допускается исключений. Исключения изъ З. могутъ быть или только кажущимися, и тогда они указываются на недостаточно ясную формулировку З., или же они действительно не укладываются въ рамки З. и тогда самъ З. подлежитъ отмѣнѣ и замѣнѣ другимъ. Этимъ З. природы отличаются отъ *правилъ*, какими являются, въ сущности, З. правдивости и права.

Законъ Вебера-Фехнера—см. *Психофизика*.

Законъ достаточного основанія—требование логики, чтобы всякое суждение опиралось на основанія, достаточныя для того, чтобы принудить насъ согласиться съ этимъ сужденіемъ.

Законы тождества (см. *A—A*), противорѣчія и исключенного третьего—см. мышленіе.

Зло — понятіе, противоположное понятію добра и, какъ посѣдѣнное, понятіе относительное. Религія, а за цею и философія, придаютъ понятію З. безусловный характеръ, усматривая З. въ самой природѣ бытія, а въ особенности бытія человѣка. Для объясненія возникновенія такого З. былъ выдвинутъ цѣлый рядъ религіозныхъ и умозрительныхъ представлений. Къ нимъ относятся: ученіе религіи парсовъ обѣ Ормуздъ (свѣтломъ началъ) и Ариманъ (духѣ зла), христіанскоѣ ученіе о первородномъ грѣхѣ и Адтихристѣ, ученіе Шопенгауера о слѣпой волѣ и т. д. Особенную трудность проблема З. представляется съ точки зрѣнія христіанского богословія, которому нужно доказать совмѣстимость З. съ благою волею всевѣдущаго и всемогущаго Бога. Попыткою примирить З. съ совершенствомъ личнаго Бога является „Теодицея“ Лейбница.

Знаніе—убѣжденіе, основанное на достаточныхъ основаніяхъ. З. — высшая

ступень, результатъ познавательного процесса ведущаго къ приобрѣтенію истины.

И.

Ignorabimus (лат.)—не будемъ знать! Лозунгъ знаменитой рѣчи физіолога Эмиля Дю-Ба-Реймона (1818—1896) „Семь міровыхъ загадокъ“, произнесенная въ 1880-мъ году въ Берлинѣ, а также сочиненія его „О границахъ познанія природы“ (1872). Этотъ лозунгъ Д.-Б.-Реймонта относится къ слѣдующимъ семи вопросамъ: 1) о сущности матеріи и силы; 2) о происхождении движенія; 3) о возникновеніи жизни; 4) о цѣлесообразности въ природѣ; 5) о происхождении простого ощущенія и сознанія; 6) о происхождении разума и рѣчи; 7) о свободѣ воли. Вокругъ этого лозунга возгорѣлась жестокая борьба мнѣній, не улегшаяся и до сихъ поръ. По мнѣнию Э. Геккеля три „трансцендентныхъ“ загадки (1, 2 и 5) разрѣщаются къ научному пониманію матеріи, какъ носительницы движенія и жизни, три другихъ (3, 4 и 6)—являются трудными, но разрѣшившимися вопросами, на которые даетъ отвѣтъ современное ученіе обѣ эволюціи, и, наконецъ, 6-ая загадка —о свободѣ воли—покоятся, какъ чистая догма, на явишь заблужденій и вовсе не является предметомъ научно-критического изслѣдованія.

Ignoratio estenchi—ошибка въ доказательствахъ (см. это слово).

Идеализмъ—въ широкомъ смыслѣ—одно изъ двухъ основныхъ направлений философской мысли, считающее первичнымъ факторомъ духъ и объясняющее всѣ явленія природы тѣми или иными свойствами духа. Начало И. было положено Платономъ, наиболѣе полное свое завершеніе нашелъ онъ въ системѣ Гегеля. Въ И. можно различить два основныхъ ученія: *объективный* И. и *субъективный* И. Для объективнаго И. духъ—сила, существующая независимо отъ отдельнаго, индивидуального сознанія и проявляющаяся во всѣхъ явленіяхъ природы: по Гегелю „природа—инобытие духа“. Субъективный И. остается въ рамкахъ индивидуального

сознания и считает недостоверным все, что выходит за эти рамки. Такой И. неизбежно ведет къ *солипсизму*, отрицающему бытіе вещей въ сознаніи, даже бытіе другихъ людей. Кантъ, со своимъ *трансцендентальнымъ* или критическимъ И., сдѣлалъ попытку примирить оба течения въ И., признавая, съ одной стороны, все познаніе заключеннымъ въ субъектѣ, а съ другой,—допуская существование умопостигаемаго міра вещей въ себѣ.—Система абсолютного И. Гегеля была послѣдней попыткой И. отстоять свое право на существование въ области объясненія исторіи человѣчества, гдѣ, какъ казалось, творчеству духа данъ наибольший просторъ. Но одновременно съ полнымъ торжествомъ материалистического пониманія природы во второй половинѣ XIX-го в., былъ установленъ (въ трудахъ Маркса—Энгельса) и материалистический взглядъ на исторію. Это нанесло окончательный ударъ И., какъ цѣльной и стройной системѣ, и теперь И. продолжаетъ жить лишь въ безвязныхъ попыткахъ отстоять отъ вторженія материалистической науки отдѣльныя стороны человѣческой дѣятельности. Новѣйшія идеалистические течения носятъ преимущественно этически-религиозной характеръ.

Идеалреализмъ или **реалидеализмъ**—течение, стремящееся примирить идеалистическое и материалистическое направления мысли. Идеалреалистическими можно считать системы Гербарта, Шеллинга, Бундта.

Идеал—то, что соответствуетъ нормѣ, идеѣ. И. познанія является истина, И. познанія—красота. Нравственный И.—совокупность всѣхъ стремленій и требованій даннаго общественнаго класса, находящагося на восходящей линіи своего развитія.

Идеа (греч.)—въ собственномъ значеніи видъ, образъ. Въ исторіи философіи понятие И. имѣть, главнымъ образомъ, два значенія. Въ *первомъ* значеніи И. выступаетъ у Платона, обозначая въ его ученіи первоначальную, неразрушимую и неизменную форму вещей, отражениемъ которой являются вещи чув-

ственного міра. У Гегеля Платоновскій И. утратила свою неподвижность, превратилась въ процессъ, въ движение, сохранила свое творческое значение. *второмъ* значеніи И. выступаетъ, какъ образъ вообще, какъ всякое содержание индивидуального сознанія (напр., у Беркли). Двоичное значеніе слова И. соответствуетъ, какъ видимъ, различію между объективнымъ и субъективнымъ идеализмомъ. Кантъ обозначаетъ И. „необходимыя понятія разума, которымъ быть соотвѣтствующаго предмета въ чувственномъ мірѣ“. Кантъ признавалъ три И.: Бога, бессмертія души, свободы воли.

Иллюзія (лат.)—самообманъ, ошибочное толкованіе.

Имманентный (лат.)—свойственный, присущий. И. называется все то, что не выходитъ за предѣлы давнаго понятія или явленія. Такъ, напр., Сцилоза считаетъ Бога И. причиной всего существующаго, такъ какъ, по его ученію, Божество присуще миру.

Имматеріализмъ—то же, что субъективный идеализмъ.

Имморализмъ—отрицаніе нравственности; И. называется ученіе Ницше.

Императивъ (лат.)—требованіе, повелѣніе. Категорическимъ И. Кантъ называетъ формальный принципъ нравственности, по которому должна направляться человѣческая воля, слѣдя разуму. „Поступай такъ, чтобы правило твоей дѣятельности могло бы стать принципомъ всесобщаго законодательства“ вотъ формула категорического И. Кантъ считалъ эту формулу исчерпывающимъ принципомъ этики, на самомъ же дѣлѣ онъ совершенно безодержательна, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ указаны конкретные признаки желательнаго стоя „всесобщаго законодательства“. Но вмѣстѣ съ внесениемъ такой опредѣленности гибнетъ безусловный характеръ И., его годность виѣ пространства и времени.

Инволюція—противоположность эволюціи. У Лейбница И.—смерть организма; у Гербарта—воспроизведеніе ряда представлений, если при этомъ исходнымъ пунктомъ является представление, вступившее въ сознаніе послѣднимъ.

Индeterminизмъ—см. Детерминизмъ.

Индивидуація—обословленіе индивида въ общей основы вещей. Принципами И. по Шоенгаузеру являются априорные формы чувственного созерцанія—пространство и время. Въ нихъ единой воли—первооснова міра—какъ бы дробится, порождая многообразіе и отличие индивидовъ другъ отъ друга.

Индивидуумъ (лат. *individuum*—недѣльное) — отдельное недѣльное существо.

Индифферентизмъ (лат. *indifferenta*—безразличіе)—равнодушіе къ какимъ либо важнымъ явленіямъ или вопросамъ. У Шеллинга—индифферентность обозначаетъ абсолютное бытіе, охватывающее какъ объектъ, такъ и субъектъ.

Индукція (лат.)—1) умозаключеніе отъ частнаго къ общему; 2) методъ образованія общихъ понятій и положений изъ отдельныхъ фактовъ и явленій. Различаютъ полную и неполную И. Полная состоить въ перечислении по разнѣ всѣхъ предметовъ, подчиненныхъ извѣстному общему понятію, съ тѣмъ, чтобы выдѣлить какой-либо общий признакъ, отнести его и къ данному общему понятію. Ясно, что полная И. не обогащаетъ нашего знанія, а просто подводить итогъ тому, что мы уже знаемъ. Гораздо богаче содержаніемъ т. н. неполная И., когда мы, констатируя въ некоторыхъ случаяхъ наличность извѣстного признака или отношенія, распространяемъ констатированное нами на всѣ явленія этого же рода, т. е. устанавливаемъ законъ природы. Бэкона Веруламскій далъ крайне неудачную теорію И., полагая, что цѣнность индуктивного вывода зависитъ только отъ числа изслѣдованныхъ отдельныхъ случаевъ и наблюдений. Между тѣмъ наиболѣе цѣнныя научные законы (законъ паденія тѣлъ, законъ сохраненія энергіи) были установлены на основаніи крайне ограниченаго числа наблюдений. Это показываетъ, что основой неполной И. является наша увѣренность въ объективной закономѣрности матеріальной природы и что, поэтому, цѣнность индуктивного вывода зависитъ не столько отъ

числа наблюдений, сколько отъ того, какъ глубоко обнаруживаются для насъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ объективныя отношенія вещей.

Инервациія (франц.) — внутренняя дѣятельность первовъ, съ которой связаны проявленія психической жизни. По Вунду И. состоитъ въ сгораніи сложныхъ и непрочныхъ соединеній, путемъ окисленія, и въ превращеніи ихъ въ соединенія, болѣе простыя и устойчивыя, послѣ чего возникаютъ новыя сложныя соединенія изъ питательныхъ соковъ крови.

Инстинктъ—предрасположеніе къ пѣ-которымъ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ, совершающимъ безъ участія сознанія. Извѣстныя И. свойственны всѣмъ представителямъ данного вида животныхъ и объясняются наследственностью.

Интеллектъ (отъ лат. *intelligo*—понимаю)—разсудокъ, разумъ, вообще способность познанія, въ отличіе отъ чувства и воли. **Интеллектуализмъ**—то же, что и рационализмъ, т. е. ученіе, рассматривающее познаніе, какъ продуктъ дѣятельности разума. **Интеллектуальное созерцаніе**—способность разума познавать не только при помощи понятій, образованныхъ изъ данныхъ чувственного опыта (дискурсивное познаніе), но и созерцать непосредственно предметъ познанія, т. е. обходиться безъ всякихъ чувственныхъ данныхъ. Интеллектуальное созерцаніе оказывается доступнымъ только мистикамъ въ моментъ экстаза, т. е. сліянія съ Божествомъ.

Интелигibleный—исходящій изъ разума, сверхчувственный. И. міръ—міръ вещей въ себѣ. По Канту И. характеръ, въ противоположность эмпирическому,—свободенъ и составляетъ истинную сущность человѣка.

Интерпретація—истолкованіе.

Интроспективный методъ—въ психологии методъ самонаблюденія.

Интуїція—воззрѣніе, созерцаніе, непосредственный актъ сознанія. И. можетъ носить только чувственный характеръ, т. е. опираться на данные нашіхъ органовъ чувствъ, подвергающихся воздействию вѣшняго міра. По Канту И.

может быть чистой и эмпирической. Предметъ чистой И.—пространство и время; эмпирической—отдельные данные чувственности. См. интеллектъ.

Исключение—способъ доказательства какого-либо положенія, состоящій въ томъ, что путемъ перечисленія всѣхъ частныхъ случаевъ, заключающихся въ этомъ положеніи, доказывается ихъ невозможность за исключениемъ одного, относительно которого и ведется доказательство. Методъ И. даетъ надежные результаты только въ томъ случаѣ, если перечисляются дѣйствительно все случаи и если исключение неприменимъ для частныхъ случаевъ можно обосновать непререкаемо.

Искусство—творческая способность человѣка, а также результатъ творчества. По определенію Белинского искусство—способность мыслить образами, тогда какъ въ наукахъ мы мыслимъ понятиями. Т. о. искусство отличается отъ науки не предметомъ своимъ, а только различнымъ къ нему отношеніемъ и способомъ его обработки. Традиционное дѣленіе И. исходить изъ тѣхъ средствъ, какія производятъ отдельные виды И. Такъ, архитектура, ваяніе и живопись, пользующіяся пространственными отношеніями, составляютъ одинъ разрядъ,—музыка и поэзія, пользующіяся временными отношеніями—другой разрядъ И. Наконецъ, такъ наз. мимическое И. (танцы, театральная игра) комбинируетъ оба вида отношеній и относится къ третьему разряду.

Истина—цѣль познанія. И. состоитъ въ соотвѣтствіи представлений объ объектѣ самому объекту. Такъ какъ это соотвѣтствіе никогда не можетъ быть полнымъ, вслѣдствіе безконечной природы самого объекта (см. слово *безконечное*), то отсюда слѣдуетъ относительный характеръ всякой отдельной истины. Вопросъ о томъ, какъ отличить И. отъ заблужденія, т. е. вопросъ о критеріи (мѣрилѣ) И., былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ философіи до той поры, пока мѣрило это пытались найти въ познаніи, изолированномъ отъ практики. Дialectической материализмъ уничтожилъ

непроложимую границу между познаніемъ и практической дѣятельностью человѣка и видѣть основной критерій И. въ возможности, исходя изъ результатовъ познавательной дѣятельности, сознательно и цѣлесообразно измѣнять отношенія существующія въ дѣйствительномъ мірѣ (См. Критерій истины).

К.

Канонъ (греч.)—основной принципъ норма, сводъ. Кантъ называлъ канонико-ученіе о правильномъ употреблении познавательной способности въ области этики. Въ богословіи К.—совокупность книгъ Бетхаго и Нового Завѣта, призначавшихъ богодохновенными.

Каталептическая фаназія—по учению стоиковъ такое представлѣніе, рожденное реальнымъ объектомъ, которое отличается большой степенью ясности и навязывается намъ съ неизрѣдолимой силой. Въ К. ф. стоики видѣли критерій истины.

Категорическое сужденіе—по Канту одинъ изъ 3-хъ видовъ сужденій отношенія. Въ немъ выражается только отношение подлежащаго къ сказуемому (А есть В), тогда какъ въ гипотетическомъ сужденіи (см. слово Гипотеза) выражается отношение основанія къ слѣдствію, т. е. отношение между двумя суждениями (если есть А, то есть В), а въ *раздѣлительномъ*—отношеніе цѣлаго къ его частямъ (А есть В, или С, или D).

Категорія (греч.)—въ широкомъ смыслѣ слова всякий признакъ какого-либо предмета; въ болѣе узкомъ—самое общее, основное понятіе разума, охватывающее всѣ предметы опыта, поскольку они являются объектами мысли. Родоначальникомъ ученія о К. является Аристотель, установившій десять К. субстанція, количество, качество, отношение, мѣсто, время, положеніе, имѣніе, дѣйствіе, страданіе. Кантъ придалъ ученіе о К. новый смыслъ, видя въ нихъ понятія a priori, съ помощью которыхъ разумъ вносить порядокъ въ міръ опыта. Онъ далъ таблицу 12-ти К., которые вѣвутъ свое начало изъ элементарнаго акта мысли—сужденія. Воспользовавшись раздѣленіемъ сужденій по ко-

личеству, качеству, отношению и модальности (отношению субъекта к предмету суждения), онъ установилъ три К. количества—общность, множественность, единство; три К. качества—реальность, отрицаніе, ограниченіе; три К. отношения—субстанція, причинность, взаимодействіе; три К. модальности—дѣйствительность, возможность, необходимость. Кантовское ученіе о К. оказалось одной изъ наименѣе жизненныхъ частей его философіи и было отвергнуто даже его ближайшими учениками и послѣдователами (напр., Шенгенгауеромъ). Большинство новокантіанцевъ (послѣдователи Канта во второй половинѣ XIX в.) изъ всего ученія о категоріяхъ сохранили только признаніе наличности вѣкоторыхъ априорныхъ формъ разсудка (причинность, число, субстанціальность и т. д.).

Каузальность—см. Причинность.

Качество—свойство предмета, познаемое нами въ чувственномъ опыте. Локкъ, слѣдя Демокриту, установилъ раздѣленіе на первичныя и вторичныя К. Къ первымъ онъ отнесъ: плотность, протяженіе, форму, движение и покой, число. Ко вторымъ — цвета, звуки, вкусовые свойства и т. д. Раздѣленіе Локка соотвѣтствуетъ тенденціи механическаго истолкованія природы, сводящаго качественные различія вещей къ количественнымъ.—**К. понятія**—знаки понятія, составляющіе его содержаніе.—**К. сужденія**—положительная или отрицательная связь между подлежащимъ и сказуемымъ.

Классификація (лат.) — въ логикѣ частный случай дѣленія, относящейся къ извѣстной группѣ реально существующихъ предметовъ, при чмъ эта группа подраздѣляется на части такимъ образомъ, чтобы въ каждой части находились только предметы, сходные между собой съ извѣстной точки зрѣнія. Достоинство К. зависитъ прежде всего отъ точки зрѣнія, положенной въ ея основу. Въ естествознаніи, гдѣ К. играетъ наибольшую роль, въ основу ея кладется общность происхожденія органическихъ формъ.

Классификація наукъ — раздѣленіе

наукъ на группы, объединяемыя какимъ-либо общимъ признакомъ. Существуетъ много попытокъ такой К., иногда чрезвычайно искусственныхъ. Наиболѣе известна попытка О. Канта установить іерархію наукъ, т. е. расположить науки по возрастающей степени ихъ сложности и убывающей степени общности. Распредѣленіе это приводить къ слѣд. постепенности: математика, астрономія, физика, химія, физіология (біологія), соціология. К. наукъ не можетъ быть чмъ-то готовымъ и застывшимъ, а опредѣляется каждый разъ общимъ уровнемъ научного знанія. Въ настоящее время наиболѣе естественнымъ является раздѣленіе наукъ на 3 группы: 1) науки о неодушевленной природѣ, доступныя математич. обработкѣ; 2) науки біологіческія; 3) науки историческія.

Cogito ergo sum (лат.—я мыслю, слѣдовательно, существую) — основное положеніе Декарта; въ немъ самодостовѣрность мышленія дѣлается основой всей философіи.

Количество—опредѣленіе числа, величины, степени, пространства, движенія и т. д. Наиболѣе общимъ изъ этихъ опредѣленій является опредѣленіе числа. Понятіе К. играетъ большую роль въ естествознаніи, которое стремится свести къ нему всѣ качественные отношенія.—**К. понятія** — то же что объемъ понятія, т. е. совокупность всѣхъ предметовъ, которые оно охватываетъ. К. сужденія—зависитъ отъ объема подлежащаго; смотря по тому, относится ли сказуемое ко всему подлежащему, или только къ части его, сужденія раздѣляются по К. на общія и частныя.

Комплексъ (лат.) — соединеніе несколькиихъ элементовъ въ одно цѣлое.

Компрегензія (лат.)—пониманіе, терминъ Канта.

Conditio sine qua non — необходимое условіе, безъ которого что-либо не можетъ быть.

Конкретный (лат.) — понятіе, полученное непосредственно изъ созерцанія отдельного, реального объекта. Противоположно *абстрактному* (см. это слово).

Конститутивный — существенный,

главный признакъ понятія. Кантъ различаетъ К. и регулятивные принципы познанія. К. принципы—основныя, объективныя положенія какой-либо науки; регулятивные—являются лишь субъективной нормой, направляющей мысль изслѣдователя. Такъ, причинность въ естествознаніи К. принципъ, цѣлесообразность—регулятивный.

Конструкція (лат.)—построеніе, созданіе. К. понятія по Канту—выраженіе понятія въ наглядномъ созерцаніи.

Contra principia negantem disputari non potest (лат.)—нельзя спорить съ тѣмъ, кто отрицає принципы. Въ этомъ положеніи выражается необходамость для обѣихъ спорящихъ сторонъ признавать общія начала, на основаніи которыхъ можетъ быть разрѣшено ихъ споръ.

Контрастъ (лат.)—противоположеніе несходныхъ представлений и образовъ.

Концептуализмъ (отъ лат. *conceptus*—понятіе)—одно изъ направленій холастической философіи, близкое къ nominalizmu (см. это слово). Въ спорѣ между nominalizmu и realismomъ (см. это слово) о природѣ общихъ понятій К. пытался занять среднюю позицію, утверждая, что общія понятія существуютъ, но только въ умѣ человѣка (*universalia post rem*).

Конъюнктивное (соединительное) сужденіе—сужденіе, въ которомъ къ одному подлежащему относятся иѣсколько сказуемыхъ.

Координація (лат.)—соотношеніе между иѣсколькими понятіями, подчиненными одному и тому же высшему понятію. Напр., растеніе и животное понятія координированны, такъ какъ оба они подчинены одному понятію организмъ.

Королларій—сужденіе, вытекающее, какъ слѣдствіе, изъ какихъ-либо другихъ положеній. Терминъ „Этики“ Спинозы.

Корпукулярная теорія (отъ лат. *corpusculum*—тѣльце)—теорія, по которой тѣла состоять изъ мельчайшихъ частицъ—корпукуль.

Коррелятивный—соотносительный. К. называются понятія, у которыхъ содержаніе одного опредѣляется содер-

жаніемъ другого: напр., цѣль и средство, причина и слѣдствіе.

Космологическое доказательство бытія Божія—см. Богъ.

Космология (греч.)—ученіе о мірѣ. Въ К. изслѣдуется возникновеніе міра, его границы въ пространствѣ и во времени, присущія ему силы. **Космогонія** (ученіе о возникновеніи міра)—первая форма К. носила сначала (напр., у древнихъ грековъ) мифологіческій характеръ. Научный характеръ К. получила впервые въ трудахъ Канта и Лапласа, которыми была выдвинута гипотеза объ образованіи нашей солнечной системы изъ разрѣженной туманной матеріи.

Космосъ (греч.)—міръ, вселенная.

Красота—центральное понятіе эстетики. Понятіе К.—такое же основное и вмѣстѣ съ тѣмъ, по содержанію своему, такое же относительное понятіе, какъ понятія добра и истины. Кантъ первый, въ своей „Критикѣ силы сужденія“, отдалъ понятіе К. отъ пограничныхъ съ нимъ понятій полезного, пріятнаго, хорошаго и истиннаго и опредѣлилъ К., какъ предметъ непосредственнаго чувства наслажденія, не затрагивающаго при этомъ нашей страсти.

Критерій (греч.)—мѣрило, оселокъ для оцѣнки чего-либо. К. истины (см. это слово)—называется признакъ, по которому мы въ состояніи отличать истинные сужденія отъ ложныхъ. Различаютъ формальные К. истины отъ К. по содержанію. Первыми являются формальная логическая правила мышленія; вторые же лежать въ акта мысли, какъ такового, и принадлежать самому объекту.

Критика (греч.)—1) разборъ какого-либо явленія; 2) научное установление принциповъ, вытекающихъ изъ природы объекта.

Критицизмъ—философское теченіе, связанные съ именемъ и трудами Канта. Исходнымъ пунктомъ К. является сочиненіе въ возможности всѣхъ синтетическихъ сужденій a priori до тѣхъ поръ, пока условія ихъ возможности не будутъ обнаружены критикой нашей познавательной способности. К. противопола-

гаеть себя съ одной стороны **догматизму**, съпо довѣряющему силамъ разума, а съ другой—**сkeptицизму**, окончательно сомнѣвающемся въ возможности какого бы то ни было познанія изъ разума.

Л.

Лемма (греч.)—положеніе, заимствованное одной отраслью науки у другой, которой и предоставляетъся доказывать это положеніе.

Liberum arbitrium indifferentiae — абсолютная свобода воли въ дѣлѣ выбора между различными мотивами (см. Детерминизмъ).

Лимитативный—ограничительный. Л. или бесконечными Кантъ называетъ сужденія, отрицательныя по формѣ и утвердительныя по содержанію: напр., душа—песмертна. Лимитация или ограниченіе является у Канта одной изъ категорий разсудка (см. слово Категорія).

Личность (лат. *persona*=маска) — существо, обладающее индивидуальнымъ единствомъ и тождествомъ сознанія. Какъ единство, такъ и тождество Л.—понятія относительныя, такъ какъ единство и непрерывность развитія нервно-физиологического аппарата у человѣка далеко не имѣютъ абсолютного характера.

Логика (греч.) — наука, изучающая роль и задачи мышленія при развитіи научнаго знанія. Отличіе ея отъ психологии состоить въ томъ, что психология изучаетъ мышленіе, какъ одинъ изъ фактovъ душевной жизни безъ всякаго отношенія къ вопросу о познаніи, тогда какъ для Л. важно знать, какіе пріемы мышленія ведутъ къ научному познанію и въ чемъ состоять ошибки мышленія, т. е. уклоненія его отъ этой цѣли. Л. распадается на три части. Въ первой она разсматриваетъ сущность правильнаго мышленія. Сюда относится ученіе о сужденіяхъ, какъ элементарныхъ актахъ мысли, условіяхъ ихъ возникновенія, ихъ отличіяхъ отъ другихъ фактovъ душевной жизни. Вторая часть разсматриваетъ тѣ нормы, какими долженъ управлять логикъ при составленіи

(ученіе о понятіяхъ и умозаключеніяхъ). Наконецъ, третья часть Л. трактуется о методахъ, съ помощью которыхъ мы приходимъ къ правильнымъ понятіямъ и предпосылкамъ для сужденій и умозаключений. Самую важную часть этого отдѣла Л., называемаго иначе методологіей, составляетъ ученіе объ индукціи (см. это слово). Отцомъ Л. считается Аристотель, въ сочиненіяхъ которого, подъ общимъ назв. *Органонъ*, впервые давно было систематическое изложеніе Л. въ связи съ теоріей познанія. Въ некоторыхъ частяхъ своихъ (ученіе объ умозаключеніяхъ) Аристотелевская Л. осталась почти неизмѣненной и понынѣ. Въ средневѣковой философіи Л. Аристотеля была оторвана отъ другихъ отдѣловъ знанія и превратилась въ чисто формальную игру понятіями, независимо отъ ихъ содержанія. Возрожденіемъ своимъ Л. обязана успѣхамъ точныхъ наукъ въ XVI и XVII вв. Изъ многочисленныхъ направлений въ Л. заслуживаетъ упоминанія попытка Гегеля сдѣлать Л. универсальной наукой, которая разсматривала бы законы развитія бытія, отожествляемаго съ чистой идеей.

Логомахія (греч.)—споръ о словахъ.

Логосъ (греч.)—имѣть два значенія: мысль и слово. Понятіе Л. впервые встрѣчается у Гераклита, который обозначаетъ имъ міровой разумъ, рокъ. Особенно важное значеніе получило понятіе Л. въ ново-платоновской философіи, где оно означаетъ мысль Божества о себѣ самомъ. Это ученіе отразилось и въ христіанствѣ. (См. Евангеліе отъ Иоанна: Въ началѣ было слово (Л.) и слово было Богъ и Богъ былъ слово).

Локальный (местный) знакъ—понятіе, введенное въ психологію Лотце. Этимъ именемъ обозначается своеобразная окраска свѣтовыхъ и осязательныхъ ощущеній, отличающая ихъ отъ содержанія, и зависящая, поэтому, не отъ характера раздраженія, а отъ того, какое именно нервное волокно подвергается раздраженію. Л. з., по учению эмпирической школы, играютъ важную роль въ дѣлѣ возникновенія пространственныхъ предѣловъ (см. Видъ и пространство).

M.

Макробиотика—то же, что и *diétematica*—искусство долго жить.

Макрокосмъ и микрокосмъ (греч.)— большой и малый миръ, природа и человѣкъ.

Максима (лат.)—субъективное правило поведенія. По Канту М. отличается отъ императива и отъ закона тѣмъ, что последніе имѣютъ значеніе для всѣхъ разумныхъ существъ, тогда какъ М. опредѣляетъ только индивидуальную волю.

Мантика (греч.)—искусство прорицанія.

Марксизмъ см. Материализмъ діалектическій.

Математическая логика — см. алгоритмъ.

Материализмъ—основное направление въ философіи, которое, въ противоположность идеализму, считаетъ первичнымъ факторомъ не духъ, а природу и всѣ явленія духа старается объяснить тѣми или иными свойствами матеріи. Начало М. было положено Фалесомъ и Демокритомъ, наиболѣе полное развитіе оно получило въ ученіи діалектическаго М. Маркса-Энгельса. Въ исторіи М. можно различить *три* главныхъ фазиса. Древне-греческий М. видѣтъ центръ тяжести въ нахожденіи первичныхъ свойствъ матеріи, которыми онъ считаетъ только ея количественные определенія (см. атомизмъ). Недостаточное развитіе точныхъ знаній не даетъ ему возможности связать эту безкачественную матерію съ духомъ, и онъ довольствуется такимъ определеніемъ духа, какъ „матерія изъ круглыхъ подвижныхъ атомовъ“ (Демокритъ). На второй стадіи своего развитія, въ видѣ французскаго М. XVIII ст. (Гольбахъ, Гельвеций, Да-Меттре), М. ставитъ полностью основной вопросъ философіи объ отношеніи между мышленіемъ и бытиемъ но даетъ ка него односторонній, нецелый отвѣтъ. Пройдя черезъ школу Спинозы, французскій М. знаетъ уже, что духъ это не особая тонкая матерія, а «внутреннее состояніе самой матеріи», одна изъ ея бесконечныхъ силъ. Но онъ не въ со-

стояніи опредѣлить мѣсто этого духа въ цепи общихъ явленій природы, поставить наиболѣе важное проявленіе его—человѣческую исторію—въ общую связь мировыхъ явленій. Поэтому наряду съ материалистическимъ объясненіемъ природы онъ дасть чисто идеалистическое объясненіе исторіи. Главнейшимъ пресытствиемъ ему служить метафизический методъ мышленія, рассматривающій все явленія, какъ застывшія сущности, а не какъ ступени въ процессѣ развитія. И только пройдя школу нѣмецкой идеалистической философіи и усвоивъ себѣ діалектическій методъ (см. слово Діалектика) мышленія, М. оказывается въ состояніи поставить все проявленія духа въ закономѣрную зависимость отъ материальныхъ явленій, понять, что «идеальное есть переведенное и переработанное въ человѣческой головѣ материальное». Вмѣстѣ съ этимъ и самъ духъ, умѣющій правильно „перевести и переработать материальное“, становится движущей силой исторіи, творцомъ практики, преобразующей миръ.

Матерія—то, что воздействиія на органы чувствъ, порождаетъ ощущеніе. Свойства М. открываются намъ въ ближайшемъ процессѣ познанія и поэтому попытка выдѣлить вѣкоторые свойства (протяженность, неопредѣлимость т. д.) въ разрядъ „первичныхъ“ (качество) и считать ихъ разъ навсегда черпывающими сущность М. является продуктомъ метафизической мысли. Можно считать эти свойства первичны лишь постольку, поскольку въ нихъ находить себѣ выраженіе наиболѣе общія отношенія вещей, опредѣляющія характеръ воздействиія М. на наши органы чувствъ.

Меньшая посылка—въ логикѣ—одно изъ трехъ предложеній сyllogismъ, вмѣнно то, которое содержитъ подлежащее заключенія.

Меньший терминъ—въ логикѣ—подлежащее заключенія, или подлежащее меньшей посылки.

Метабазисъ—въ логикѣ—ошибка, состоящая въ уклоненіи отъ обсуждаемаго вопроса.

Метаматематика—исследование о неевклидовомъ пространствѣ, т. е. о пространствѣ, обладающемъ нѣкоторой кривизной (гдѣ, благодаря этому, сумма угловъ въ прямолинейномъ треугольнике больше или меньше 180°) или имѣющемъ болѣе 3-хъ измѣреній. Философское значеніе М. состоитъ въ томъ, что, допуская мыслимость иной геометріи, мы въ то же время показываемъ, что наши геометрическія аксиомы не суть положенія a priori, а результаты опыта.

Метампсихозъ (греч.)—ученіе о переселеніи душъ.

Метафизика (греч.=послѣ физики)—терминъ, создавшійся случайно для обозначенія книгъ Аристотеля, помѣщенныхъ послѣ его „Физики“. Въ обычномъ словоупотребленіи М. обозначаетъ попытки построить знаніе о вещахъ, недоступныхъ опыту. Кантъ сводить все проблемы М. къ тремъ вопросамъ: 1) о Богѣ, 2) о бессмертіи души, 3) о свободѣ воли. Показывая, что ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть разрѣшенъ, Кантъ выводить отсюда заключеніе о невозможности всякой М.

Метафизический методъ—см. Діалектика.

Методология—часть логики, занимающаяся изученіемъ методовъ изслѣдованія (см. Логика). Различаютъ *общую* М., излагающую методы, свойственные всякому научному изслѣдованію, независимо отъ его предмета, и *специальную* М., трактующую о приемахъ изслѣдованія въ отдельныхъ частныхъ наукахъ.

Методъ—систематический, планомѣрный путь для достижения какой-либо теоретической или практической цѣли.

Метемпирническій—выходящій за границы опыта.

Механическое міровоззрѣніе—ученіе естествознанія, по которому все явленія вицѣнія міра могутъ быть поняты сообразно принципамъ механики, т. е., какъ результатъ передвиженія матеріальныхъ массъ и частицъ.

Мистика и мистицизмъ (греч.)—стремленіе къ непосредственному созерцанію Бога. М. ведеть къ вѣрѣ въ чу-

десное и большую частью вырождается въ самую притупливую фантастику.

Міръ—то же, что и вселенная; связная совокупность всѣхъ вещей и явлений.

Множественность—понятіе, противоположное понятію единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ М. не отрицає реальнаго единства, какъ показываетъ намъ существованіе материальной связи между явлениями міра.

Модальность—по Канту такое свойство сказуемаго въ сужденіи, которое, не прибавляя ничего къ подлежащему, указываетъ лишь на отношеніе самого субъекта къ сужденію. Иными словами, М.—оценка достовѣрности сужденія. Кантъ различаетъ три разряда сужденій по ихъ модальности: проблематическая (возможная), ассерторическая (дѣйствительная) и аподиктическая (необходимая).

Модусъ (лат.)—1) видъ или способъ бытія или дѣйствія отдельной вещи. Спиноза даетъ слѣд. определеніе М. „Я разумѣю подъ М. состоянія субстанціи или то, что существуетъ въ другомъ, черезъ которое оно и познается“. 2) М.—видъ силлогизма.

Моментъ (лат.)—1) мгновеніе; 2) у Гегеля М. всякое определеніе понятія, пробѣгаемое идеей въ діалектическомъ процессѣ.

Монада (греч.)—единое, основа числа. Въ философіи, особенно у Лейбница, М. получила значеніе самостоятельнаго, недѣлимаго, непротяженаго, самодовлѣющаго существа, одареннаго сознаніемъ, хотя бы въ безконечно-малой степени. Изъ М., связанныхъ другъ съ другомъ съ помощью предустановленной гармоніи (см. Гармонія), состоить по Лейбницу весь міръ.

Монизмъ (греч.)—направленіе философской мысли, которое въ противоположность дуализму (см. это слово), стремится объяснить все явленія міра, исходя изъ одного принципа.

Монотеизмъ—см. Богъ.

Мораль—см. Этика.

Мотивъ (отъ лат. moveo=двигай)—основаніе, опредѣляющее дѣятельность воли. По учению детерминизма (см. это

слово) воля всегда действует подъ давлениемъ наиболѣе сильнаго М.

Мысль — отдѣльный актъ, а также результатъ мышленія.

Мышленіе — душевная дѣятельность, состоящая въ созданіи, комбинированіи, видоизмѣненіи и преобразованіи всякаго рода мыслей, независимо отъ ихъ происхожденія. Охватывая память и воображеніе. М. въ то же время присоединяется къ нимъ извѣстный элементъ *активности, произвольности*. Этимъ М. отличается отъ другихъ, болѣе пассивныхъ умственныхъ процессовъ, обусловленныхъ т. н. ассоціаціей идей (см. это слово). Съ другой стороны М. слѣдуетъ отличать и отъ *познанія*, которое направляется только на предметы, дѣйствительно существующіе.

Логическими законами мышленія называются законы, объясняющіе умозаключенія, поскольку послѣднія составляютъ предметъ логики. Ихъ три: 1) законъ тождества (см. А=А); 2) законъ противорѣчія (невозможно, чтобы однѣ и тотъ же предметъ имѣлъ и въ то же самое время не имѣлъ какого-либо признака); 3) законъ исключенного третьяго (между двумя понятіями можетъ существовать только или положительное или отрицательное отношеніе). Иногда къ нимъ присоединяются еще и законъ достаточнаго основанія (см. это слово). Первые три закона М. имѣютъ безусловное значеніе лишь постольку, поскольку наше мышленіе (т. н. разсудочное) опирается на изолированными, законченными понятіями. Но при разсмотрѣніи явлений и вещей въ ихъ развитіи намъ приходится прибѣгать къ діалектикѣ (см. это слово) и тогда М., встрѣчая противорѣчія, можетъ устранить ихъ не гольми отрицаніемъ, а дальнѣйшимъ развитіемъ понятія, обогащеніемъ его содержанія.

Н.

Наблюденіе — см. Опытъ.

Наивный реализмъ — см. Внѣшн. міръ.

Нативизмъ — см. Время и пространство.

Натурализмъ (отъ лат. *natura* =

природа) — ученіе, отвергающее все сверхчувственное.

Natura naturans — схоластическое обозначеніе творческой силы, какъ первоосновы природы, въ противоположность *Natura naturata* — совокупности сотворенныхъ вещей.

Natura non facit saltus — (лат.: природа не дѣлаетъ скачковъ). Положеніе это справедливо только отчасти, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда незначительное количественное приращеніе вызываетъ измѣненіе въ качествѣ (напр., незначительное повышеніе температуры производить взрывъ), природа фактически совершає скачокъ.

Натурфилософія — иначе философія природы; часть философіи, изслѣдующая сущность мірового процесса, — наиболѣе общая часть естествознанія. Въ частности Н.—течение въ немецкой философіи, исходившее гл. обр. отъ Шеллинга и стремившееся замѣнить наблюденіе въ опыта въ познаніи природы построеніями изъ понятій разума.

Наука — совокупность знаній, приведенныхъ въ систему, сообразно извѣстнымъ принципамъ. Въ Н. различаются материалъ, т. е. объекты ея разсмотрѣнія, и теорію, связывающую эти объекты воедино.

Необходимость — съ субъективной стороны выражение высшей степени увѣренности. Съ объективной стороны мы можемъ считать необходимымъ все то, что вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ данного достаточнаго основанія. Н. не противорѣчить свободѣ, а включаетъ ее въ себѣ поскольку мы въ состояніи создать основанія, изъ которыхъ вытекали бы желанныя для насъ слѣдствія (См. Детерминизмъ).

Непознаваемое (*unknowable*) — терминъ Спенсера для обозначенія абсолютнаго начала вещей. (См. Агностіцизмъ).

Непрерывность — свойство явлений, рассматриваемыхъ съ ихъ количественной стороны, увеличиваться или уменьшаться такимъ образомъ, что переходы изъ одного состоянія въ другое образуютъ слитную сплошную линію, такъ что вся-

кое приращение может быть сделано, какъ угодно малымъ.

Непрямое доказательство—состоить въ томъ, что истинность какого-либо положенія доказывается невѣрностью ему противоположнаго.

Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu (лат.: ничто не можетъ стать предметомъ разсудка, не пройдя черезъ чувства)—основное положеніе сенсуализма.

Номинализмъ (отъ лат. *nomen* = имя)—направление схоластической философии, утверждавшее что общія понятія суть не что иное, какъ слова, и что реальны только единичные явленія. Формула Н.—*universalia post rem* (понятіе послѣ вещи). Номиналистами были Абеляръ, Росцеллинъ, Бурданъ. (См. Реализмъ, Концептуализмъ).

Номинальное определеніе (лат.: *definitio nominalis*)—определеніе значенія слова или термина. Противополагается определенію реальному, или определенію самаго понятія.

Норма—праило, образецъ, по которому что-либо должно совершаться.

Ноумонъ (греч.) — то же, что и „вещь въ себѣ“ (см. это слово).

Ноэтика (греч.)—ученіе о познаніи.

Нравственность—см. Этика.

O.

Объективация—становленіе объектомъ. Шопенгауэръ считалъ міръ О. воли.

Объективный—относящийся къ объекту, независящий отъ субъекта. О. значеніе имѣть все то, что обосновано въ природѣ объекта (см. это слово).

Объектъ (отъ лат. *objicere*=противопоставлять)—въ самомъ общемъ значеніи все то, что противополагается субъекту, все, что составляетъ содержаніе сознанія. Въ болѣе узкомъ смыслѣ понятіе О. относится только къ предмету, данному намъ въ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ содержаніе сознанія (представленіе) является только отображеніемъ, конией О.

Объемъ понятія—совокупность всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые подходятъ подъ

признаковъ давнаго понятія называется его *содержаніемъ*. Чѣмъ больше О. понятія, тѣмъ оно абстрактнѣе, т. е. тѣмъ уже его содержаніе. *Единичный* понятія, т. е. понятія, относящіяся только къ одному предмету, имѣютъ наименьшій О. и наиболѣшее содержаніе.

Ограничение, ограничительная сужденія—см. Лимитативные сужденія.

Окказіонализмъ (отъ лат. *occasio* = случай)—философское направление, развившееся изъ ученія Декарта. Раздѣливъ міръ на двѣ части, міръ протяженія и міръ мысли, Декартъ не могъ дать удовлетворительного отвѣта на вопросъ о томъ, какъ именно сообщаются между собою эти два міра. О., признавая, что духъ и матерія не имѣютъ между собой ничего общаго и поэтому не могутъ воздѣйствовать другъ на друга, прибѣгаетъ для объясненія соотвѣтствія между тѣлесными и духовными явленіями къ помощи Бога. О. утверждаетъ, что психическая явленія вызываются Богомъ при „случаѣ“ (отсюда и название О.) какого-либо физического измѣненія. Главнейшие представители О. — Гейлинкъ (1624—1669) и Мальбраншъ (1638—1715).

Онтологическое доказательство бытія Божія—см. Богъ.

Онтология (греч.)—ученіе о сущемъ. Въ докантовской философии О. выродилась въ бессодержательная попытка постигнуть свойства сущаго изъ чистаго разума. Въ своей критикѣ Кантъ уничтожаетъ О., какъ часть метафизики.

Описаніе—систематическое перечисленіе характерныхъ признаковъ предмета или понятія. Чѣмъ систематичнѣе и полнѣе О., чѣмъ больше вскрывается оно отношенія данного предмета къ другимъ, тѣмъ больше оно служить тому, что мы называемъ научнымъ объясненіемъ.

Определеніе—въ логикѣ—раскрытие содержанія понятія, т. е. указавъ всѣхъ, составляющихъ его признаковъ. Обыкновенно О. даются въ самомъ сжатомъ видѣ и состоятъ тогда изъ ближайшаго родового понятія и видового отличія (*definitio fit per genus proximum et differentiam*).

рать есть прямоугольникъ (родов. понятие), имѣющій равныя стороны (видов. отличие). Правильное О. должно удовлетворять слѣд. требованиямъ: 1) не дѣлать *круга*, т. е. не опредѣлять съ помощью понятія, которое само можетъ быть опредѣлено только посредствомъ опредѣляемаго; 2) О. не должно состоять изъ однихъ только отрицаній; 3) О. должно быть *точнымъ*, т. е. не заключать двусмысленностей; 4) О. не должно пропускать признаковъ, входящихъ въ содержаніе данного понятія, и не прибавлять лишнихъ признаковъ.

О. раздѣляются на номинальная и реальная (см. слово Номинальный).

Оптимизмъ (отъ лат. *optimus*=наилучшій) — въ теоретическомъ смыслѣ ученіе, по которому существующій мір лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Ученіе О. встрѣчается уже у стояковъ; систематически разработано Лейбницемъ.

Опытъ — виѣть двоякое значеніе: 1) систематическое соединеніе данныхъ воспріятія, провѣряемое человѣческой практикой; 2) экспериментъ, т. е. наблюденіе извѣстнаго явленія въ условіяхъ, цѣлесообразно созданныхъ наблюдателемъ.

Органонъ (орудіе) — название сочиненій Аристотеля по логикѣ, которая является какъ бы орудіемъ науки.

Основаніе — положеніе, отъ которого зависитъ постоянство другого (см. законъ достаточнаго О.).

Отвлеченіе, отвлеченій — см. абстрактный.

Относительность познанія — зависимость познанія отъ познающаго субъекта. О. п. остается совершенно безсодержательнымъ понятіемъ до тѣхъ поръ, пока не установлена форма и границы этой зависимости. Признаніе О. п. безграничной ведеть къ крайнему скептицизму.

Отношеніе — связь между отдѣльными явленіями. Капть считаетъ О. одной изъ категорій разсудка и раздѣляетъ сужденія по О. на категорическая, гипотетическая и раздѣлительная.

Отрицаніе — актъ мысли, содержащей въ себѣ твъзяне, что извѣстный пра-

знакъ не относится къ данному объекту. О. имѣть громадное значеніе, какъ орудіе познанія, только въ томъ случаѣ, если О. принимается въ расчетъ природу каждого отдѣльного объекта, а не ограничивается простымъ удалениемъ его содержанія. Въ этомъ случаѣ О. позволяетъ обогатить содержаніе понятія новыми признаками, поднять его на высшую ступень (совершить т. н. въ діалектицѣ отрицаніе отрицанія). Возможность эта коренится въ діалектической природѣ всего мірового процесса, проявляющейся и въ отдѣльныхъ явленіяхъ. Вотъ примѣръ изъ области философии, иллюстрирующій эту силу О. Идеализмъ является отрицаніемъ материализма, поскольку онъ вынужденъ допустить душу, какъ нечто отдельное отъ тѣла и признать ея самостоятельное существование. Но это О., доведенное послѣдовательно до конца дѣлаетъ духъ первичнымъ началомъ вселенной и расширяетъ область духа до границъ всего научного опыта (въ системѣ абсолютнаго идеализма). Но тѣмъ самымъ духъ, какъ нечто стоящее надъ вселенной, становится излишнимъ, отрицаетъ самъ себя и мы приходимъ, такимъ обр., къ самоизразиженію идеализма и къ торжеству материализма на высшей ступени.

Ощущеніе — впечатлѣнія отъ внѣшнаго міра, получаемыя нами путемъ органовъ чувствъ. Современная психологія различаетъ слѣдующіе виды О.: 1) слуховыя; 2) О. света и цветовъ; 3) О. давленія; 4) О. температуры; 5) О. боли; 6) хинестетическая (мышечная и суставная) О.; 7) О. запаха; 8) О. вкуса; 9) статическое О.; 10) общее О.

Въ каждомъ ощущеніи различаются два основныхъ элемента: качество и напряженность.

П.

Память — способность вызывать въ сознаніи однажды пережитое. Физиологическую основу П. слѣдуетъ видѣть въ тѣхъ измѣненіяхъ, какія остаются въ первыхъ элементахъ мозга подъ влияниемъ извѣстныхъ раздраженій. Эти

слѣды облегчаютъ возникновеніе соответствующихъ психическихъ образовъ и при несравненно болѣе слабыхъ, но сходныхъ раздраженіяхъ.

Панлогизмъ (греч.)—ученіе, по которому вся дѣятельность является воплощеніемъ логически развивающейся идеи (ученіе Гегеля).

Панпсихизмъ — ученіе о всеобщемъ одушевленіи.

Пантезъмъ—см. Богъ.

Парадоксъ — утвержденіе, противорѣчащее общепринятыму мнѣнію.

Параллелизъмъ (психофизический) — см. Душа.

Паралогизмъ—въ логикѣ—формальная ошибка при умозаключеніи, произошедшая не преднамѣренно, тогда какъ ошибка, сдѣланная съ намѣреніемъ ввести въ заблужденіе, называется софизмомъ. По Канту П. чистаго разума состоять въ естественной склонности нашего разума принимать явленія за вещи въ себѣ и переносить на объектъ то, что является продуктомъaprіорной дѣятельности субъекта.

Первичныя свойства или **качества тѣлъ**—см. Качество.

Перцепція — то же, что и восприятіе (см. это слово).

Пессимизмъ (отъ лат. *pessimus*=худшій)—ученіе, развитое гл. о. Шопенгауэромъ и Гартманомъ, по которому существующій міръ — наихудшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, а поэтому небытіе слѣдуетъ предпочесть бытію.

Petitio principii—см. Доказательство.

Плюрализъмъ (лат.)—ученіе, по которому міръ состоитъ изъ множества самостоятельныхъ единицъ. Подъ понятіе П. подходитъ и Атомизмъ, и Монадология Лейбница.

Позитивизмъ—положительная философія О. Конта и ученія къ ней примыкающія. Конть называетъ положительной третью стадію развитія человѣческаго духа (къ которой онъ и относить свою философію), слѣдующую за первыми двумя—теологической и метафизической. Иногда П. придаютъ болѣе широкое значеніе, понимая подъ нимъ всякую

философію, отрицающую сверхчувственное бытіе.

Позиціоніе—духовная дѣятельность, приводящая къ познанію. Законы этой дѣятельности рассматриваетъ гносеология и логика, какъ часть гносеологии.

Понятіе—общее или единичное представление, переработанное такимъ образомъ, что въ немъ мысленно выдѣлены существенные признаки предмета.

Порогъ раздраженія—въ психологіи такая степень раздраженія, при которой получается едва замѣтное ощущеніе (см. Психофизика).

Постулать (лат.)—предпосылка, не доказуемая, но принимаемая нами за истину.

Посылка—въ логикѣ—сужденія, изъ которыхъ дѣлается выводъ.

Потенція (лат.)—способность, возможность, сила.

Предикать—сказуемое.

Представленіе—такой продуктъ душевной жизни, при помощи которого мы мысленно рассматриваемъ, какъ бы воспринимаемъ, предметы, которыхъ въ дѣятельности передъ нами вѣтъ. Логика различаетъ единичные и общія П. Первые относятся къ отдельнымъ предметамъ, при помощи же вторыхъ мы рассматриваемъ общіе признаки, присущіе цѣлой группѣ предметовъ.

Престабилизъмъ — предустановленная гармонія (см. Гармонія).

Приматъ (лат.)—первенство. Терминъ употребляется Кантомъ для обозначенія первенства практическаго разума передъ теоретическимъ, т. е. только первый можетъ постигнуть и обосновать три основныя идеи метафизики (Богъ, бессмертие, свобода воли).

Принципъ (лат.)—начало, основа, предпосылка чего-либо. Въ болѣе узкомъ смыслѣ П. — основаніе, изъ котораго исходить наша мысль, и которое не требуетъ доказательства и не можетъ быть доказано (см. Аксіома). Разница между П. и аксиомой состоять въ томъ, что П. носить болѣе разсудочный, а аксиома болѣе наглядный характеръ.

Природа—весь міръ, воспринимаемый нашими органами чувствъ. П. вещи—

то, что развивается въ вещи по присущему ей законамъ.

Причина—явление, за которымъ необходимо слѣдуетъ другое явление, какъ слѣдствіе первого. Это соотношеніе между явленіями мы называемъ причинной связью. Понятіе причинной связи включаетъ въ себѣ больше, чмъ простое слѣдованіе явленій другъ за другомъ во времени; оно указываетъ на взаимное сцепленіе отдельныхъ элементовъ этихъ явленій. Для объясненія понятія причины была выдвинута Кантъмъ теорія априорности понятія причины, столь же несостоительная, какъ понятіе априорности вообще (см. это слово). Объясненіе всеобщности и необходимости причинной связи не нуждается въ прописываніи ей субъективного характера; оно вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ единства, т. е. материальности природы.

Проблема (греч.)—научный вопросъ, трудный для разрѣшения.

Проблематичный—возможный, сомнительный. Проблематическое сужденіе—см. Аподиактический.

Прогресс (лат.)—движение отъ условія къ обусловленному. Въ обычномъ словоупотребленіи П.—развитіе человѣчества въ сторону большаго совершенства.

Прологомены (греч.)—предисловіе, введеніе въ какую-либо область научнаго изслѣдованія.

Пропедевтика (греч.)—предварительный курсъ знаній, необходимыхъ для изученія какой-либо науки. Въ философіи П.—изложеніе основныхъ понятій, знаніе которыхъ необходимо для занятій философіей.

Противоположная сужденія; если два сужденія, имѣющія одинаковый составъ и разное качество (т. е. одно положит., а другое отрицат.) будутъ оба общими, или одно изъ нихъ будетъ общимъ, а другое частнымъ или, наконецъ, оба будутъ единичными, то они принадлежать къ числу П.; если они будутъ оба частными, то они не будутъ П.

Противорѣчіе—въ формальной логикѣ, т. е. въ логикѣ т. н. «здраваго разсудка»—такое соотношеніе понятій ил-

сужденій, при которомъ они взаимно исключаютъ другъ друга. Иначе говоря, сказуемое, относимое къ какому-либо подлежащему, не можетъ заключать въ себѣ двухъ взаимно исключающихъ признаковъ (т. н. *contradictio in adjecto*)—см. Мысленіе. Но діалектика (см. это слово) показываетъ, что такое пониманіе П. вѣрно лишь до тѣхъ поръ, пока мы рассматриваемъ вещи и относящіяся къ нимъ понятія, какъ нечто застывшее, безжизненное. Рассматривая же ихъ въ процессѣ развитія, мы убеждаемся, что взаимно исключающіе другъ друга признаки могутъ уживаться другъ съ другомъ подъ условіемъ примиренія ихъ въ высшемъ единству (*contradictio in subiecto*). Такъ, несмотря на противоположность понятій прямой и кривой, математика считаетъ окружность круга безконечно-большого радиуса прямой линіей; несмотря на то, что понятія жидкій и твердый взаимно исключаютъ другъ друга, физика оперируетъ съ понятіемъ струнчатой массы, т. е. твердо-жидкаго тѣла и т. д.

Психология (греч.)—наука о душѣ, или, пользуясь болѣе научнымъ опредѣленіемъ,—наука о фактахъ душевной жизни въ ихъ совокупности. Задача П. въ области изученія этихъ фактовъ состоять: 1) въ разложеніи сложныхъ психическихъ переживаній на ихъ составные простѣйшіе элементы (ощущенія и эмоціи); 2) въ нахожденіи законовъ возникновенія, какъ простыхъ психическихъ элементовъ, такъ и ихъ комбинацій; 3) въ изученіи душевной жизни въ ея постепенномъ развитіи (психология животныхъ, дѣтей и т. д.). Что касается метода П., то овъ, какъ методъ всякаго естественно-научнаго изслѣдованія, сводится къ наблюдению и эксперименту; къ нимъ присоединяется и методъ съмнаблюденія, связанный съ природой предмета.

Психофизика—часть экспериментальной психологіи, изучающая отношенія между психическими фактами и порождающими ихъ физическими причинами. Основой П., позволяющей измѣрять психическую явленія, послужила физиологич-

иаспітабомъ, является слѣдующій П. законъ, выставленный Е. Г. Веберомъ (1795—1878) и Фехнеромъ (1801—1887): „Приростъ раздраженія, вызывающій едва замѣгное ощущеніе, стоять всегда въ постоянномъ отношеніи къ величинѣ самого раздраженія“. (Для света это отношеніе = 100 : 101, для давленія—15 : 16, для звука—3 : 4). Изъ этого закона слѣдуетъ, что „величина раздраженія должна расти въ геометрической прогрессіи для того, чтобы величина ощущенія могла расти въ прогрессіи арифметической“, или „напряженность ощущенія растеть прямъ пропорционально логарифму раздраженія“.

P.

Раздѣлительное, или дисъюнктивное сужденіе—такое сужденіе, которое состоитъ изъ двухъ категорическихъ сужденій, соединенныхъ другъ съ другомъ союзомъ *или*.

Разсудокъ и разумъ—общее выражение для обозначенія духовной дѣятельности человѣка, поскольку она носить характеръ цѣлесообразно направлений активности. Въ психологіи различіе между разсудкомъ и разумомъ не имѣть никакого значенія, во въ теоріи познанія подъ разсудкомъ мы понимаемъ обыкновенно способность образовывать представленія и понятія, а подъ разумомъ способность постигать общія отношенія между вещами и соответствующими имъ понятіями.

Рационализмъ (отъ лат. *ratio*=разумъ)—идеалистическое направление въ теоріи познанія (см. Гносеология), допускающее возможность познанія реального міра изъ понятій чистаго разума. Кромѣ того, Р. обозначаетъ направление т. н. „Преображеній философіи XVIII в.“, наставившее на необходимости подвергнуть критикѣ разума всѣ традиціонныя уѣжденія, а прежде всего догматы церковной вѣры.

Реализмъ (отъ лат. *res*=вещь)—имѣть два значенія. 1) Р.—направление средневѣковой холастической философіи, противоположное номинализму (см. Номинализмъ и Концептуализмъ).

По учению Р. общія понятія существуютъ не только, какъ словесные символы или психическая переживанія, но и какъ самостоятельный существа, независимо отъ отдѣльныхъ вещей и предшествующихъ имъ. (*Universalia sunt ante res*). Ученіе средневѣковаго Р. коренится въ Платоновской теоріи идей. 2) Р.—философское учение, противоположное субъективному идеализму, т. е. признающее объективное бытіе, независимое отъ познающаго субъекта. Такъ какъ Р., самъ по себѣ, не указываетъ характера этого бытія, то понятіе Р. охватываетъ какъ материализмъ, такъ и различные виды сконкритуализма.

Реальнѣе опредѣленіе—см. Опредѣленіе.

Реальность—см. Дѣйствительность.

Регрессъ—переходъ отъ обусловленного къ условію. Въ обычномъ словоупотребленіи—упадокъ.

Регулятивный—см. Конститутивный.

Религія—см. Богъ.

Релятивизмъ—ученіе объ относительности познанія (см. это слово).

Рефлексія—размышленіе. У Локка—самонаблюденіе.

Рефлексъ—отвѣтное движение организма на вѣбшее раздраженіе, носащее цѣлесообразный характеръ, но безъ участія сознательной воли.

Родъ (*genus*)—понятіе, охватывающее иѣсколько понятій, подчиненныхъ ему, которые называются понятіями видовыми (см. слово Видъ). Понятія Р. и вида—понятія относительныя. Только въ естествознаніи Р. занимаетъ болѣе или менѣе прочное мѣсто въ классификациіи, обозначая схожесть близко родственныхъ видовъ.

C.

Самонаблюденіе—направленіе вниманія на собственный міръ психическихъ переживаній. С., какъ методъ психологического изслѣдованія, даетъ чрезвычайно четочные результаты, и современная психологія стремится пополнить С. опытными методами изслѣдованія.

Свобода—см. Детерминизмъ.

Связь (лат. *сorsa*)—въ сужденіи

слова „есть“ и „не есть“, соединяеть подлежащее со сказуемымъ и служить выражениемъ активнаго процесса мышления.

Сенсуализмъ—материалистическое течение въ теоріи познанія (см. Гносеология), видящее источникъ познанія въ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ нашими органами чувствъ отъ вѣшняго міра. На долю разума, по учению С., приходится только переработка данныхъ чувственного опыта, приведеніе ихъ въ связный видъ и повѣрка однихъ данныхъ другими. (См. Рационализмъ).

Сила—чрезвычайно неопределеннное понятіе, обозначающее обыкновенно причину движения. Понятіе С. играло раньше большую роль въ естествознаніи, когда для каждой особой группы явленій создавалась и особая С. Развитіе естествоznанія уничтожило мало-по-малу эти таинственные сущности и теперь понятіе С. утратило всякое научное содержаніе.

Силлогизмъ, или умозаключеніе— вывод заключенія изъ двухъ или несколькихъ суждений, называемыхъ посылками. С. бываютъ: 1) **категорические**, состоящіе изъ двухъ категор. суждений (см. это слово); 2) **условные** или гипотетические, въ которыхъ одна посылка—сужденіе гипотетическое (см. это слово), а другая—категорическое или гипотетич.; 3) **раздѣлительные**, въ которыхъ одна посылка — сужденіе раздѣлительное (см. это слово), а другая сужденіе любого вида. Общія правила С. слѣдующія: 1) изъ двухъ посылкахъ категорич. С. должно быть не болѣе 3-хъ понятій; 2) изъ чисто отрицательныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого заключенія; 3) изъ двухъ частныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого заключенія; 4) изъ частной большой посылки (см. это слово) и отрицательной малой (см. это слово) нельзя сдѣлать никакого заключенія; 5) качество (степень общности) заключенія зависитъ отъ малой, а количество его (см. это слово) отъ большой посылки; 8) если одна изъ посылокъ имѣть проблематический характеръ, то такой же характеръ имѣть и

заключеніе. С. распадаются на отдѣльныя схемы или фигуры въ зависимости отъ количества и качества посылокъ и положенія среднаго термина (см. это слово).

С. не расширяеть нашего знанія; онъ только упорядочиваетъ его и раскрываетъ то, что въ скрытомъ видѣ имѣлось уже въ посылкахъ.

Синиретизмъ (греч.)—то же что эклектизмъ: сочетаніе различныхъ философскихъ принциповъ, безъ органическаго слиянія ихъ въ высшемъ началь.

Синтезъ (греч.)—въ противоположность анализу (см. это слово)—объединеніе, сочетаніе, слияніе. Синтетическая дѣятельность сознанія проявляется въ восприятіи, дѣятельности памяти, фантазіи. Синтетический методъ состоитъ въ развитіи слѣдствій изъ данного опредѣленаго положенія. (См. Анализъ, Аналитическое сужденіе).

Скептицизмъ (греч.) — философское направлениe, сомнѣвающееся въ истинности и цѣнности нашего познаванія. Представители С. имѣются какъ въ древней (Пирронъ, Карнеадъ, Энезидемъ) такъ и въ новой философіи (Монтэнъ, Шарронъ, Бэйль). Существенная разница между античнымъ и новымъ С. состоитъ въ томъ, что въ въ древней философіи С. является преимущественно результатомъ, а въ новой—исходнымъ пунктомъ изслѣдованія.

Содержание понятія—см. объемъ.

Сознаніе — въ широкомъ значеніи слова—состояніе душевного бодрствованія, когда имѣются на лицо ощущенія, представленія, эмоціи. Съ С. связана цѣлый рядъ проблемъ, изъ которыхъ главнѣйшая слѣдующія: 1) выясненіе условій возникновенія С.—предметъ физиологической психологіи; 2) изслѣдованіе различныхъ ступеней развитія С.—предметъ сравнительной психологіи; 3) разсмотрѣніе соотношеній между С. и подсознательной жизнью организма — мало изслѣдованная область, на которую наука стала обращать особенно вниманіе только въ послѣдніе годы. Характернымъ признакомъ С. является единство, не исключающее, а, наобо-

ротъ, предполагающее множественность состояний С., находящихся въ непрерывномъ потокѣ.

Солипсизмъ (лат.)—крайнее выражение субъективного идеализма (см. это слово). С. признаетъ единственно достовѣрныя только существование давнаго индивидуального сознанія.

Соотносительный—см. Коррелятивный.

Софизмъ—см. Паралогизмъ.

Специфическая энергія органовъ чувствъ—способность органовъ чувствъ отвѣтывать одинаковымъ образомъ на всякое раздраженіе, независимо отъ его характера. (Напр., глазъ отвѣтываетъ на ударъ впечатлѣніемъ свѣта).

Спиритуализмъ (лат.)—ученіе, признающее душу единственной реальностью и видящее въ тѣлѣ лишь проявленіе, или продуктъ души. С. родственъ идеализму.

Средній терминъ—въ сиалогизмѣ, понятіе, повторяющіеся въ каждой изъ посылокъ и, служащее для нихъ поэтому связующимъ звеномъ.

Субстанція (лат.)—самостоятельная, неразрушимая основа явленій. Метафизическая философія отдѣляетъ С. отъ яи проявленій и считаетъ С. постигающей только разумомъ. Для материалистической діалектики субстанціальная основа вещей исходитъ отъ нихъ самихъ и открывается намъ въ каждомъ чувственномъ актѣ познанія.

Субъектъ (лат.)—познающее существо въ противоположность объекту — предмету познанія. Въ логикѣ С. предложенія—подлежащее.

Сужденіе—сочетаніе двухъ понятій, изъ которыхъ одно понятіе утверждается или отрицается относительно другого. Каждое сужденіе состоитъ изъ трехъ частей: подлежащаго, (субъекта) сказуемаго (предиката) и связи. Относительно раздѣленія С. по разрядамъ см. Категорія. Сужденіе — элементарный актъ мысли, не сводимый ни къ какому другому.

Супранатурализмъ (лат.)—вѣра въ сверхъестественнное, чудесное.

Схема (греч.)—форма, оставъ. Транспонентальная С. у Канта — продуктъ

дѣятельности воображенія, благодаря которому становится возможнымъ применение общихъ категорій разсудка къ единичнымъ явленіямъ. Связующее звено между категоріей и явленіемъ Кантъ видѣть въ формѣ чувственного созерцанія—времени, — въ которомъ развертывается вся совокупность явленій.

T.

Тезисъ (греч.)—положеніе, утверждение. Въ діалектицѣ Т. — утвержденіе, изъ котораго рождается отрицаніе (антитезисъ), съ тѣмъ, чтобы путемъ отрицанія отрицанія быть созданъ синтезъ обоихъ положеній. (См. Діалектика, Отрицаніе).

Теизмъ—см. Богъ.

Телеология (греч.)—ученіе о разумной цѣлесообразности природы. Т. является отголоскомъ антропоморфического взгляда на природу, но которому за каждымъ явленіемъ природы скрывается разумное, цѣлесообразно действующее существо. Но уже Спиноза показалъ, что Т. не можетъ быть свойственна природѣ, какъ таковой, а только присыпается ей со стороны человѣка. Открытия Дарвина доставили блестящее подтверждение этому взгляду Спинозы и въ настоящее время о цѣлесообразности въ мірѣ природы говорить только, какъ о соотвѣтствіи между органомъ и его функцией, что рассматривается, какъ результатъ механическаго развитія.

Теорема (греч.)—утвержденіе, которое можетъ быть доказано изъ основныхъ положеній науки.

Теорія (греч.) — въ собственномъ смыслѣ—возврѣніе, разсмотрѣніе. Въ наукахъ Т. называется совокупность известныхъ положеній, обнимающихъ опредѣленную группу фактовъ и находящихся въ соотвѣтствіи съ данными опыта.

Теорія познанія—см. Гносеологія.

Терминъ—1) понятіе вообще, 2) специальное понятіе, свойственное какой-либо отдельной науки.

Типъ (греч.)—отпечатокъ, образецъ, общее представление.

Трансцендентальный (лат.)—терминъ Канта; обозначаетъ „относящейся къ познанію“. Т. познаніе не есть познаніе

въ собственномъ смыслѣ слова, ибо Т. понятія лишены содержанія, а выражаютъ только тѣ условія, на основаніи которыхъ возможенъ научный опытъ.

Трансцендентный (лат.)—переходящій границу опыта.

Трихотомія—дѣленіе на три части.

У.

Умозаключеніе—см. Силлогизмъ.

Ф.

Фатализмъ (отъ лат. *fatum*=судьба)—убѣжденіе въ предопределенноти всего совершающагося.

Феноменъ (греч.)—явленіе, въ противоположность нумену (вещи въ себѣ). Феноменализмъ—ученіе о томъ, что мы познаемъ только явленія, а не вещи въ себѣ.

Философія (по греч. — стремлениe, любовь къ знанію)—терминъ, содержаніе которого мѣнялось отъ эпохи къ эпохѣ, и который не имѣть поэтому точныхъ границъ. Наиболѣе широко понимали предметъ и задачу Ф. древніе греки, для которыхъ Ф. охватывала всю совокупность ихъ только что зарождавшагося и потому мало расчлененного знанія. Развитіе отдѣльныхъ наукъ все болѣе и болѣе урѣзывало область Ф., какъ науки съ самостоятельнымъ кругомъ изслѣдованія, но выѣтѣ съ тѣмъ оно же порождало необходимость въ Ф., какъ особомъ методѣ, съ помощью которого можно было бы охватить явленія міра

въ ихъ взаимной связи, а не изолированно, какъ это дѣлали отдѣльные науки. Это стремлениe Ф. сдѣлаться системой цѣлостнаго знанія нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ системѣ Гегеля, для которого Ф. охватываетъ весь міръ, какъ проявленіе діалектически развивающейся идеи. Система Гегеля замкнула кругъ развитія Ф., ибо послѣ того, какъ діалектический методъ сдѣлался достояніемъ отдѣльныхъ наукъ, Ф., не имѣя на самостоятельной области изслѣдованія, ни особаго метода, потеряла всякое право на существование, въ видѣ самостоятельной системы. Теперь название Ф. сограничилось: а) за

самостоятельными областями изслѣдованія, какъ логика и теорія познанія, а иногда психологія, этика и эстетика, б) за исторіей Ф. Кромѣ того, Ф. данной науки можно назвать сравнительную сводку наиболѣе общихъ результатовъ этой отдѣльной науки, предпринимаемую въ цѣляхъ достоинства наибольшаго единства изслѣдованія.

Форма (лат.)—въ общемъ значеніи совокупность опредѣленныхъ отношеній, въ которыхъ находится известный объектъ. Понятіе Ф. противоположно понятію содержанія, т. е. суммѣ тѣхъ признаковъ, изъ которыхъ этотъ объектъ составляется. Ф. можетъ быть отдѣлена отъ содержанія только въ мысли и не должна разматриваться, какъ самостоятельная сила. Игнорированіе этого правила ведетъ къ **формализму**, который рассматриваетъ различныя отношенія вещей въ самихъ вещахъ, а потому даетъ ихъ мертвое и невѣрное изображеніе.

Ц.

Цель—см. Телеология.

Ч.

Число—объединеніе въ одно цѣлое несколькиx однородныхъ единицъ. Ч. одно изъ наиболѣе общихъ понятій, такъ какъ при образованіи его мы отвлекаемся отъ всѣхъ качественныхъ различій отдѣльныхъ предметовъ, входящихъ въ его составъ.

Чувство (иогда *чувствование*)—одинъ изъ основныхъ, неразложимыхъ элементовъ психической жизни. Ч. можетъ быть окрашено положительнымъ или отрицательнымъ образомъ (удовольствіе—страданіе); соединяется всегда съ опредѣленными представлѣніемъ или комплексомъ представлений. Ч. представляетъ психическую реакцію организма на вицѣнія воздействія, ихъ известную одынку, необходимую для правильного пользованія объектами вицѣнія міра.

Эвдемонизмъ (греч.)—этическое ученіе, по которому высшимъ принципомъ морали является блаженство. Въ зависимости отъ того, какое содержаніе вкла-